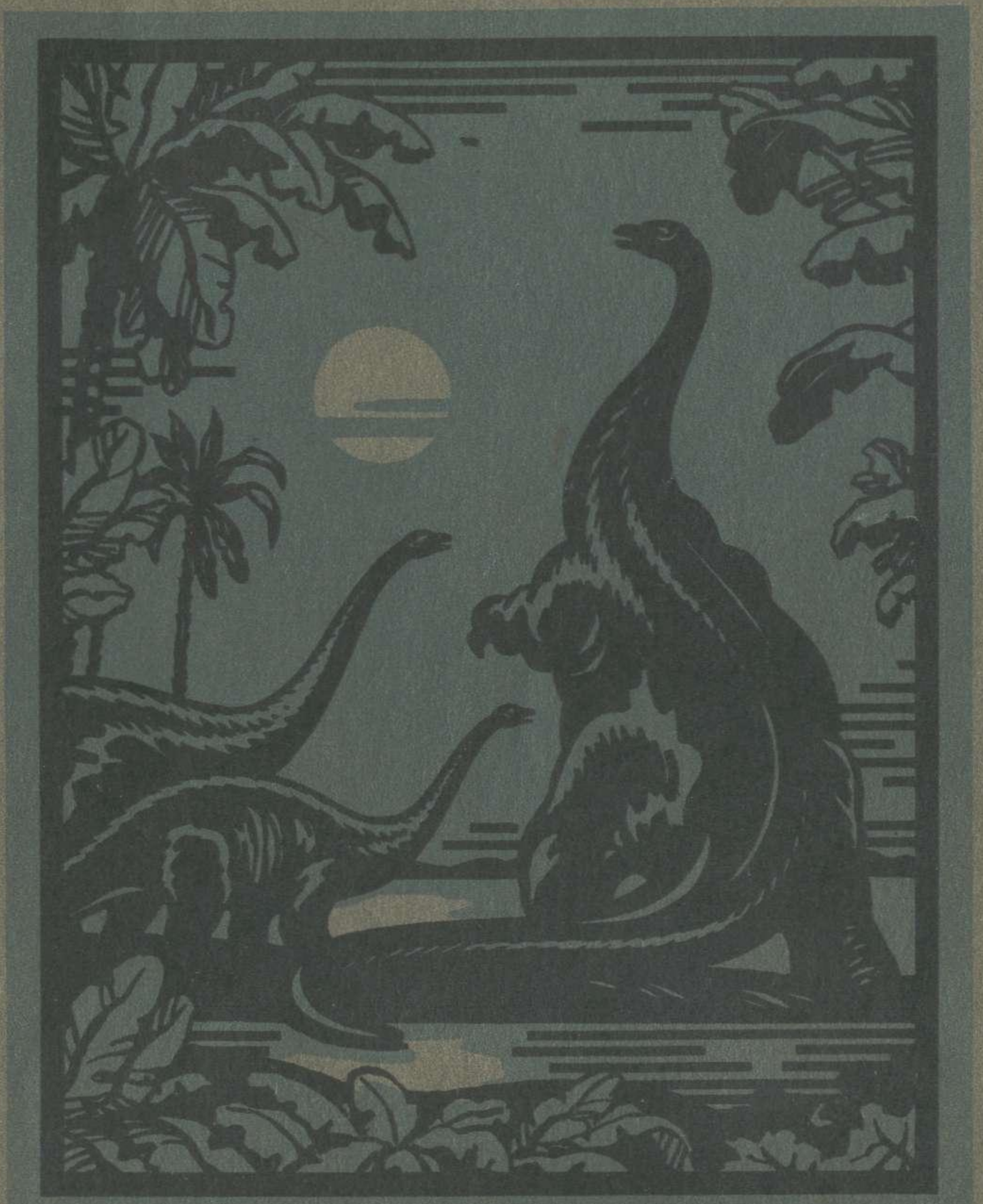

А. КОНАН-ДОЙЛЬ

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

А. Конан-Дойль

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1956

arc70@yandex.ru

Перевод с английского
Н. ВОЛЖИНОЙ

Научная редакция, послесловие и примечания
А. К. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Я выполнил свою задачу,
Если позабавил часок
Мальчика-полумужчину
И мужчину-полумальчика.

Глава I

«ЧЕЛОВЕК — САМ ТВОРЕЦ СВОЕЙ СЛАВЫ»

Ее отец, мистер Хангертон, отличался невероятной бестактностью и был похож на распушившего перья неопрятного какаду, правда весьма добродушного, но занятого исключительно собственной персоной. Если что-нибудь могло оттолкнуть меня от Глэдис, так это только крайнее нежелание обзавестись подобным тестем. Я убежден, что мои визиты в «Каштаны» три раза на неделе мистер Хангертон приписывал исключительно ценности своего общества и в особенности своих разглагольствований о биметаллизме — вопросе, в котором он мнил себя крупным авторитетом.

В тот вечер я больше часу выслушивал его монотонное чириканье о снижении стоимости серебра, обесценении денег, падении рупии и о необходимости установления правильной денежной системы.

— Представьте себе, что вдруг потребуется немедленная и одновременная уплата всех долгов в мире! — воскликнул он слабеньким, но преисполненным ужаса голосом.— Что тогда будет при существующей системе?

Я, как и следовало ожидать, сказал, что в таком случае мне грозит разорение, но мистер Хангертон остался недоволен этим ответом — он вскочил с кресла, отчитал меня за мое всегдашнее легкомыслие, лишающее его возможности обсуждать со мной серьезные вопросы, и выбежал из комнаты переодеваться к масонскому собранию.

Наконец-то я остался наедине с Глэдис! Минута, от которой зависела моя дальнейшая судьба, наступила. Весь этот вечер я чувствовал себя так, как чувствует солдат,

ожидая сигнала к отчаянной атаке, когда надежда на победу сменяется в его душе страхом перед поражением.

Глэдис сидела у окна, и ее гордый тонкий профиль оттеняла малиновая штора. Как она была прекрасна! И в то же время как далека от меня! Мы с ней были друзьями, большими друзьями, но мне никак не удавалось увести ее за пределы тех чисто товарищеских отношений, какие я мог поддерживать с любым из моих коллег-репортеров.

Глэдис была одарена всеми качествами, которые так влекут нас к женщине. Некоторые считали ее холодной и жестокой, но мне такие мысли казались предательством. Нежная кожа, смуглая, почти как у восточных женщин, волосы цвета воронова крыла, глаза с поволокой, полные, но прекрасно очерченные губы — все это говорило о страстной натуре. Однако я с грустью признавался себе, что до сих пор мне не удалось завоевать ее любовь. Но будь что будет — довольно неизвестности! Сегодня вечером я добьюсь от нее ответа. Может быть, она откажет мне, но лучше быть отвергнутым поклонником, чем довольствоваться ролью скромного братца!

Придя к такому выводу, я уже хотел было прервать затянувшееся неловкое молчание, как вдруг почувствовал на себе критический взгляд темных глаз и увидел, что Глэдис улыбается, укоризненно качая своей гордой головкой.

— Чувствую, Нэд, что вы собираетесь сделать мне предложение. Не надо. Пусть все будет по-старому, так гораздо лучше.

Я придвинулся к ней поближе.

— Почему вы догадались? — Удивление мое было неподдельно.

— Как будто мы, женщины, не чувствуем этого заранее! Неужели вы думаете, что нас можно застигнуть врасплох? Ах, Нэд! Мне было так хорошо и приятно с вами! Зачем же портить нашу дружбу? Вы совсем не цените, что вот мы — молодой мужчина и молодая женщина — можем так непринужденно говорить друг с другом.

— Право, не знаю, Глэдис. Видите ли, в чем дело... столь же непринужденно я мог бы беседовать... ну, скажем, с начальником железнодорожной станции.— Сам не понимаю, откуда он взялся, этот начальник станции, но факт остается фактом: это должностное лицо вдруг выросло перед нами и рассмешило нас обоих.— Нет, Глэдис,

я жду гораздо большего. Я хочу обнять вас, хочу, чтобы ваша головка прижалась к моей груди. Глэдис, я хочу...

Увидев, что я собираюсь осуществить свои слова на деле, Глэдис быстро поднялась с кресла.

— Нэд, вы все испортили!— сказала она.— Как бывает хорошо и просто до тех пор, пока не приходит *это!* Неужели вы не можете взять себя в руки?

— Но ведь не я первый *это* придумал! — взмолился я.— Такова человеческая природа. Такова любовь.

— Да, если любовь взаимна, тогда, вероятно, все бывает по-другому. Но я никогда не испытывала этого чувства.

— Вы, с вашей красотой, с вашим сердцем! Глэдис, вы же созданы для любви! Вы должны полюбить.

— Тогда надо ждать, когда любовь придет сама.

— Но почему вы не любите меня, Глэдис? Что вам мешает — моя наружность или что-нибудь другое?

И тут Глэдис немного смягчилась. Она протянула руку — сколько грациозного снисхождения было в этом жесте!— и отвела назад мою голову. Потом с грустной улыбкой посмотрела мне в лицо.

— Нет, дело не в этом,— сказала она.— Вы мальчик не тщеславный, и я смело могу признаться, что дело не в этом. Все гораздо серьезнее, чем вы думаете.

— Мой характер?

Она сурово наклонила голову.

— Я исправлюсь, скажите только, что вам нужно. Садитесь, и давайте все обсудим. Ну, не буду, не буду, только сядьте!

Глэдис взглянула на меня, словно сомневаясь в искренности моих слов, но мне ее сомнение было дороже полного доверия. Как примитивно и глупо выглядит все это на бумаге! Впрочем, может, мне только так кажется? Как бы там ни было, но Глэдис села в кресло.

— Теперь скажите, чем вы недовольны?

— Я люблю другого.

Настал мой черед вскочить с места.

— Не пугайтесь, я говорю о своем идеале,— пояснила Глэдис, со смехом глядя на мое изменившееся лицо.— В жизни мне такой человек еще не попадался.

— Расскажите же, какой он? Как он выглядит?

— Он, может быть, очень похож на вас.

— Какая вы добрая! Тогда чего же мне нехватает?

Достаточно одного вашего слова! Что он — трезвенник, вегетарианец, аэронавт, сверхчеловек? Я согласен на все, Глэдис, только скажите мне, что вам нужно!

Такая податливость рассмешила ее.

— Прежде всего вряд ли мой идеал стал бы так говорить. Он натура гораздо более твердая, суровая и не захочет с такой готовностью приспосабливаться к глупым женским капризам. Но что самое важное — это человек действия, человек, который безбоязненно взглянет смерти в глаза, человек великих дел, богатый опытом, и необычным опытом. Я полюблю не его самого, но его славу, потому что отсвет ее падет и на меня. Вспомните Ричарда Бертона *. Когда я прочла биографию этого человека, написанную его женой, мне стало понятно, за что она любила его. А леди Стенли? Вы помните замечательную последнюю главу из ее книги о муже *? Вот перед какими мужчинами должна преклоняться женщина! Вот любовь, которая не умаляет, а возвеличивает, потому что весь мир будет чтить такую женщину как вдохновительницу великих деяний!

Глэдис была так прекрасна в эту минуту, что я чуть было не нарушил возвышенного тона нашей беседы, однако во-время сдержал себя и продолжал спор.

— Не всем же быть Бертонами и Стенли,— сказал я.— Да и случая такого не представляется. Уж я бы им воспользовался!

— Нет, такие случаи представляются на каждом шагу. В том-то и сущность моего идеала, что он сам идет навстречу подвигу. Его не остановят никакие препятствия. Я еще не нашла такого героя, но вижу его как живого. Да, человек — сам творец своей славы. Мужчины должны совершать подвиги, а женщины — награждать героев любовью. Вспомните того молодого француза, который несколько дней назад поднялся на воздушном шаре. В то утро бушевал ураган, но подъем был объявлен заранее, и он ни за что не захотел его откладывать. За сутки воздушный шар отнесло на полторы тысячи миль, куда-то в самый центр России. Вот о таком человеке я и говорю. Подумайте о женщине, которая его любит.

---

* Здесь и дальше звездочкой обозначены слова, по поводу которых имеются примечания в конце книги.

Какую, наверно, она возбуждает зависть у других! Пусть же мне тоже завидуют, что у меня герой муж!

— Ради вас я сделал бы то же самое.

— Только ради меня? Нет, это не годится! Вы должны пойти на подвиг потому, что иначе не можете, потому, что такова ваша природа, потому, что мужское начало в вас требует своего выражения. Вот, например, вы писали о взрыве на угольной шахте в Вигане. А почему вам было не спуститься туда самому и не помочь людям, которые задыхались от удушливого газа?

— Я спускался.

— Вы ничего об этом не рассказывали.

— А что тут особенного?

— Я этого не знала.— Она с интересом посмотрела на меня.— Смелый поступок!

— Мне ничего другого не оставалось. Если хочешь написать хороший очерк, надо самому побывать на месте происшествия.

— Какой прозаический мотив! Это сводит на нет всю романтику. Но все равно, я очень рада, что вы спускались в шахту.

Я не мог не поцеловать протянутую мне руку — столько грации и достоинства было в этом движении.

— Вы, наверное, считаете меня сумасбродкой, не расставшейся с девическими мечтами. Но они так реальны для меня! Я не могу не следовать им — это вошло в мою плоть и кровь. Если я когда-нибудь выйду замуж, то только за знаменитого человека.

— Как же может быть иначе! — воскликнул я.— Кому же и вдохновлять мужчин, как не таким женщинам! Пусть мне только представится подходящий случай, и тогда посмотрим, сумею ли я им воспользоваться. Вы говорите, что человек должен сам творить свою славу, а не ждать, когда она придет ему в руки. Да вот хотя бы Клайв! — скромный клерк, а покорил Индию *! Нет, клянусь вам, я еще покажу миру, на что я способен!

Глэдис рассмеялась над вспышкой моего ирландского темперамента.

— Что ж, действуйте. У вас есть для этого все — молодость, здоровье, силы, образование, энергия. Мне стало очень грустно, когда вы начали этот разговор. А теперь я рада, что он пробудил в вас такие мысли.

— А если я...

Ее рука, словно мягкий бархат, коснулась моих губ.

— Ни слова больше, сэр! Вы и так уже на полчаса опоздали в редакцию. У меня просто нехватало духу напомнить вам об этом. Но со временем, если вы завоюете себе место в мире, мы, может быть, возобновим этот разговор.

И вот почему я, такой счастливый, догонял в тот туманный ноябрьский вечер кемберуэллский трамвай, твердо решив не упускать ни одного дня в поисках великого деяния, которое будет достойно моей прекрасной дамы. Но кто мог предвидеть, какие невероятные формы примет это деяние и какими странными путями я приду к нему!

Читатель, пожалуй, скажет, что эта вводная глава не имеет никакой связи с моим повествованием, но без нее не было бы и самого повествования, ибо кто, как не человек, воодушевленный мыслью, что он сам творец своей славы, и готовый на любой подвиг, способен так решительно порвать с привычным образом жизни и пуститься наугад в окутанную таинственным сумраком страну, где его ждут великие приключения и великая награда за них!

Представьте же себе, как я, пятая спица в колеснице «Дейли-газетт», провел этот вечер в редакции, когда в голове моей созрело непоколебимое решение: если удастся, сегодня же найти возможность совершить подвиг, который будет достоин моей Глэдис. Что руководило этой девушкой, заставившей меня рисковать жизнью ради ее прославления,— бессердечие, эгоизм? Такие мысли могут смущать в зрелом возрасте, но никак не в двадцать три года, когда человек познает пыл первой любви.

Глава II

«ПОПЫТАЙТЕ СЧАСТЬЯ У ПРОФЕССОРА ЧЕЛЛЕНДЖЕРА»

Я всегда любил нашего редактора отдела «Последние новости», рыжего ворчуна Мак-Ардла, и полагаю, что он тоже неплохо ко мне относился. Нашим настоящим властелином был, разумеется, Бомонт, но он обычно обитал в разреженной атмосфере олимпийских высот, откуда взору его открывались только такие события, как международные кризисы или крах кабинета министров. Иногда мы видели, как он величественно шествует в свое святилище, устремив взгляд в пространство и витая мысленно где-нибудь на Балканах или в Персидском заливе. Для нас Бомонт оставался недосягаемым, и мы обычно имели дело с Мак-Ардлом, который был его правой рукой.

Когда я вошел в редакцию, старик кивнул мне и сдвинул очки на лысеющий лоб.

— Ну-с, мистер Мелоун, судя по всему, что мне приходится слышать, вы делаете успехи,— приветливо сказал он.

Я поблагодарил его.

— Ваш очерк о взрыве на шахте превосходен. То же самое могу сказать и про корреспонденцию о пожаре в Саутуорке. У вас все данные хорошего журналиста. Вы пришли по какому-нибудь делу?

— Хочу попросить вас об одном одолжении.

Глаза у Мак-Ардла испуганно забегали по сторонам:

— Гм! Гм! А в чем дело?

— Не могли бы вы, сэр, послать меня с каким-нибудь поручением от нашей газеты? Я сделаю все, что в моих силах, и привезу вам интересный материал.

— А какое поручение вы имеете в виду, мистер Мелоун?

— Любое, сэр, лишь бы оно было сопряжено с приключениями и опасностями. Я не подведу газету, сэр. И чем труднее мне будет, тем лучше.

— Вы, кажется, непрочь распроститься с жизнью?

— Нет, я не хочу, чтобы она прошла впустую, сэр.

— Дорогой мой мистер Мелоун, вы уж слишком... слишком воспарили. Времена не те. Расходы на специальных корреспондентов перестали оправдывать себя. И во всяком случае такие поручения даются человеку с именем, который умеет завоевывать доверие публики. Белые пятна на карте давно заполнены, а вы ни с того ни с сего размечтались о романтических приключениях! Впрочем, постойте,— добавил он и вдруг улыбнулся.— Кстати о белых пятнах. А что, если мы развенчаем одного шарлатана, современного Мюнхаузена, и поднимем его насмех? Отчего бы вам не разоблачить его ложь? Это будет неплохо. Ну, как вы на это смотрите?

— Что угодно, куда угодно — я готов на все!

Мак-Ардл погрузился в размышления.

— Есть один человек,— сказал он, наконец,— только не знаю, удастся ли вам завязать с ним знакомство или хотя бы добиться интервью. Впрочем, у вас, кажется, есть дар располагать к себе людей. Не пойму, в чем тут дело — то ли вы такой уж симпатичный юноша, то ли это животный магнетизм, то ли ваша жизнерадостность,— но я сам на себе это испытал.

— Вы очень добры ко мне, сэр.

— Так вот, почему бы вам не попытать счастья у профессора Челленджера? Он живет в Энмор-Парке.

Должен признаться, что я был несколько озадачен таким предложением.

— Челленджер? Знаменитый зоолог профессор Челленджер? Это не тот, который проломил череп Бланделлу из «Телеграфа»?

Редактор отдела «Последние новости» мрачно усмехнулся:

— Что, не нравится? Вы же были готовы на любое приключение!

— Нет, почему же? В нашем деле бывает всякое, сэр,— ответил я.

— Совершенно верно. Впрочем, не думаю, чтобы он

всегда бывал в таком свирепом настроении. Бланделл, очевидно, не во-время к нему попал или не так с ним обошелся. Надеюсь, что вы будете удачливее. Полагаюсь также на присущий вам такт. Это как раз по вашей части, а газета охотно поместит такой материал.

— Я ровным счетом ничего не знаю об этом Челленджере. Помню только его имя в связи с судебным процессом об избиении Бланделла,— сказал я.

— Кое-какие сведения у меня найдутся, мистер Мелоун. В свое время я интересовался этим субъектом.— Он вынул из ящика лист бумаги.— Вот вкратце, что о нем известно: «*Челленджер Джордж Эдуард.* Родился в Ларгсе в 1863 году. *Образование:* школа в Ларгсе, Эдинбургский университет. В 1892 году — ассистент Британского музея. В 1893 — помощник хранителя отдела в Музее сравнительной антропологии *. В том же году покинул это место, обменявшись ядовитыми письмами с директором музея. Удостоен медали за научные исследования в области зоологии. Член иностранных обществ...» Ну, тут следует длиннейшее перечисление, строк на десять петита: Бельгийское общество, Американская академия, Ла-Плата и так далее, экс-президент Палеонтологического общества *, Британская ассоциация, секция Н. и тому подобное. *Печатные труды:* «К вопросу о строении черепа калмыков», «Очерки эволюции позвоночных» и множество статей, в том числе «Ложная теория Вейсмана» *, вызвавшая горячие споры на Венском зоологическом конгрессе. *Любимые развлечения:* пешеходные прогулки, альпинизм. *Адрес:* Энмор-Парк, Кенсингтон. Вот, возьмите это с собой. Сегодня я вам больше ничем не могу помочь.

Я спрятал листок в карман и, увидев, что, вместо краснощекой физиономии Мак-Ардла, на меня смотрит его розовая лысина, сказал:

— Одну минутку, сэр. Мне не совсем ясно, по какому вопросу нужно взять интервью у этого джентльмена. Что он такое сделал?

Глазам моим снова предстала краснощекая физиономия.

— Что он сделал? Два года назад отправился один в экспедицию в Южную Америку. Вернулся оттуда в прошлом году. В Южной Америке побывал несомненно, однако указать точно, где именно, отказывается. Начал

было весьма туманно излагать свои приключения, но после первой же придирки замолчал, как устрица. Произошли, повидимому, какие-то чудеса, если только он не преподносит нам грандиозную ложь, что, кстати сказать, более чем вероятно. Ссылается на испорченные фотографии, как утверждают — фальсифицированные. Довели человека до того, что он стал буквально кидаться на всех, кто обращается к нему с вопросами, и уже не одного репортера спустил с лестницы. На мой взгляд, это просто-напросто опасный маньяк, возомнивший себя великим ученым и к тому же одержимый мыслью о человекоубийстве. Вот с кем вам придется иметь дело, мистер Мелоун. А теперь марш отсюда и постарайтесь выжать из него все, что можно. Вы человек взрослый и сумеете постоять за себя. В конце концов риск не так уж велик, принимая во внимание закон об ответственности работодателей.

Ухмыляющаяся красная физиономия снова скрылась у меня из глаз, и я увидел розовый овал, окаймленный рыжеватым пушком. Наша беседа была закончена.

Я направился в свой клуб «Дикарь», но по дороге остановился у парапета Адельфи-Террас и в раздумье долго смотрел вниз на темную, подернутую радужными масляными разводами реку. На свежем воздухе мне всегда приходят в голову здравые, ясные мысли. Я вынул лист бумаги с перечнем всех подвигов профессора Челленджера и пробежал его глазами при свете уличного фонаря. И тут на меня нашло вдохновение, иначе это никак не назовешь. Судя по всему, что я уже узнал об этом сварливом профессоре, было ясно: репортеру к нему не пробраться. Но скандалы, дважды упоминавшиеся в его краткой биографии, говорили только о том, что он фанатик науки. Так вот, нельзя ли сыграть на этой его слабости? Попробуем!

Я вошел в клуб. Было начало двенадцатого, и в гостиной уже толпился народ, хотя до полного сбора было еще далеко. В кресле у камина сидел какой-то высокий, худой человек. Он повернулся ко мне лицом в ту минуту, когда я пододвинул свое кресло ближе к огню. О такой встрече я мог только мечтать! Это был сотрудник журнала «Природа» — тощий, весь высохший Тарп Генри, добрейшее существо в мире. Я немедленно приступил к делу:

— Что вы знаете о профессоре Челленджере?

— О Челленджере? — Тарп недовольно нахмурился.— Челленджер — это тот самый человек, который рассказывал всякие небылицы о своей поездке в Южную Америку.

— Какие небылицы?

— Да он будто бы открыл там каких-то диковинных животных. В общем, невероятная чушь. В дальнейшем его, кажется, заставили отречься от своих слов. Во всяком случае он замолчал. Последняя его попытка — интервью, данное Рейтеру. Но оно вызвало такую бурю, что он сразу понял: дело плохо. Вся эта история носит скандальный характер. Кое-кто принял его рассказы всерьез, но вскоре он и этих немногочисленных защитников оттолкнул от себя.

— Каким образом?

— Своей невероятной грубостью и возмутительным поведением. Бедняга Уэдли из Зоологического института тоже нарвался на неприятность. Послал ему письмо такого содержания: «Президент Зоологического института выражает свое уважение профессору Челленджеру и сочтет за любезность с его стороны, если он окажет институту честь присутствовать на его очередном заседании». Ответ был совершенно нецензурный.

— Да не может быть!

— В сильно смягченном виде он звучит так: «Профессор Челленджер выражает свое уважение президенту Зоологического института и сочтет за любезность с его стороны, если он провалится ко всем чертям».

— Господи боже!

— Да, то же самое, должно быть, сказал и старик Уэдли. Я помню его вопль на заседании: «За пятьдесят лет общения с деятелями науки...» Старик совершенно потерял почву под ногами.

— Ну, а что еще вы мне расскажете об этом Челленджере?

— Да ведь я, как вам известно, бактериолог. Живу в мире, который виден в микроскоп, дающий увеличение в девятьсот раз, а то, что открывается невооруженному глазу, меня мало интересует. Я стою на страже у самых пределов Познаваемого, и когда мне приходится покидать свой кабинет и сталкиваться с людьми, существами неуклюжими и грубыми, это всегда выводит меня из рав-

новесия. Я человек сторонний, мне не до сплетен, но тем не менее кое-что из пересудов о Челленджере дошло и до меня, ибо он не из тех людей, от которых можно просто-напросто отмахнуться. Челленджер умница. Это аккумулятор человеческой силы и жизнеспособности, но в то же время он оголтелый фанатик и к тому же не стесняется в средствах для достижения своих целей. Этот человек дошел до того, что ссылается на какие-то фотографии, явно фальсифицированные, утверждая, будто они привезены из Южной Америки.

— Вы назвали его фанатиком. В чем же этот фанатизм проявляется?

— Да в чем угодно! Последняя его выходка — нападки на теорию эволюции Вейсмана. Говорят, что в Вене он устроил грандиозный скандал по этому поводу.

— Вы не можете рассказать подробнее, в чем тут дело?

— Нет, сейчас не могу, но у нас в редакции есть переводы протоколов Венского конгресса. Если хотите ознакомиться, пойдемте, я покажу их вам.

— Это было бы очень кстати. Мне поручено взять интервью у этого субъекта, так вот надо подобрать к нему какой-то ключ. Большое вам спасибо за помощь. Если еще не поздно, то пойдемте.

Полчаса спустя я сидел в редакции журнала, а передо мной лежал объемистый том, открытый на статье «Вейсман против Дарвина» с подзаголовком «Бурные протесты в Вене. Оживленные прения». Мои научные познания не отличаются фундаментальностью, поэтому я не мог вникнуть в самую суть спора, тем не менее мне сразу стало ясно, что английский профессор вел его в крайне резкой форме, чем сильно разгневал своих континентальных коллег. Я обратил внимание на первые же три скобки: «Протестующие возгласы с мест», «Шум в зале», «Общее возмущение». Остальная часть отчета была для меня настоящей китайской грамотой. Я до такой степени мало разбирался в вопросах зоологии, что ничего не понял.

— Хоть бы вы перевели мне это на человеческий язык! — жалобно взмолился я, обращаясь к своему коллеге.

— Да это и есть перевод!

— Тогда я лучше обращусь к оригиналу.

Действительно, непосвященному трудно понять, в чем тут дело.

Мне бы только извлечь из всей этой абракадабры одну-единственную осмысленную фразу, которая заключала бы в себе какое-то определенное содержание! Ага, вот это, кажется, подойдет. Я даже почти понимаю ее. Сейчас перепишем. Пусть она послужит связующим звеном между мной и вашим страшным профессором.

— Больше от меня ничего не требуется?

— Нет, нет, подождите! Я хочу обратиться к нему с письмом. Если вы разрешите написать его здесь и воспользоваться вашим адресом, это придаст более внушительный тон моему посланию.

— Тогда этот субъект немедленно нагрянет сюда со скандалом и переломает нам всю мебель.

— Нет, что вы! Письмо я вам покажу. Уверяю вас, там не будет ничего оскорбительного.

— Ну что ж, садитесь за мой стол. Бумагу найдете вот здесь. И, прежде чем отсылать письмо, дайте его мне на цензуру.

Мне пришлось порядочно потрудиться, но в конце концов результаты получились неплохие. Гордый своим произведением, я прочел его вслух скептически настроенному бактериологу:

— *«Глубокоуважаемый профессор Челленджер! Будучи скромным естествоиспытателем, я с глубочайшим интересом следил за теми предположениями, которые вы высказывали по поводу противоречий между теориями Дарвина и Вейсмана. Недавно мне представилась возможность освежить в памяти Ваше...»*

— Бессовестный лгун! — пробормотал Тарп Генри.

— *«...Ваше блестящее выступление на Венском конгрессе. Этот предельно четкий по изложенным в нем мыслям доклад следует считать последним словом науки в области естествознания. Однако там есть одно место, а именно: «Я категорически возражаю против неприемлемого и сверхдогматического утверждения, будто каждый обособленный индивид есть микрокосм, обладающий исторически сложившимся строением организма, вырабатывавшимся постепенно в течение многих поколений». Не считаете ли Вы нужным в связи с последними изысканиями в этой области внести некоторые поправки в свою точку зрения? Нет ли в ней некоторой натяжки? Не откажите в любезности принять меня, так как мне крайне важно разрешить этот вопрос, а некоторые возникшие у меня мысли можно развить только в личной беседе. С Вашего позволения,*

я буду иметь честь посетить Вас послезавтра (в среду) в одиннадцать часов утра. Остаюсь, сэр, Вашим покорным слугой, уважающий Вас Эдуард Д. Мелоун».

— Ну, как? — торжествующе спросил я.

— Что ж, если ваша совесть не протестует...

— Она меня никогда не подводила.

— Но что вы собираетесь делать дальше?

— Пойду к нему. Мне бы только пробраться в его кабинет, а там я соображу, как надо действовать. Может быть, даже придется чистосердечно во всем покаяться. Если в нем есть спортивная жилка, я ему только угожу этим.

— Угодите? Берегитесь, как бы он в вас сам не угодил чем-нибудь тяжелым. Советую вам облачиться в кольчугу или в американский футбольный костюм. Ну, всего хорошего. Ответ будет ждать вас здесь в среду утром, если только он соблаговолит ответить. Это свирепый, опасный субъект, предмет всеобщей неприязни и посмешище для студентов, поскольку они не боятся дразнить его. Для вас, пожалуй, было бы лучше, если б вы никогда и не слыхали о нем.

Глава III

«ЭТО СОВЕРШЕННО НЕВОЗМОЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК!»

Опасениям или надеждам моего друга не суждено было оправдаться. Когда я зашел к нему в среду, меня ждало письмо с кенсингтонским штемпелем. Адрес был нацарапан почерком, похожим на колючую проволоку. Содержание письма было следующее:

«*Энмор-Парк, Кенсингтон.*

Сэр!

Я получил Ваше письмо, в котором Вы заверяете меня, что поддерживаете мою точку зрения, каковая, впрочем, не нуждается ни в чьей поддержке. Говоря о моей теории по поводу дарвинизма, Вы взяли на себя смелость употребить слово «предположения». Считаю необходимым отметить, что в данном контексте оно является до некоторой степени оскорбительным. Впрочем, содержание Вашего письма убеждает меня, что Вас можно обвинить скорее в невежестве и бестактности, чем в каких-либо дурных намерениях, а посему это пройдет Вам безнаказанным. Вы цитируете выхваченную из моего доклада фразу и, видимо, не совсем понимаете ее. Мне казалось, что смысл этой фразы может остаться неясным только для существа, стоящего на самой низшей ступени развития, но если она действительно требует дополнительного толкования, то я согласен принять Вас в указанное Вами время, хотя всякие посещения и всякие посетители мне крайне неприятны. Что же касается «некоторых поправок» к моей теории, то да будет Вам известно, что, высказав по зрелом рассуждении свои взгляды, я не имею привычки менять их. Когда Вы придете, будьте любезны показать конверт этого письма моему лакею Остину, ибо ему вменяется в обязанность ограждать меня от навязчивых негодяев, именующих себя репортерами.

Уважающий Вас Джордж Эдуард Челленджер».

Таков был полученный мною ответ, и я прочитал его вслух Тарпу Генри, который нарочно пришел пораньше в редакцию, чтобы узнать результаты моей смелой попытки. Тарп ограничился лишь следующим замечанием:

— Говорят, есть какое-то кровоостанавливающее средство — кутикура или что-то в этом роде, действует лучше арники.

Странным и непонятным чувством юмора наделены некоторые люди!

Я получил письмо в половине одиннадцатого, но кэб без опозданий доставил меня к месту моего назначения. Дом, у которого мы остановились, был весьма внушительного вида, с большим порталом и тяжелыми шторами на окнах, что свидетельствовало о благосостоянии этого грозного профессора. Дверь мне открыл смуглый, сухонький человек неопределенного возраста, в черной матросской куртке и коричневых кожаных гетрах. Впоследствии я узнал, что это был шофер, которому приходилось выполнять самые разнообразные обязанности, так как лакеи в этом доме не уживались. Его светлоголубые глаза испытующе оглядели меня с головы до ног.

— Вас ожидают? — спросил он.

— Да, мне назначено.

— Письмо при вас?

Я показал конверт.

— Правильно.

Этот человек, повидимому, не любил тратить слова попусту. Я последовал за ним по коридору, как вдруг навстречу мне из дверей, ведущих, должно быть, в столовую, быстро вышла женщина. Живая, черноглазая, она походила скорее на француженку, чем на англичанку.

— Одну минутку,— сказала эта леди.— Подождите, Остин. Пройдите сюда, сэр. Разрешите вас спросить, вы встречались раньше с моим мужем?

— Нет, сударыня, не имел чести.

— Тогда я заранее приношу вам свои извинения. Должна вас предупредить, что это совершенно невозможный человек, в полном смысле слова невозможный! Зная это, вы будете снисходительнее к нему.

— Я ценю такое внимание, сударыня.

— Как только вы заметите, что он начинает выходить из себя, сейчас же бегите вон из комнаты. Не перечьте ему. За такую неосторожность уже многие поплатились.

А потом дело получает огласку, и это очень плохо отражается и на мне и на всех нас. О чем вы собираетесь говорить с ним — не о Южной Америке?

Я не могу лгать женщинам.

— Боже мой! Это самая опасная тема. Вы не поверите ни единому его слову, и, по правде сказать, это вполне естественно. Только не выражайте своего недоверия вслух, а то он начнет буйствовать. Притворитесь, что верите ему, тогда, может быть, все сойдет благополучно. Не забывайте, он убежден в собственной правоте. В этом вы можете не сомневаться. Он — сама честность. Теперь идите — как бы ему не показалась подозрительной такая задержка,— а когда увидите, что он становится опасен, по-настоящему опасен, позвоните в колокольчик и постарайтесь сдержать его до моего прихода. Я обычно справляюсь с ним даже в самые тяжелые минуты.

С этим ободряющим напутствием леди передала меня на попечение молчаливого Остина, который во время нашей краткой беседы стоял, словно вылитая из бронзы статуя, олицетворяющая величайшую скромность. Он повел меня дальше. Стук в дверь, ответный рев разъяренного быка изнутри, и я оказался лицом к лицу с профессором.

Он сидел на вращающемся стуле за широким столом, заваленным книгами, картами, чертежами. Как только я переступил порог, вращающийся стул круто повернулся. У меня перехватило дыхание при виде этого человека. Я был готов встретить не совсем обычную личность, но такое мне даже не мерещилось. Больше всего поражали его размеры. Размеры и величественная осанка. Такой огромной головы мне в жизни не приходилось видеть. Если б я осмелился примерить его цилиндр, то, наверное, ушел бы в него по самые плечи. Лицо и борода профессора невольно вызывали в уме представление об ассирийских быках. Лицо большое, мясистое, борода квадратная, иссиня-черная, волной спадающая на грудь. Необычное впечатление производили и волосы — длинная прядь, словно приклеенная, лежала на его высоком, крутом лбу. У него были ясные серо-голубые глаза под мохнатыми черными бровями, и он взглянул на меня критически и весьма властно. Я увидел широчайшие плечи, могучую грудь колесом и две огромные руки, густо заросшие длинными черными волосами. Если прибавить ко всему этому раскатисто-рыкающий, громоподобный голос, то вы

поймете, каково было мое первое впечатление от встречи со знаменитым профессором Челленджером.

— Ну? — сказал он, с вызывающим видом уставившись на меня.— Что вам угодно?

Мне стало ясно, что если я сразу во всем признаюсь, то это интервью не состоится.

— Вы были настолько добры, сэр, что согласились принять меня,— смиренно начал я, протягивая ему конверт.

Он вынул из ящика стола мое письмо и положил его перед собой.

— Ах, вы тот самый молодой человек, который не понимает азбучных истин? Однако, насколько я могу судить, мои общие выводы удостоились вашей похвалы?

— Безусловно, сэр, безусловно! — Я постарался вложить в эти слова всю силу убеждения.

— Скажите, пожалуйста! Как это подкрепляет мои позиции! Ваш возраст и ваша внешность делают такую поддержку вдвойне ценной. Ну что ж, лучше уж иметь дело с вами, чем со стадом свиней, которые набросились на меня в Вене, хотя их визг не более оскорбителен, чем хрюканье английского борова.— И он яростно сверкнул на меня глазами, сразу сделавшись похожим на представителя вышеупомянутого племени.

— Они, кажется, вели себя возмутительно,— сказал я.

— Ваше сочувствие неуместно! Смею вас уверить, что я сам могу справиться со своими врагами. Приприте Джорджа Эдуарда Челленджера спиной к стене, сэр, и большей радости вы ему не доставите. Так вот, сэр, давайте сделаем все возможное, чтобы сократить ваш визит. Вас он вряд ли осчастливит, а меня и подавно. Насколько я понимаю, вы хотели высказать какие-то свои соображения по поводу тех тезисов, которые я выдвинул в докладе.

В его манере разговаривать была такая бесцеремонная прямолинейность, что хитрить с ним оказалось нелегко. Все-таки я решил затянуть эту игру в расчете на то, что мне представится возможность сделать лучший ход. На расстоянии все складывалось так просто! О, моя ирландская находчивость, неужели ты не поможешь мне сейчас, когда я больше всего в тебе нуждаюсь? Пронзительный взгляд стальных глаз лишал меня сил.

— Ну-с, не заставляйте себя ждать! — прогремел профессор.

— Я, разумеется, только начинаю приобщаться к науке,— сказал я с глупейшей улыбкой,— и не претендую на большее, чем звание скромного исследователя. Тем не менее мне кажется, что в этом вопросе вы проявили излишнюю строгость к Вейсману. Разве полученные с тех пор доказательства не... не укрепляют его позиции?

— Какие доказательства? — Он проговорил это с угрожающим спокойствием.

— Мне, разумеется, известно, что *прямых* доказательств пока еще нет. Я ссылаюсь, если можно так выразиться, на общий ход современной научной мысли.

Профессор наклонился над столом, устремив на меня сосредоточенный взгляд.

— Вам должно быть известно,— сказал он, загибая по очереди пальцы на левой руке,— что, во-первых, черепной указатель есть фактор постоянный.

— Безусловно! — ответил я.

— И что телегония * пока еще *sub judice* [1]?

— Несомненно!

— И что зародышевая плазма отличается от партеногенетического яйца *?

— Ну еще бы!— воскликнул я, восхищаясь собственной наглостью.

— А что это доказывает?— спросил он мягким, вкрадчивым голосом.

— И в самом деле,— промямлил я,— что же это доказывает?

— Сказать вам?— все так же вкрадчиво проговорил профессор.

— Будьте так любезны.

— Это доказывает,— с неожиданной яростью взревел он,— что второго такого шарлатана не найдется во всем Лондоне! Вы гнусный, наглый репортеришка, который имеет столь же отдаленное понятие о науке, сколь и о минимальной человеческой порядочности!

Он вскочил со стула. Глаза его горели сумасшедшей злобой. И все же даже в эту напряженную минуту я не мог не изумиться, увидев, что профессор Челленджер — человек маленького роста. Он был мне по плечо — при-

---

[1] Под сомнением.

плюснутый Геркулес, вся огромная жизненная мощь которого словно ушла в ширину плеч, толщину торса да еще в силу ума.

— Я молол перед вами чепуху, сэр!— возопил он, оперевшись руками о стол и вытянув вперед шею.— Я нес несусветный вздор! И вы вздумали тягаться со мной — вы, у которого весь мозг с лесной орешек! Эти проклятые писаки возомнили себя всесильными! Они думают, будто одного их слова достаточно, чтобы возвеличить человека или смешать его с грязью. Мы все должны кланяться им в ножки, вымаливая похвалу. Вот этому надо оказать протекцию, а этого изничтожим... Я знаю вашу подлую натуру! Уж очень высоко вы стали забирать! Было время, ходили смирненькие, а теперь зарвались, удержу вам нет. Пустомели несчастные! Я поставлю вас на место! Да, сэр, Джордж Эдуард Челленджер вам не пара.. Этот человек не позволит собой командовать. Он предупреждал вас, но если вы все-таки лезете к нему, пеняйте потом на себя. Фант, любезнейший мистер Мелоун! С вас причитается фант! Вы затеяли опасную игру и, на мой взгляд, остались в проигрыше.

— Послушайте, сэр,— сказал я, пятясь к двери и открывая ее,— вы можете браниться, сколько вашей душе угодно, но всему есть предел. Я не позволю налетать на меня с кулаками!

— Ах, не позволите?— Он начал медленно, с угрожающим видом наступать на меня, потом вдруг остановился и сунул свои огромные ручищи в карманы коротенькой куртки, приличествующей больше мальчику, чем взрослому мужчине.— Мне не впервой выкидывать из дома таких субъектов. Вы будете четвертым или пятым по счету. За каждого уплачен штраф в среднем по три фунта пятнадцать шиллингов. Дороговато, но ничего не поделаешь — необходимость! А теперь, сэр, почему бы вам не пойти по стопам ваших коллег? Я лично думаю, что это неизбежно.— Он снова начал свое крайне неприятное для меня наступление, выставляя носки в стороны, точно заправский учитель танцев.

Я мог бы стремглав броситься в холл, но счел такое бегство позорным. Кроме того, справедливый гнев уже начинал разгораться у меня в душе. До сих пор мое поведение было в высшей степени предосудительно, но

Мы кувырком скатились вниз по ступенькам

угрозы этого человека сразу вернули мне чувство собственной правоты.

— Руки прочь, сэр! Я не потерплю этого!

— Скажите, пожалуйста! — Его черные усы вздернулись кверху, между раздвинувшимися в злобной усмешке губами сверкнули ослепительно белые клыки.— Так вы этого не потерпите?

— Не стройте из себя дурака, профессор!— крикнул я.— На что вы рассчитываете? Во мне больше двухсот фунтов весу. Я крепок, как железо, и каждую субботу играю в регби в сборной ирландской команде. Вам со мной не...

Но в эту минуту он ринулся на меня. К счастью, я уже успел открыть дверь, иначе от нее остались бы одни щепки. Мы колесом прокатились по всему коридору, каким-то образом прихватив по дороге стул. Профессорская борода забила мне весь рот, мы стискивали друг друга в объятиях, тела наши тесно переплелись, а ножки этого проклятого стула так и крутились над нами. Бдительный Остин распахнул настежь входную дверь. Мы кувырком скатились вниз по ступенькам. Я видел, как братья Мэк исполняли нечто подобное в мюзик-холле, но, должно быть, этот аттракцион требует некоторой практики, иначе без членовредительства не обойтись. Ударившись о последнюю ступеньку, стул рассыпался на мелкие кусочки, а мы, уже порознь, очутились в водосточной канаве. Профессор вскочил на ноги, размахивая кулаками и хрипя, как астматик.

— Довольно с вас? — крикнул он, еле переводя дух.

— Хулиган! — ответил я и с трудом поднялся с земли.

Мы чуть было не схватились снова, так как боевой дух еще не угас в профессоре, но судьба вывела меня из этого дурацкого положения. Рядом с нами вырос полисмен с записной книжкой в руках.

— Что это значит? Как вам не совестно!— сказал он. Это были самые здравые слова, которые мне пришлось услышать в Энмор-Парке.— Ну,— допытывался полисмен, обращаясь ко мне,— объясните, что это значит.

— Он сам на меня напал,— сказал я.

— Это верно, что вы первый напали?— спросил полисмен.

Профессор только засопел в ответ.

— И это не первый случай,— сказал полисмен, строго

покачивая головой.— У вас и в прошлом месяце были неприятности по точно такому же поводу. У молодого человека подбит глаз. Вы предъявляете ему обвинение, сэр?

Я вдруг сменил гнев на милость:

— Нет, не предъявляю.

— Это почему же? — спросил полисмен.

— Тут есть и моя доля вины. Я сам к нему напросился. Он честно предостерегал меня.

Полисмен захлопнул книжку.

— Чтобы эти безобразия больше не повторялись,— сказал он.— Ну, нечего! Расходитесь, расходитесь!

Это относилось к мальчику из мясной лавки, к горничной и двум-трем зевакам, которые уже успели собраться вокруг нас. Полисмен тяжело зашагал по тротуару, гоня перед собой это маленькое стадо. Профессор взглянул на меня, и в глазах у него мелькнула смешливая искорка.

— Входите! — сказал он.— Я еще с вами не кончил разговора.

Хотя эти слова прозвучали зловеще, но я последовал за ним в дом. Лакей Остин, похожий на резную деревянную статую, закрыл за нами дверь.

Глава IV

«ЭТО ВЕЛИЧАЙШЕЕ В МИРЕ ОТКРЫТИЕ!»

Не успела дверь за нами захлопнуться, как из столовой выбежала миссис Челленджер. Эта крошечная женщина была вне себя от гнева. Она стала перед своим супругом, точно растревоженная клушка, грудью встречающая бульдога. Очевидно, миссис Челленджер была свидетельницей моего изгнания, но не заметила, что я уже успел вернуться.

— Джордж! Какое зверство! — взвизгнула она.— Ты искалечил этого милого юношу!

— Вот он сам, жив и невредим!

Миссис Челленджер смутилась, но быстро овладела собой.

— Простите, я вас не видела.

— Не беспокойтесь, сударыня, ничего страшного не случилось.

— Но он поставил вам синяк под глазом! Какое безобразие! У нас недели не проходит без скандалов! Тебя все ненавидят, Джордж, над тобой все издеваются! Нет, моему терпению пришел конец! Это переполнило чашу!

— Перетряхиваешь грязное белье на людях! — загремел профессор.

— Это ни для кого не тайна! — крикнула она.— Неужели ты думаешь, что всей нашей улице, да если уж на то пошло — всему Лондону не известно... Остин, вы нам не нужны, можете итти. Тебе перемывают косточки все кому не лень. Ты забываешь о чувстве собственного достоинства. Ты, которому следует быть профессором в большом университете, пользоваться уважением студентов! Где твое достоинство, Джордж?

— А где твое, моя дорогая?

— Ты довел меня бог знает до чего! Хулиган, отъявленный хулиган! Вот во что ты превратился!

— Джесси, возьми себя в руки.

— Беспардонный скандалист!

— Довольно! К позорному столбу за такие слова!— сказал профессор.

— Это безобразие, Джордж! Сними меня сию же минуту!

И, к моему величайшему изумлению, он нагнулся, поднял жену и посадил ее на высокий постамент из черного мрамора, стоявший в углу холла. Постамент этот, вышиной по меньшей мере в семь футов, был такой узкий, что миссис Челленджер еле могла удержаться на нем. Трудно было представить себе более нелепое зрелище — боясь свалиться оттуда, она словно окаменела с искаженным от ярости лицом и только чуть дрыгала ногами.

— Сними меня! — наконец, взмолилась миссис Челленджер.

— Скажи «пожалуйста».

— Это безобразие, Джордж! Сними меня сию же минуту!

— Мистер Мелоун, пойдемте ко мне в кабинет.

— Но помилуйте, сэр!..— сказал я, глядя на его жену.

— Слышишь, Джесси? Мистер Мелоун ходатайствует за тебя. Скажи «пожалуйста», тогда сниму.

— Безобразие! Ну, пожалуйста, пожалуйста!

Он снял ее с такой легкостью, словно она весила не больше канарейки.

— Веди себя прилично, дорогая. Мистер Мелоун — представитель прессы. Завтра же он тиснет все это в своей ничтожной газетке и большую часть тиража распродаст среди наших соседей. «Странные причуды одной высокопоставленной особы». Высокопоставленная особа — это ты, Джесси: вспомни, куда я тебя посадил несколько минут назад. Потом подзаголовок: «Из быта

одной оригинальной супружеской четы». Этот мистер Мелоун ничем не побрезгует, он питается падалью, подобно всем своим собратьям,— *porcus ex grege diaboli* — свинья из стада дьяволова. Правильно я говорю, мистер Мелоун?

— Вы в самом деле невыносимы,— с горячностью сказал я.

Профессор захохотал.

— Вы двое, пожалуй, заключите против меня союз,— прогудел он, выпятив свою могучую грудь и поглядывая то в мою сторону, то на жену. Потом уже совсем другим тоном: — Простите нам эти невинные семейные развлечения, мистер Мелоун. Я предложил вам вернуться совсем не для того, чтобы делать вас участником наших безобидных перепалок. Ну-с, сударыня, марш отсюда и не извольте гневаться.— Он положил свои огромные ручищи ей на плечи.— Ты права, как всегда. Если б Джордж Эдуард Челленджер слушался твоих советов, он был бы гораздо более почтенным человеком, но только не самим собой. Почтенных людей много, моя дорогая, а Джордж Эдуард Челленджер один на свете. Так что постарайся как-нибудь поладить с ним.— Он влепил жене звучный поцелуй, что смутило меня куда больше, чем все его дикие выходки.— А теперь, мистер Мелоун,— продолжал профессор, снова принимая величественный вид,— будьте добры пожаловать сюда.

Мы вошли в ту же самую комнату, откуда десять минут назад вылетели с таким грохотом. Профессор тщательно прикрыл за собой дверь, усадил меня в кресло и сунул мне под нос ящик с сигарами.

— Настоящие «Сан-Хуан Колорадо»,— сказал он.— На таких легковозбудимых людей, как вы, наркотики хорошо действуют. Боже мой! Ну кто же откусывает кончик! Отрежьте — надо иметь уважение к сигаре! А теперь откиньтесь на спинку кресла и слушайте внимательно все, что я соблаговолю сказать вам. Если будут какие-нибудь вопросы, потрудитесь отложить их до более подходящего времени. Прежде всего — о вашем возвращении в мой дом после вполне справедливого изгнания.— Он выпятил вперед бороду и уставился на меня с таким видом, словно только и ждал, что я опять ввяжусь в спор.— Итак, повторяю: после вполне заслуженного вами изгнания. Почему я пригласил вас вернуться? Потому, что мне по-

нравился ваш ответ этому наглому полисмену. Я усмотрел в нем некоторые проблески добропорядочности, несвойственной представителям вашей профессии. Признав, что вина лежит на вас, вы проявили известную объективность и широту взглядов, кои заслужили мое благосклонное внимание. Низшие представители человеческой расы, к которым, к несчастью, принадлежите и вы, всегда были вне моего умственного кругозора. Ваши слова сразу включили вас в поле моего зрения. Мне захотелось познакомиться с вами поближе, и я предложил вам вернуться. Будьте любезны стряхивать пепел в маленькую японскую пепельницу вон на том бамбуковом столике, который стоит возле вас.

Все это профессор выпалил без единой задержки, точно читал лекцию студентам. Он сидел лицом ко мне, напыжившись, как огромная жаба, голова у него была откинута назад, глаза презрительно прищурены. Потом он вдруг повернулся боком, так что мне стал виден только клок его волос над оттопыренным красным ухом, перевернул кучу бумаг на столе и вытащил оттуда какую-то весьма потрепанную книжку.

— Я хочу рассказать вам кое-что о Южной Америке,— начал он.— Свои замечания можете оставить при себе. Прежде всего будьте любезны запомнить: то, о чем вы сейчас услышите, я запрещаю предавать огласке в какой бы то ни было форме до тех пор, пока вы не получите на это соответствующего разрешения от меня. Разрешение это, по всей вероятности, никогда не будет дано. Понятно?

— К чему же такая чрезмерная строгость? — сказал я.— По-моему, беспристрастное изложение...

Он положил книжку на стол.

— Больше нам говорить не о чем. Желаю вам всего хорошего.

— Нет, нет! Я согласен на любые условия! — вскричал я.— Ведь выбирать мне не приходится.

— О выборе не может быть и речи,— подтвердил он.

— Тогда обещаю вам молчать.

— Честное слово?

— Честное слово.

Он смерил меня наглым и недоверчивым взглядом.

— А почем я знаю, каковы ваши понятия о чести?

— Ну, знаете ли, сэр,— сердито крикнул я,— вы слиш-

ком много себе позволяете! Мне еще не приходилось выслушивать такие оскорбления!

Моя вспышка не только не вывела его из себя, но даже заинтересовала.

— Короткоголовый тип,— пробормотал он.— Брахицефал *, серые глаза, темные волосы, некоторые черты негроида... Вы, вероятно, кельт *?

— Я ирландец, сэр.

— Чистокровный?

— Да, сэр.

— Тогда все понятно. Так вот: вы дали мне слово держать в тайне те сведения, которые я вам сообщу. Сведения эти будут, конечно, весьма скупые. Но кое-какими интересными данными я с вами поделюсь. Вы, вероятно, знаете, что два года назад я совершил путешествие по Южной Америке — путешествие, которое войдет в золотой фонд мировой науки. Целью его было проверить некоторые выводы Уоллеса * и Бейтса *, а это можно было сделать только на месте, в тех же условиях, в каких они проводили свои наблюдения. Если б результаты моего путешествия лишь этим и ограничились, все равно они были бы достойны всяческого внимания, но тут произошло одно непредвиденное обстоятельство, которое заставило меня направить свои исследования по совершенно иному пути.

Вам, вероятно, известно — впрочем, кто знает: в наш век невежества ничему не удивляешься,— что некоторые места, по которым протекает река Амазонка, исследованы неполностью и что в нее впадает множество притоков, до сих пор не занесенных на карту. Вот я и поставил перед собой задачу посетить эти малоизвестные места и обследовать их фауну, и это дало мне в руки столько материала, что его хватит на несколько глав того огромного, монументального труда по зоологии, который послужит оправданием всей моей жизни. Закончив экспедицию, я возвращался домой, и на обратном пути мне пришлось заночевать в маленьком индейском поселке, недалеко от того места, где в Амазонку впадает один из ее притоков — о названии и географическом положении этого притока я умолчу. В поселке жили индейцы племени кукама — мирный, но уже вырождающийся народ, умственный уровень которого вряд ли поднимается над уровнем среднего лондонца... Я вылечил нескольких тамошних жителей еще в

первый свой приезд, когда поднимался вверх по реке, и вообще произвел на индейцев сильное впечатление, поэтому неудивительно, что меня ждали там. Они сразу же стали объяснять мне знаками, что в поселке есть человек, который нуждается в моей помощи, и я последовал за их вождем в одну из хижин. Войдя туда, я убедился, что страждущий, которому требовалась помощь, только что испустил дух. К моему удивлению, он оказался не индейцем, а белым, белейшим из белых, если можно так выразиться, ибо у него были совсем светлые волосы и все характерные признаки альбиноса *. От его одежды остались одни лохмотья, страшно исхудавшее тело свидетельствовало о долгих лишениях. Насколько я мог понять индейцев, они никогда раньше не видели этого человека; он пришел в поселок из лесной чащи, один, без спутников, и еле держался на ногах от слабости. Вещевой мешок незнакомца лежал рядом с ним, и я обследовал его содержимое. Внутри был вшит ярлычок с именем и адресом владельца: «Мепл-Уайт, Лейк-Авеню, Детройт, штат Мичиган». Перед этим именем я всегда готов обнажить голову. Не будет преувеличением сказать, что когда важность сделанного мною открытия получит общее признание, его имя будет стоять рядом с моим.

Содержимое мешка ясно говорило о том, что Мепл-Уайт был художником и поэтом, отправившимся на поиски новых ярких впечатлений. Там были черновики стихов. Я не считаю себя знатоком в этой области, но мне кажется, что они оставляют желать много лучшего. Кроме того, я нашел в мешке довольно посредственные речные пейзажи, ящик с красками, коробку пастельных карандашей, кисти, вот эту изогнутую кость, что лежит на чернильнице, том Бекстера «Мотыльки и бабочки», дешевенький револьвер и несколько патронов к нему. Предметы личного обихода он, повидимому, растерял за время своих странствований, а может, их у него совсем не было. Никакого другого имущества у этого странного представителя американской богемы в наличии не оказалось.

Я уже собрался уходить, как вдруг заметил, что из кармана его рваной куртки что-то торчит. Это был альбом для этюдов — вот он, перед вами, и такой же потрепанный, как тогда. Можете быть уверены, что с тех пор, как эта реликвия попала мне в руки, я отношусь к ней с не меньшим благоговением, чем относился бы к первоизда-

нию Шекспира. Теперь я вручаю этот альбом вам и прошу вас просмотреть его страницу за страницей и вникнуть в содержание рисунков.

Он закурил сигару, откинулся на спинку стула и, не сводя с моего лица свирепого и вместе с тем испытующего взгляда, стал следить, какое впечатление произведут на меня эти рисунки.

Я открыл альбом, ожидая найти там какие-то откровения — какие, мне и самому было неясно. Однако первая страница разочаровала меня, ибо на ней был нарисован здоровенный детина в морской куртке, а под рисунком стояла подпись: «Джимми Колвер на борту почтового парохода». Дальше последовало несколько мелких жанровых набросков из жизни индейцев. Потом рисунок, на котором изображался благодушный толстяк духовного звания в широкополой шляпе, сидевший за столом в обществе очень худого европейца.

Подпись поясняла: «Завтрак у фра Кристферо в Росарио». Следующие страницы были заполнены женскими и детскими головками, а за ними шла подряд целая серия зарисовок животных с такими пояснениями: «Ламантин на песчаной отмели» *, «Черепахи и черепашьи яйца», «Черный агути * под пальмой» — агути оказался весьма похожим на свинью,— и, наконец, следующие две страницы занимали наброски каких-то весьма противных ящеров с длинными носами. Я не знал, что подумать обо всем этом, и обратился за разъяснениями к профессору:

— Это, вероятно, крокодилы?

— Аллигаторы! Аллигаторы! Настоящие крокодилы не водятся в Южной Америке. Различие между тем и другим видом заключается...

— Я только хочу сказать, что не вижу тут ничего особенного — ничего, что могло бы подтвердить ваши слова.

Он ответил мне с безмятежной улыбкой:

— Переверните еще одну страницу.

Но и следующая страница ни в чем не убедила меня. Это был пейзаж, чуть намеченный акварелью, один из тех незаконченных этюдов, которые служат художнику лишь наметкой к будущей, более тщательной разработке темы. Передний план этюда занимали бледнозеленые перистые растения, поднимавшиеся вверх по откосу, который переходил в линию темнокрасных ребристых скал, напоминавших мне чем-то базальтовые * формации. На заднем

плане эти скалы стояли сплошной стеной. Правее поднимался пирамидальный утес, повидимому отделенный от основного кряжа глубокой расщелиной; вершина его была увенчана огромным деревом. Надо всем этим сияло синее тропическое небо. Узкая кромка зелени окаймляла вершины красных скал. На следующей странице я увидел еще один акварельный набросок того же пейзажа, сделанный с более близкого расстояния, так что детали его выступали яснее.

— Ну-с? — сказал профессор.

— Формация, действительно, очень любопытная,— ответил я,— но мне трудно судить, насколько она исключительна, ведь я не геолог.

— Исключительна? — повторил он.— Да это единственный в своем роде ландшафт! Он кажется невероятным! Такое даже присниться не может! Переверните страницу.

Я перевернул и не мог сдержать возгласа удивления. Со следующей страницы альбома на меня глянуло нечто необычайное. Такое чудовище могло возникнуть только в видениях курильщика опиума или в бреду горячечного больного. Голова у него была птичья, тело как у непомерно раздувшейся ящерицы, волочащийся по земле хвост щетинился острыми иглами, а изогнутая спина была усажена высокими шипами, похожими на петушьи гребешки. Перед этим существом стоял маленький человечек, почти карлик.

— Ну-с, что вы на это скажете? — воскликнул профессор, с торжествующим видом потирая руки.

— Это что-то чудовищное, гротеск какой-то.

— А что заставило художника изобразить подобного зверя?

— Не иначе как солидная порция джина.

— Лучшего объяснения вы не можете придумать?

— Хорошо, сэр, а как вы сами это объясняете?

— Очень просто: такое животное существует. Совершенно очевидно, что этот рисунок сделан с натуры.

Я не расхохотался только потому, что во-время вспомнил, как мы колесом прокатились по всему коридору.

— Без сомнения, без сомнения,— сказал я с той угодливостью, на какую обычно не скупятся в разговоре со слабоумными.— Правда, меня несколько смущает эта крошечная человеческая фигурка. Если б здесь был нарисо-

ван индеец, можно было бы подумать, что в Америке существует какое-то племя пигмеев, но это европеец, на нем пробковый шлем.

Профессор фыркнул, словно разъяренный буйвол.

— Вы обогащаете меня опытом! — крикнул он.— Границы человеческой тупости гораздо шире, чем я думал! У вас умственный застой! Поразительно!

Эта вспышка была так нелепа, что она меня даже не рассердила. Да и стоило ли впустую тратить нервы? Если уж сердиться на этого человека, так каждую минуту, на каждое его слово. Я ограничился усталой улыбкой.

— Меня поразили размеры этого пигмея,— сказал я.

— Да вы посмотрите! — крикнул профессор, наклоняясь вперед и тыча волосатым, толстым, как сосиска, пальцем в альбом.— Видите вот это растение позади животного? Вы, вероятно, приняли его за одуванчик или брюссельскую капусту, ведь так? Нет, сударь, это южноамериканская пальма, именуемая «слоновой костью», а она достигает пятидесяти-шестидесяти футов в вышину. Неужели вы не соображаете, что человеческая фигура нарисована здесь не зря? Художник не смог бы остаться в живых, встретившись лицом к лицу с таким зверем, уж тут не до рисования. Он изобразил самого себя только для того, чтобы дать понятие о разнице масштабов. Ростом он был... ну, скажем, пяти футов с небольшим. Дерево, как и следует ожидать, в десять раз выше.

— Господи боже! — воскликнул я.— Значит, вы думаете, что это существо было... Да ведь если подыскивать ему конуру, тогда и вокзал Чаринг-Кросс окажется маловат!

— Это, конечно, преувеличение, но экземпляр действительно крупный,— горделиво сказал профессор.

— Но нельзя же,— воскликнул я,— нельзя же отметать в сторону весь опыт человеческой расы на основании одного рисунка! — Я перелистал оставшиеся страницы и убедился, что в альбоме больше ничего нет.— Один-единственный рисунок какого-то бродяги-художника, который мог сделать его накурившись гашиша или в горячечном бреду, или просто в угоду своему больному воображению. Вы как человек науки не можете отстаивать такую точку зрения.

Вместо ответа, профессор снял какую-то книгу с полки.

— Вот блестящая монография моего талантливого

Со следующей страницы альбома на меня глянуло нечто необычное

друга Рея Ланкестера *,— сказал он.— Здесь есть одна иллюстрация, которая покажется вам небезинтересной. Ага! Вот она. Подпись внизу гласит: «Предполагаемый внешний вид динозавра — стегозавра * юрского периода. Задние конечности высотой в два человеческих роста». Ну, что вы теперь скажете?

Он протянул мне открытую книгу. Я взглянул на иллюстрацию и вздрогнул. Между наброском неизвестного художника и этим представителем давно умершего мира, воссозданным воображением ученого, было, несомненно, большое сходство.

— В самом деле поразительно! — сказал я.

— И все-таки вы продолжаете упорствовать?

— Но, может быть, это простое совпадение или же ваш американец видел когда-нибудь такую картинку и в бреду вспомнил ее.

— Прекрасно,— терпеливо сказал профессор,— пусть будет так. Теперь не откажите в любезности взглянуть на это.

Он протянул мне кость, найденную, по его словам, среди вещей умершего. Она была дюймов шести в длину, толще моего большого пальца, а на конце ее сохранились остатки совершенно высохшего хряща.

— Какому из известных нам животных может принадлежать такая кость? — спросил профессор.

Я тщательно осмотрел ее, призывая на помощь все знания, какие еще не выветрились у меня из головы.

— Это, может быть, ключица очень рослого человека,— сказал я.

Мой собеседник презрительно замахал руками:

— Ключица человека имеет изогнутую форму, а эта кость совершенно прямая. На ее поверхности есть ложбинка, свидетельствующая о том, что здесь проходило крупное сухожилие. На ключице ничего подобного нет.

— Тогда затрудняюсь вам ответить.

— Не бойтесь выставлять напоказ свое невежество. Я думаю, что среди зоологов Южного Кенсингтона * не найдется ни одного, кто смог бы определить эту кость.— Он взял коробочку из-под пилюль и вынул оттуда маленькую косточку величиной с фасоль.— Насколько я могу судить, вот эта косточка соответствует в строении человеческого скелета той, которую вы держите в руке. Теперь

вы имеете некоторое представление о размерах животного? Не забудьте и про остатки хряща — они свидетельствуют о том, что это был свежий экземпляр, а не ископаемый. Ну, что вы теперь скажете?

— Может быть, у слона...

Его так и передернуло, словно от боли.

— Довольно! Довольно! Слоны — в Южной Америке! Не смейте и заикаться об этом! Даже в нашей современной начальной школе...

— Ну, хорошо,— перебил я его.— Не слон, так какое-нибудь другое южноамериканское животное, например тапир.

— Уж поверьте мне, молодой человек, что элементарными познаниями в этой отрасли науки я обладаю. Нельзя даже допустить мысль, что такая кость принадлежит тапиру или какому-нибудь другому животному, известному зоологам. Это кость очень сильного зверя, который существует где-то на земном шаре, но до сих пор неведом науке. Вы все еще сомневаетесь?

— Во всяком случае, меня это очень заинтересовало.

— Значит, вы еще не безнадежны. Я чувствую, что у вас что-то брезжит в мозгу, так давайте же терпеливо раздувать эту искорку. Оставим теперь покойного американца и перейдем снова к моему рассказу. Вы, конечно, догадываетесь, что я не мог расстаться с Амазонкой, не доискавшись, в чем тут дело. Кое-какие сведения о том, откуда пришел этот художник, у меня были. Впрочем, я мог бы руководствоваться одними легендами индейцев, ибо мотив неизведанной страны проскальзывает во всех преданиях приречных племен. Вы, конечно, слыхали о Курупури?

— Нет, не слыхал.

— Курупури — это лесной дух, нечто злобное, грозное; встреча с ним ведет к гибели. Никто не может толком описать Курупури, но имя это вселяет ужас в индейцев. Однако все племена, живущие на берегах Амазонки, сходятся в одном: они точно указывают, где обитает Курупури. Из тех же самых мест пришел и американец. Там таится нечто непостижимо страшное. И я решил выяснить, в чем тут дело.

— Как же вы поступили?

От моего легкомыслия не осталось и следа. Этот гигант умел завоевать внимание и уважение к себе.

— Мне удалось преодолеть сопротивление индейцев — то внутреннее сопротивление, которое они оказывают, даже когда заводишь разговор на эту тему. Пустив в ход всяческие увещания, подарки и, должен сознаться, угрозы, я нашел двоих проводников. После многих приключений — описывать их нет нужды,— после многих дней пути — о маршруте и протяжении его позволю себе умолчать — мы пришли, наконец, в те места, которые до сих пор никем не были описаны и где никто еще не бывал, если не считать моего злополучного предшественника. Теперь будьте любезны посмотреть вот это.

Он протянул мне небольшую фотографию.

— Ее плачевное состояние объясняется тем, что, когда мы спускались вниз по реке, нашу лодку перевернуло и футляр, в котором хранились непроявленные негативы, сломался. Результаты этого бедствия налицо. Почти все негативы погибли — потеря совершенно невознаградимая. Вот этот снимок — один из немногих, более или менее уцелевших. Вам придется удовольствоваться таким объяснением его несовершенства. Ходят слухи о какой-то фальсификации, но я не расположен спорить сейчас на эту тему.

Снимок был действительно совсем бледный. Недоброжелательный критик мог бы легко придраться к этому. Вглядываясь в тусклосерый ландшафт и постепенно разбираясь в его деталях, я увидел длинную, огромной высоты линию скал, напоминающую гигантский водопад, а на переднем плане — пологую равнину с разбросанными по ней деревьями.

— Если не ошибаюсь, этот пейзаж был и в альбоме,— сказал я.

— Совершенно верно,— ответил профессор.— Я нашел там следы стоянки. А теперь посмотрите еще одну фотографию.

Это был тот же самый ландшафт, только взятый более крупным планом. Снимок был совсем испорчен. Все же я разглядел одинокий, увенчанный деревом утес, который отделяла от кряжа расщелина.

— Теперь у меня не осталось никаких сомнений,— признался я.

— Значит, мы не зря стараемся,— сказал профессор.— Смотрите, какие успехи! Теперь будьте добры взглянуть на вершину этого утеса. Вы что-нибудь видите там?

— Громадное дерево.

— А на дереве?

— Большую птицу.

Он подал мне лупу.

— Да,— сказал я, глядя сквозь нее,— на дереве сидит большая птица. У нее довольно солидный клюв. Это, наверное, пеликан?

— Зрение у вас незавидное,— сказал профессор.— Это не пеликан и вообще не птица. Да будет вам известно, что мне удалось подстрелить вот это самое существо. И оно послужило единственным неоспоримым доказательством, которое я вывез оттуда.

— Оно здесь, у вас?

Наконец-то, я увижу вещественное подтверждение всех этих рассказов!

— Оно было у меня. К несчастью, катастрофа на реке погубила не только негативы, но и эту мою добычу. Ее подхватило водоворотом, и как я ни старался спасти свое сокровище, в руке у меня осталась лишь половина крыла. Я потерял сознание и очнулся только, когда меня вынесло на берег, но этот жалкий остаток великолепного экземпляра был цел и невредим. Вот он, перед вами.

Профессор вынул из ящика стола нечто, напоминающее, на мой взгляд, верхнюю часть крыла огромной летучей мыши. Эта изогнутая кость с перепончатой пленкой была по меньшей мере двух или более футов длиной.

— Летучая мышь чудовищных размеров? — высказал я свое предположение.

— Ничего подобного! — сурово осадил меня профессор.— Живя в атмосфере высокого просвещения и науки, я и не подозревал, что основные принципы зоологии так мало известны в широких кругах общества. Неужели вы незнакомы с элементарнейшим положением сравнительной анатомии, которое гласит, что крыло птицы представляет собой в сущности предплечье, тогда как крыло летучей мыши состоит из трех удлиненных пальцев с перепонкой между ними? В данном случае кость не имеет ничего общего с костью предплечья, и вы можете убедиться собственными глазами в наличии всего лишь одной перепонки. Следовательно, о летучей мыши нечего и вспоминать. Но если это не птица и не летучая мышь, тогда с чем же мы имеем дело? Что же это может быть?

Мой скромный запас знаний был исчерпан до дна.

— Право, затрудняюсь вам ответить,— сказал я.

Профессор открыл монографию, на которую уже ссылался раньше.

— Вот,— продолжал он, показывая мне какое-то чудовище с крыльями,— вот великолепное изображение диморфодона, или птеродактиля,— крылатого ящера * юрского периода, а на следующей странице схема механизма его крыла. Сравните ее с тем, что у вас в руках.

При первом же взгляде на схему я вздрогнул от изумления. Она окончательно убедила меня. Спорить было нечего. Совокупность всех данных сделала свое дело. Набросок, фотографии, рассказ профессора, а теперь и вещественное доказательство! Что же тут еще требовать? Так я и сказал профессору — сказал со всей горячностью, на какую был способен, ибо теперь мне стало ясно, что к этому человеку относились несправедливо. Он откинулся на спинку стула, прищурил глаза и снисходительно улыбнулся, купаясь в лучах неожиданно блеснувшего на него солнца признания.

— Это величайшее в мире открытие! — воскликнул я, хотя во мне заговорил темперамент не столько естествоиспытателя, сколько журналиста.— Это грандиозно! Вы Колумб науки! Вы открыли затерянный мир! Я искренне сожалею, что сомневался в истине ваших слов. Все это казалось мне невероятным. Но я не могу не признать очевидных фактов, и они должны быть столь же убедительны для всех.

Профессор замурлыкал от удовольствия.

— Что же вы предприняли дальше, сэр?

— Наступил сезон дождей, мистер Мелоун, а мои запасы продовольствия подошли к концу. Я обследовал часть этого огромного горного кряжа, но взобраться на него так и не смог. Пирамидальный утес, с которого я снял выстрелом птеродактиля, оказался более доступным. Вспомнив свои альпинистские навыки, я поднялся на него примерно до середины. Оттуда уже можно было разглядеть плато, венчающее горный кряж. Оно было просто необъятно! Куда ни посмотреть — на запад, на восток,— конца не видно этим покрытым зеленью скалам. У подножья кряжа расстилаются болота и непроходимые заросли, кишащие змеями и прочими гадами. Настоящий рассадник лихорадки. Вполне понятно, что такие препятствия служат естественной защитой для этой необыкновенной страны.

— А вы видели там еще какие-нибудь признаки жизни?

— Нет, сэр, не видел, но за ту неделю, что мы провели у подножья этих скал, нам не раз приходилось слышать какие-то странные звуки, доносившиеся откуда-то сверху.

— Но что же это за существо, которое нарисовал американец? Как он с ним встретился?

— Я могу только предположить, что он каким-то образом проник на самую вершину кряжа и увидел его там. Следовательно, туда есть какой-то путь. Путь, несомненно, тяжелый, иначе все эти чудовища спустились бы вниз и заполонили бы все вокруг. Уж в чем другом, а в этом не может быть сомнений!

— Но как они очутились там?

— На мой взгляд, ничего загадочного тут нет,— сказал профессор.— Объяснение напрашивается само собой. Как вам, вероятно, известно, Южная Америка представляет собой гранитный материк. В отдаленные века в этом месте, очевидно, произошло внезапное смещение пластов в результате извержения вулкана. Не забудьте, что скалы эти базальтовые, следовательно они вулканического происхождения. Площадь величиной примерно с наше графство Сессекс выперло вверх со всеми ее обитателями и отрезало от остального материка отвесными скалами такой твердой породы, которой не страшно никакое выветривание. Что же получилось? Законы природы потеряли свою силу в этом месте. Всевозможные препятствия, обусловливающие борьбу за существование во всем остальном мире, либо исчезли, либо в корне изменились. Животные, которые в обычных условиях вымерли бы, продолжали размножаться. Как вы знаете, и птеродактиль и стегозавр относятся к юрскому периоду, следовательно оба они — одни из древнейших животных в истории Земли, уцелевшие только благодаря совершенно необычным, случайно создавшимся условиям *.

— Но добытые вами сведения не оставляют места для сомнений! Вам нужно только представить их соответствующим лицам.

— Я сам так думал в простоте душевной,— с горечью ответил профессор.— Могу сказать вам только одно: на деле все вышло по-другому — мне приходилось на каждом шагу сталкиваться с недоверием, в основе которого лежали людская тупость или зависть. Не в моем характере,

сэр, пресмыкаться перед кем-нибудь и доказывать свою правоту, когда мои слова берут под сомнение. Я сразу же решил, что мне не подобает предъявлять вещественные доказательства, которые были в моем распоряжении. Самая тема стала мне ненавистной, я не хотел касаться ее ни единым словом. Когда мой покой нарушали люди, подобные вам,— люди, угождающие праздному любопытству толпы,— я был не в состоянии дать им отпор, не теряя при этом чувства собственного достоинства. По характеру я, надо признаться, человек довольно горячий и, если меня выведут из терпения, могу наделать всяких бед. Боюсь, что вам пришлось испытать это на себе.

Я потрогал свой заплывший глаз, но смолчал.

— Миссис Челленджер постоянно ссорится со мной из-за этого, но, по-моему, каждый порядочный человек поступал бы точно так же на моем месте. Впрочем, сегодня я намерен явить пример выдержки и показать, как воля может победить темперамент. Приглашаю вас полюбоваться этим зрелищем.

Он взял со стола карточку и протянул ее мне.

— Как видите, сегодня в восемь часов тридцать минут вечера в Зоологическом институте состоится лекция довольно популярного естествоиспытателя мистера Персиваля Уолдрона на тему «Скрижали веков». Меня приглашают занять место в президиуме специально для того, чтобы я от имени всех присутствующих выразил благодарность лектору. Так я и сделаю. Но это не помешает мне — конечно, с величайшим тактом и осторожностью! — обронить несколько замечаний, которые заинтересуют аудиторию и вызовут кое у кого желание более обстоятельно ознакомиться с поднятыми мною вопросами. Спорные моменты, разумеется, не будут затронуты, но все поймут, какие глубокие проблемы таятся за моими словами. Я обещаю держать себя в руках. Кто знает, может быть моя сдержанность приведет к лучшим результатам.

— А мне можно притти туда? — поспешил я спросить.

— Разумеется... разумеется, можно,— радушно ответил профессор.

Его любезность была почти так же ошеломительна, как и грубость. Чего стоила одна его благодушная улыбка! Глаз почти не стало видно, а щеки вспухли, превратив-

шись в два румяных яблочка, подпертые снизу черной бородой.

— Обязательно приходите. Мне будет приятно знать, что у меня есть по крайней мере один союзник в зале, хоть и весьма беспомощный и несведущий в вопросах науки. Народу соберется, вероятно, много, так как Уолдрон пользуется большой популярностью, несмотря на то что он шарлатан чистейшей воды. Так вот, мистер Мелоун, я уделил вам гораздо больше времени, чем предполагал. Отдельная личность не может монополизировать то, что принадлежит всему человечеству. Буду рад увидеть вас сегодня вечером на лекции. А пока разрешите вам напомнить, что материал, с которым я вас ознакомил, ни в коей мере не подлежит огласке.

— Но мистер Мак-Ардл... это наш редактор... потребует от меня отчета о беседе с вами.

— Скажите ему первое, что придет в голову. Между прочим, можете намекнуть, что если он пришлет ко мне кого-нибудь еще, я явлюсь к нему сам, вооружившись хорошей плеткой. Во всем остальном полагаюсь на вас: ни слова в печати! Так, прекрасно. Значит, в восемь тридцать — в Зоологическом институте.

Он помахал мне на прощанье рукой. Я увидел в последний раз его румяные щеки, волнистую иссиня-черную бороду, дерзкие глаза и вышел из комнаты.

Глава V

«ЭТО ЕЩЕ НЕ ФАКТ!»

То ли на мне сказался физический шок, полученный в первый мой визит к профессору Челленджеру, то ли тут сыграло роль моральное потрясение — результат второго визита, но, очутившись снова на улице, я почувствовал, что как репортер я совершенно деморализован. Голова у меня разламывалась от боли, и все же в мозгу, не утихая ни на минуту, стучала мысль, что этот человек говорит правду, значение которой трудно переоценить, и что когда мне будет позволено использовать его рассказ для статьи, наша газета получит сенсационный материал. Увидев на углу кэб, я вскочил в него и поехал в редакцию. Мак-Ардл, как всегда, был на своем посту.

— Ну? — нетерпеливо крикнул он.— Говорите, сколько вам надо строк? У вас такой вид, молодой человек, точно вы явились сюда прямо с поля битвы. Неужели без драки не обошлось?

— Да, сначала мы немножко не поладили.

— Вот человек! Ну, а потом?

— Потом он образумился, и мы с ним мирно побеседовали. Но мне ничего не удалось у него выудить, даже для маленькой заметки.

— Это как сказать! А подбитый глаз разве не материал для заметки? Довольно ему нас терроризировать, мистер Мелоун! Поставим его на место. Завтра же помещу статейку, от которой ему жарко станет. Дайте мне только материал, и я раз и навсегда заклеймлю этого субъекта. «Профессор Мюнхаузен» — что вы скажете о такой шапке? «Воскресший Калиостро»! Вспомним всех

мистификаторов и шарлатанов, которых знала история. Он у меня получит сполна за все свои мошенничества!

— Я бы не советовал, сэр.

— Почему?

— Потому что этот человек совсем не мошенник.

— Как! — взревел Мак-Ардл.— Вы что же, поверили его россказням про мамонтов, мастодонтов и морского змея?

— По-моему, у него этого и в мыслях нет. Во всяком случае я ничего такого не слышал. Но мне теперь совершенно ясно, что Челленджер может внести нечто новое в науку.

— Тогда о чем же вы думаете? Садитесь и пишите статью.

— Я бы рад написать, да он обязал меня хранить все в тайне и только при этом условии согласился говорить со мной.— Я изложил в двух-трех словах рассказ профессора.— Видите, как обстоит дело?

Физиономия Мак-Ардла выразила глубочайшее недоверие.

— Тогда займемся этим заседанием, мистер Мелоун,— сказал он, наконец.— Уж в нем-то, наверное, нет ничего секретного. Другие газеты вряд ли им заинтересуются, потому что о лекциях Уолдрона писалось уже сотни раз, а о том, что там собирается выступить Челленджер, никто и не подозревает. Если нам повезет, мы получим сенсационный материал. Во всяком случае поезжайте туда и представьте мне подробный отчет. До двенадцати часов придержу для вас свободную колонку.

Мне предстоял хлопотливый день, поэтому я решил пообедать в клубе пораньше и, пригласив к столику Тарпа Генри, рассказал ему вкратце о своих приключениях. С его худого смуглого лица не сходила скептическая улыбка, а когда я признался, что профессор убедил меня в своей правоте, Тарп не выдержал и громко захохотал.

— Дорогой мой друг, таких чудес в жизни не бывает! Где это видано, чтобы люди случайно натыкались на величайшие открытия, а потом теряли все вещественные доказательства? Предоставьте сочинять небылицы романистам. По части ловких проделок ваш профессор заткнет за пояс всех обезьян в зоологическом саду. Ведь это же невероятная чушь!

— А художник-американец?
— Вымышленная фигура.
— Я же сам видел его альбом!
— Это альбом Челленджера.
— Значит, вы думаете, что рисунок тоже его собственный?
— Ну, конечно! А чей же еще?
— А фотографические снимки?
— На них ведь ничего не видно. Вы же сами говорите, что разглядели только какую-то птицу.
— Птеродактиля.
— Да, если верить его словам. Вы поддались внушению.
— Ну, а кости?
— Первую он извлек из рагу, вторую смастерил собственными руками. Нужны только известная смекалка да знание дела, а тогда все что угодно сфальсифицируешь — и кость и фотографический снимок.

Мне стало как-то не по себе. Может быть, действительно я слишком увлекся? И вдруг меня осенила счастливая мысль.

— Вы пойдете на эту лекцию? — спросил я.

Тарп Генри на минуту задумался.

— Ваш гениальный Челленджер не пользуется особой популярностью,— сказал он.— С ним многие непрочь свести счеты. Пожалуй, во всем Лондоне не найдется другого человека, который вызывал бы к себе такое неприязненное чувство. Если на лекцию прибегут студенты-медики, скандалов там не оберешься. Нет, что-то мне не хочется итти в этот сумасшедший дом.

— По крайней мере отдайте ему должное — выслушайте его.

— Да, пожалуй, справедливость этого требует. Хорошо, буду вашим компаньоном на сегодняшний вечер.

Когда мы подъехали к Зоологическому институту, я увидел, что, сверх моих ожиданий, народу на лекцию собирается много. Электрические кареты одна за другой подвозили к подъезду седовласых профессоров, а более скромная публика потоком вливалась в сводчатые двери, свидетельствуя о том, что в зале будут присутствовать не только ученые, но и представители широких масс. И в самом деле, стоило нам занять места, как мы сразу убедились, что галерея и задние ряды ведут себя более чем

непринужденно. Обернувшись, я увидел типичную студенческую молодежь. Вероятно, все крупные больницы отрядили сюда своих практикантов. Публика была настроена добродушно, но за этим добродушием крылось озорство. То и дело раздавались обрывки популярных песенок, распеваемых хором и с большим азартом,— весьма странная прелюдия к научной лекции! Склонность аудитории к бесцеремонным шуткам ясно давала себя чувствовать. Это сулило в дальнейшем массу развлечений для всех, кроме тех лиц, к кому эти сомнительные шутки должны были непосредственно относиться.

Например, как только на эстраде появился доктор Мелдрам в своем знаменитом цилиндре с изогнутыми полями, со всех сторон раздались дружные крики: «Вот так ведро! Где вы его раздобыли?» Старик сейчас же стащил цилиндр с головы и украдкой сунул его под кресло. Когда страдающий подагрой профессор Уэдли заковылял к своему месту, шутники, к его величайшему смущению, хором осведомились о том, не болит ли у профессора пальчик на ноге. Но самый горячий прием был оказан моему новому знакомцу, профессору Челленджеру. Чтобы добраться до своего места — крайнего в первом ряду,— ему пришлось пройти через всю эстраду. Как только его черная борода показалась в дверях, аудитория разразилась такими бурными приветственными криками, что я подумал: опасения Тарпа Генри подтвердились — публику привлекла сюда не столько сама лекция, сколько возможность посмотреть на знаменитого профессора, слухи о выступлении которого, повидимому, успели разнестись повсюду.

При его появлении в передних рядах, занятых хорошо одетой публикой, раздались смешки — на сей раз партер относился сочувственно к бесчинству студентов. Публика приветствовала Челленджера оглушительным ревом, точно хищники в клетке зоологического сада, заслышавшие вдали шаги служителя в час кормежки. В этом реве ясно звучали неуважительные нотки, но, в общем, шумный прием, оказанный профессору, выражал скорее интерес к нему, чем неприязнь или презрение. Челленджер улыбнулся устало и снисходительно, как улыбается добродушный человек, когда на него налетает свора тявкающих щенков, потом медленно опустился в кресло, расправил плечи, любовно погладил бороду и, прищурившись, над-

менно глянул на переполненный зал. Рев еще не успел стихнуть, как на эстраде появились председатель, профессор Рональд Маррей, и лектор, мистер Уолдрон. Заседание началось. Надеюсь, профессор Маррей извинит меня, если я упрекну его в том, что он страдает недостатком, свойственным большинству англичан, а именно — невнятностью речи. По-моему, это одна из загадок нашего века. Почему люди, которым есть что сказать, не желают научиться говорить членораздельно? Это так же бессмысленно, как, скажем, переливать драгоценную влагу через трубу с закрытым краном, отвернуть который можно без всякого труда.

Профессор Маррей обратился с несколькими глубокомысленными замечаниями к своему белому галстуку и графину с водой, затем шутливо подмигнул серебряному канделябру, стоявшему по правую его руку, и опустился в кресло, уступив место известному популярному лектору мистеру Уолдрону, которого публика встретила аплодисментами. Физиономия у мистера Уолдрона была мрачная, голос резкий, манеры заносчивые, но он обладал даром усваивать чужие мысли и преподносить их непосвященным в доступной и даже увлекательной форме, расцвечивая свои доклады множеством шуток на самые, казалось бы, неподходящие темы, так что в его изложении даже прецессия равноденствий или эволюция позвоночных приобретали юмористический характер.

В простой, а подчас и живописной форме, которой не мешала научность терминологии, лектор развернул перед нами картину возникновения мира, взятую как бы с высоты птичьего полета. Он говорил о земном шаре — огромной массе светящегося газа, пылавшей в небесной сфере. Потом рассказал, как эта масса начала охлаждаться и застывать, как образовались складки земной коры, как пар превратился в воду. Все это было постепенной подготовкой сцены к той непостижимой драме жизни, которой предстояло разыграться на нашей планете. Перейдя к возникновению всего живого на Земле, мистер Уолдрон ограничился несколькими туманными, ни к чему не обязывающими фразами. Можно почти с уверенностью сказать, что зародыши жизни не выдержали бы первоначальной высокой температуры земного шара. Следовательно, они возникли несколько позднее. Откуда? Из остывающих неорганических элементов? Весьма вероятно. А может

статься, они были занесены извне каким-нибудь метеором? Вряд ли. Короче говоря, даже мудрейшие из мудрых не могут сказать ничего определенного по этому вопросу. Пока что нам не удается создать в лабораторных условиях органическое вещество из неорганического. Наша химия не в силах перебросить мост через ту пропасть, которая отделяет живую материю от мертвой. Но природа, оперирующая огромными силами на протяжении многих веков, сама является величайшим химиком, и ей может удаться то, что непосильно для нас. И больше тут сказать нечего.

Вслед за этим лектор перешел к великой шкале животной жизни и ступенька за ступенькой — от моллюсков и беспозвоночных морских тварей к пресмыкающимся и рыбам — добрался, наконец, до производящей на свет живых детенышей кенгуру, прямого предка всех млекопитающих *, а следовательно, и тех, что находятся в этом зале. («Ну, положим!» — *голос какого-то скептика из задних рядов.)* Если юный джентльмен в красном галстуке, крикнувший «Ну, положим!» и, повидимому, имеющий основание думать, что он вылупился из яйца, соблаговолит задержаться после заседания, лектор будет очень рад ознакомиться с такой достопримечательностью. *(Смех.)* Подумать только, что процессы, веками происходившие в природе, завершились созданием юного джентльмена в красном галстуке! Но разве эти процессы действительно завершились? Следует считать этого джентльмена конечным продуктом эволюции — так сказать, венцом творения? Лектор не хочет оскорблять джентльмена в красном галстуке в его лучших чувствах, но ему кажется, что какими бы добродетелями ни обладал сей джентльмен, все же грандиозные процессы, происходящие во вселенной, не оправдали бы себя, если б конечным результатом их было создание вот такого экземпляра. Силы, обусловливающие эволюцию, не иссякли, они продолжают действовать и готовят нам еще большие сюрпризы.

Расправившись под общие смешки со своим противником, мистер Уолдрон вернулся к картинам прошлого и рассказал, как высыхали моря, обнажая песчаные отмели, как на этих отмелях появлялись первые живые существа, студенистые, вялые, рассказал о лагунах, кишащих всякой морской тварью, которую привлекало сюда тинистое дно

и особенно изобилие пищи, что способствовало ее стремительному развитию.

— Вот, леди и джентльмены, откуда пошли те чудовищные ящеры, которые до сих пор вселяют в нас ужас, когда мы находим их скелеты в вельдских или золенгофенских сланцах *. К счастью, все они исчезли с нашей планеты задолго до появления на ней первого человека.

— Это еще далеко не факт! — прогудел кто-то на эстраде.

Мистер Уолдрон был человек выдержанный, к тому же острый на язык, что особенно почувствовал на себе джентльмен в красном галстуке, и перебивать его было небезопасно. Но последняя реплика, очевидно, показалась ему настолько нелепой, что он даже несколько растерялся. Такой же растерянный вид бывает у шекспироведа, задетого яростным бэконианцем, или у астронома, столкнувшегося с фанатиком, который утверждает, что Земля плоская. Мистер Уолдрон умолк на секунду, а затем, повысив голос, с расстановкой повторил свои последние слова:

— К счастью, все они исчезли с нашей планеты задолго до появления на ней первого человека.

— Это еще не факт! — снова прогудел тот же голос.

Уолдрон бросил удивленный взгляд на сидевших за столом профессоров и, наконец, остановился на Челленджере, который сидел, откинувшись на спинку стула, и улыбался с закрытыми глазами, словно во сне.

— А, понимаю! — Уолдрон пожал плечами.— Это мой друг профессор Челленджер! — И под хохот всего зала он вернулся к прерванной лекции, как будто дальнейшие пояснения были совершенно излишни.

Но этим дело не кончилось. Какой бы путь ни избирал докладчик, блуждая в дебрях прошлого, все они неизменно приводили его к упоминанию об исчезнувших доисторических животных, что немедленно исторгало из груди профессора тот же зычный рев. В зале уже предвосхищали заранее каждую его реплику и встречали ее восторженным гулом. Студенты, сидевшие тесно сомкнутыми рядами, не оставались в долгу, и как только черная борода Челленджера приходила в движение, сотни голосов, не давая ему открыть рта, дружно вопили: «Это еще не факт!», а из передних рядов неслись возмущенные крики: «Тише! Безобразие!». Уолдрон, лектор опытный, закален-

ный в боях, окончательно растерялся. Он замолчал, потом начал что-то бормотать, запинаясь на каждом слове и повторяя уже сказанное, увяз в длиннейшей фразе и под конец набросился на виновника всего беспорядка.

— Это переходит всякие границы! — разразился он, яростно сверкая глазами.— Профессор Челленджер, я прошу вас прекратить эти возмутительные и неприличные выкрики!

Зал притих. Студенты замерли от восторга — высокие олимпийцы затеяли ссору у них на глазах! Челленджер не спеша высвободил свое грузное тело из объятий кресла.

— А я в свою очередь прошу вас, мистер Уолдрон, перестаньте утверждать то, что противоречит научным данным,— сказал он.

Эти слова вызвали настоящую бурю. В общем шуме и хохоте слышались только отдельные негодующие выкрики: «Безобразие!», «Пусть говорит!», «Выгнать его отсюда!», «Долой с эстрады!», «Это нечестно — дайте ему высказаться!»... Председатель вскочил с места и, слабо взмахивая руками, взволнованно забормотал что-то. Из тумана этой невнятицы выбивались только отдельные отрывочные слова: «Профессор Челленджер... будьте добры... ваши соображения... после...» Нарушитель порядка отвесил ему поклон, улыбнулся, погладил бороду и снова ушел в кресло. Разгоряченный этой перепалкой и настроенный весьма воинственно, Уолдрон продолжал лекцию. Высказывая время от времени какое-нибудь положение, он бросал злобные взгляды на своего противника, который, казалось, дремал, развалившись в кресле, все с той же блаженной широкой улыбкой на устах.

И вот лекция кончилась — подозреваю, что несколько преждевременно, ибо заключительная ее часть была скомкана и как-то не вязалась с предыдущим. Грубая помеха нарушила ход мысли лектора. Аудитория осталась неудовлетворенной и ждала дальнейшего развертывания событий.

Уолдрон сел на место, председатель чирикнул что-то, и вслед за этим профессор Челленджер подошел к краю эстрады. Памятуя об интересах своей газеты, я записал его речь почти дословно.

— Леди и джентльмены,— начал он под сдержанный гул в задних рядах.— Прошу извинения — леди, джентльмены и дети... Сам того не желая, я упустил из виду зна-

чительную часть слушателей. *(Шум в зале. Пережидая его, профессор благостно кивает своей огромной головой и высоко поднимает руку, словно осеняя толпу благословением.)* Мне было предложено выразить благодарность мистеру Уолдрону за его весьма картинную и занимательную лекцию, которую мы с вами только что прослушали. С некоторыми тезисами этой лекции я не согласен, о чем счел своим долгом заявить без всяких отлагательств. Тем не менее факт остается фактом: мистер Уолдрон справился со своей задачей, которая заключалась в том, чтобы изложить в общедоступной и занимательной форме историю нашей планеты, вернее то, что он понимает под историей нашей планеты. Популярные лекции очень легко воспринимаются, но... (тут Челленджер блаженно улыбнулся и бросил взгляд на лектора) мистер Уолдрон, конечно, извинит меня, если я скажу, что такие лекции в силу особенностей изложения всегда бывают поверхностны и недоброкачественны, с точки зрения науки, ибо лектор так или иначе, а должен приспосабливаться к невежественной аудитории. *(Иронические возгласы с мест.)* Лекторы-популяризаторы по сути своей паразиты. *(Протестующий жест со стороны возмущенного Уолдрона.)* Они используют в целях наживы или саморекламы работу своих безвестных, придавленных нуждой собратьев. Самый незначительный успех, достигнутый в лаборатории,— один из тех кирпичиков, что идут на сооружение храма науки,— перевешивает все полученное из вторых рук, перевешивает всякую популяризацию, которая может поразвлечь часок, но не принесет никаких ощутимых результатов. Я напоминаю об этой общеизвестной истине отнюдь не из желания умалить заслуги мистера Уолдрона, но для того, чтобы вы не теряли чувства пропорции, принимая прислужника за высшего жреца науки. *(Тут мистер Уолдрон шепнул что-то председателю, который привстал с места и обратил несколько суровых слов к стоявшему перед ним графину с водой.)* Но довольно об этом. *(Громкие одобрительные крики.)* Позвольте мне перейти к вопросу, представляющему более широкий интерес. В каком месте я, самостоятельный исследователь, был вынужден поставить под вопрос осведомленность нашего лектора? В том, где речь шла об исчезновении с поверхности Земли некоторых видов животной жизни. Я не дилетант и выступаю здесь не как

популяризатор, а как человек, научная добросовестность которого заставляет его строго придерживаться фактов. И поэтому я настаиваю на том, что мистер Уолдрон глубоко ошибается, утверждая, будто так называемые доисторические животные исчезли с лица Земли. Ему не приходилось видеть их, но это еще ничего не доказывает. Они действительно являются, как он выразился, нашими предками, но не только предками, добавлю я, а и современниками, которых можно наблюдать во всем их своеобразии — отталкивающем, страшном своеобразии. Для того чтобы пробраться в те места, где они обитают, нужны только выносливость и смелость. Животные, которых мы относили к юрскому периоду, чудовища, которым ничего не стоит растерзать на части и поглотить самых крупных и самых свирепых из наших млекопитающих, существуют до сих пор... (*Крики:* «Чушь! Докажите! Откуда вы это знаете? Это еще не факт!) Вы меня спрашиваете, откуда я это знаю? Я знаю это, потому что побывал в тех местах, где они живут. Знаю, потому что видел таких животных... (*Аплодисменты, оглушительный шум и чей-то голос:* «Лжец!») Я лжец? (*Единодушное:* «Да, да!») Кажется, меня назвали лжецом? Пусть этот человек встанет с места, чтобы я мог увидеть его. (*Голос:* «Вот он, сэр!», *и над головами студентов взлетает яростно отбивающийся маленький человечек в очках, совершенно безобидный на вид.*) Это вы осмелились назвать меня лжецом? («Нет, сэр!» *кричит тот и, словно петрушка, ныряет вниз.*) Если кто-либо из присутствующих сомневается в моей правдивости, я охотно побеседую с ним после заседания. («Лжец!») Кто это сказал? (*Опять безобидная жертва взмывает высоко в воздух, отчаянно отбиваясь от своих мучителей.*) Вот я сейчас сойду с эстрады, и тогда... (*Дружные крики:* «Просим, дружок, просим!» *на несколько минут прерывают заседание. Председатель вскакивает с места и размахивает руками, словно дирижер. Профессор окончательно разъярен — он стоит, выпятив вперед бороду, багровый, с раздувающимися ноздрями.*) Все великие новаторы встречали недоверие толпы, а недоверие — это клеймо дураков! Когда к вашим ногам кладут великие открытия, у вас не хватает интуиции, не хватает воображения, чтобы осмыслить их. Вы способны только поливать грязью людей, которые рисковали жизнью, завоевывая новые просторы науки. Вы поносите пророков!

Галилей, Дарвин и я... *(Продолжительные крики и полный беспорядок в зале.)*

Все это я извлек из своих торопливых записей, которые хоть и были сделаны на месте, но не могут дать должного представления о хаосе, воцарившемся к этому времени в аудитории. Началось такое столпотворение, что некоторые дамы уже спасались бегством. Общему настроению поддались не только студенты, но и более солидная публика. Я сам видел, как седобородые старцы вскакивали с мест и потрясали кулаками, гневаясь на закусившего удила профессора. Многолюдное сборище бурлило и кипело, словно вода в котле. Профессор шагнул вперед и воздел руки кверху. В этом человеке чувствовались такая сила и мужественность, что крикуны постепенно смолкли, усмиренные его повелительным жестом и властным взглядом. И зал притих, приготовившись слушать.

— Я не стану вас задерживать,— продолжал Челленджер.— Стоит ли попусту тратить время? Истина остается истиной, и ее не поколебать никакими бесчинствами глупых юнцов и, с сожалением должен добавить, не менее глупых пожилых джентльменов. Я утверждаю, что мною открыто новое поле для научных исследований. Вы это оспариваете. *(Общие крики.)* Так давайте же проведем испытание. Согласны ли вы избрать из вашей среды одного или нескольких представителей, которые проверят справедливость моих слов?

Профессор сравнительной анатомии мистер Саммерли, высокий желчный старик, в суховатом облике которого было что-то, придававшее ему сходство с богословом, поднялся с места. Он пожелал узнать, не являются ли заявления профессора Челленджера результатом его поездки в верховья реки Амазонки, предпринятой два года тому назад.

Профессор Челленджер ответил утвердительно.

Далее мистер Саммерли осведомился, каким это образом профессору Челленджеру удалось сделать новое открытие в местах, обследованных Уоллесом, Бейтсом и другими учеными, пользующимися вполне заслуженной известностью.

Профессор Челленджер ответил на это, что мистер Саммерли, повидимому, спутал Амазонку с Темзой. Амазонка гораздо больше Темзы, и если мистеру Саммерли угодно знать, река Амазонка и соединяющаяся с ней

— Господин председатель, я хочу ехать!

притоком река Ориноко покрывают в общей сложности площадь в пятьдесят тысяч квадратных миль. Поэтому нет ничего удивительного, если на таком огромном пространстве один исследователь обнаружит то, чего не могли заметить его предшественники.

Мистер Саммерли возразил с кислой улыбкой, что ему хорошо известна разница между Темзой и Амазонкой, заключающаяся в том, что любое утверждение касательно первой легко можно проверить, чего нельзя сказать о второй. Он был бы премного обязан профессору Челленджеру, если б тот указал, под какими градусами широты и долготы лежит та местность, где обретаются доисторические животные.

Профессор Челленджер ответил, что до сих пор он воздерживался от сообщения подобных сведений, имея на это веские основания, но сейчас — конечно, с некоторыми оговорками — он готов представить их комиссии, избранной аудиторией. Может быть, мистер Саммерли согласен войти в эту комиссию и лично проверить правильность утверждений профессора Челленджера?

Мистер Саммерли. Да, согласен. *(Бурные аплодисменты.)*

Профессор Челленджер. Тогда я обязуюсь представить все необходимые сведения, которые помогут вам добраться до места. Но поскольку мистер Саммерли намерен проверять меня, я считаю справедливым, чтобы его тоже кто-нибудь проверял. Не скрою от вас, что путешествие будет сопряжено со многими трудностями и опасениями. Мистеру Саммерли необходим спутник помоложе. Может быть, желающие найдутся здесь, в зале?

Вот так нежданно-негаданно наступает перелом в жизни человека! Мог ли я подумать, входя в этот зал, что я стою на пороге самых невероятных приключений, таких, которые мне даже не мерещились! Но Глэдис! Разве не об этом она говорила? Глэдис благословила бы меня на такой подвиг. Я вскочил с места. Слова сами собой сорвались у меня с языка. Мой сосед Тарп Генри тянул меня за пиджак и шептал:

— Сядьте, Мелоун! Не стройте из себя дурака при всем честном народе!

В ту же минуту я увидел, как в одном из первых рядов поднялся какой-то высокий рыжеватый человек. Он сердито сверкнул на меня глазами, но я не сдался.

— Господин председатель, я хочу ехать! — повторил я.

— Имя, имя! — требовала публика.

— Меня зовут Эдуард Дан Мелоун. Я репортер «Дейли-газетт». Даю слово, что буду совершенно беспристрастным свидетелем.

— А ваше имя, сэр? — обратился председатель к моему сопернику.

— Лорд Джон Рокстон. Я бывал на Амазонке, хорошо знаю эти места и поэтому имею все основания предлагать свою кандидатуру.

— Лорд Джон Рокстон пользуется мировой известностью как путешественник и охотник,— сказал председатель.— Но участие в этой экспедиции представителя прессы было бы не менее желательно.

— В таком случае,— сказал профессор Челленджер,— я предлагаю, чтобы настоящее собрание уполномочило обоих этих джентльменов сопровождать профессора Саммерли в его путешествии, целью которого будет расследование правильности моих слов.

Под крики и аплодисменты всего зала наша судьба была решена, и я, ошеломленный огромными перспективами, которые вдруг открылись перед моим взором, смешался с людским потоком, хлынувшим к дверям. Выйдя на улицу, я смутно, как сквозь сон, увидел толпу, с хохотом несущуюся по тротуару, и в самом центре ее чью-то руку, вооруженную тяжелым зонтом, который так и ходил по головам студентов. Потом электрическая карета профессора Челленджера тронулась с места под веселые крики озорников и стоны пострадавших, и я зашагал дальше по Риджен-стрит, поглощенный мыслями о Глэдис и о том, что ждало меня впереди.

Вдруг кто-то дотронулся до моего локтя. Я оглянулся и увидел, что на меня насмешливо и властно смотрят глаза того высокого, худого человека, который вызвался вместе со мной отправиться в эту необычайную экспедицию.

— Мистер Мелоун, если не ошибаюсь? — сказал он.— Отныне мы с вами будем товарищами, не так ли? Я живу в двух шагах отсюда, в Олбени. Может быть, вы уделите мне полчаса? Я очень хочу потолковать с вами кое о чем.

Глава VI

«МЕНЯ НАЗЫВАЛИ БИЧОМ БОЖИИМ»

Лорд Джон Рокстон свернул на Виго-стрит, и, миновав один за другим несколько мрачных проходов, мы углубились в Олбени, в этот знаменитый аристократический муравейник. В конце длинного темного коридора мой новый знакомый толкнул дверь и повернул выключатель. Лампы с яркими абажурами залили огромную комнату рубиновым светом. Оглядевшись с порога, я сразу почувствовал здесь атмосферу утонченного комфорта, изящества и вместе с тем мужественности. Комната говорила о том, что в ней идет непрестанная борьба между изысканностью вкуса ее богатого хозяина и его же холостяцкой беспорядочностью. Пол был устлан пушистыми шкурами и причудливыми коврами всех цветов радуги, вывезенными, вероятно, с какого-нибудь восточного базара. На стенах висели картины и гравюры, ценность которых была видна даже мне, несмотря на мою неискушенность. Фотографии боксеров, балерин и скаковых лошадей мирно уживались с полотнами чувственного Фрагонара *, батальными сценами Жирарде * и мечтательным Тернером *. Но среди этой роскоши были и другие вещи, живо напомнившие мне о том, что лорд Джон Рокстон — один из знаменитейших охотников и спортсменов наших дней. Два скрещенных весла над камином — темносинее и красное — говорили о былых увлечениях гребным спортом в Оксфорде, а рапиры и боксерские перчатки, висевшие тут же, свидетельствовали, что их хозяин пожинал лавры и в этих областях. Всю комнату, подобно архитектурному фризу, опоясывали головы крупных зверей, свезенные сюда со всех концов света, а

жемчужиной этой великолепной коллекции была голова редкостного белого носорога с надменно выпяченной губой.

Посреди комнаты на пушистом красном ковре стоял черный с золотыми инкрустациями стол эпохи Людовика XV — чудесная антикварная вещь, кощунственно испещренная следами от стаканов и ожогами от сигарных окурков. На столе стояли серебряный поднос с курительными принадлежностями и полированный поставец с бутылками. Молчаливый хозяин сейчас же налил два высоких бокала и добавил в них содовой воды из сифона. Поведя рукой в сторону кресла, он поставил мой бокал на столик и протянул мне длинную глянцевитую сигару. Потом сел напротив и устремил на меня пристальный взгляд своих странных светлоголубых глаз, мерцавших словно ледяное горное озеро.

Сквозь тонкую пелену сигарного дыма я присматривался к его лицу, знакомому мне по многим фотографиям,— нос с горбинкой, худые, запавшие щеки, темно-рыжие волосы, уже редеющие на макушке, закрученные шнурочком усы, маленькая, но задорная эспаньолка. В нем было что-то и от Наполеона III, и от Дон-Кихота, и от типичного английского джентльмена — любителя спорта, собак и лошадей, характерными чертами которого являются подтянутость и живость. Солнце и ветер закалили докрасна его кожу. Мохнатые, низко нависшие брови придавали и без того холодным глазам почти свирепое выражение, а изборожденный морщинами лоб только усугублял эту свирепость взгляда. Телом он был худощав, но крепок, а что касается неутомимости и физической выдержки, то не раз было доказано, что в Англии соперников по этой части у него мало. Несмотря на свои шесть с лишним футов, он казался человеком среднего роста — виной этому была легкая сутуловатость.

Таков был знаменитый лорд Джон Рокстон, и сейчас, сидя напротив, он внимательно разглядывал меня, покусывая сигару, и ни единым словом не нарушал затянувшегося неловкого молчания.

— Ну-с,— сказал он, наконец,— отступать нам теперь нельзя, милый юноша. Да, мы с вами прыгнули куда-то очертя голову. А ведь когда вы входили в зал, у вас, наверное, и в мыслях ничего подобного не было?

— Мне такое и не мерещилось.

— Вот именно. Мне тоже не мерещилось. А теперь мы с вами увязли в эту историю по уши. Господи боже, да ведь я всего три недели, как вернулся из Уганды *, успел снять коттедж в Шотландии, подписал контракт и все такое прочее. Ну и дела! Ваши планы, наверное, тоже пошли прахом?

— Да нет, такое уж у меня ремесло: ведь я журналист, работаю в «Дейли-газетт».

— Да, конечно. Вы же сказали об этом. Кстати, тут есть одно дело... Вы не откажетесь помочь?

— С удовольствием.

— Но дело рискованное... Как вы на это смотрите?

— А в чем риск?

— Я поведу вас к Биллингеру, вот в чем риск. Вы о нем слышали?

— Нет.

— Помилуйте, юноша, на каком вы свете обретаетесь? Сэр Джон Биллингер — наш лучший жокей. На ровной дорожке я еще могу с ним потягаться, но в скачке с препятствиями он меня сразу заткнет за пояс. Ну так вот, ни для кого не секрет, что как только у Биллингера кончается тренировка, он начинает пить горькую. Это у него называется «выравнивать линию». Во вторник он допился до белой горячки и с тех пор буйствует. Его комната как раз над моей. Врачи говорят, что если беднягу не покормить хотя бы насильно, то пиши пропало. Слуги сего джентльмена объявили забастовку, так как он лежит в кровати с заряженным револьвером и грозится всадить все шесть в первого, кто к нему сунется. Надо сказать, что Джон вообще человек непокладистый и к тому же стреляет без промаха, но ведь нельзя допустить, чтобы жокей, взявший Большой национальный приз, погибал такой бесславной смертью! Как вы на это смотрите?

— А что вы думаете предпринять? — спросил я.

— Лучше всего насесть на него вдвоем. Может быть, он сейчас спит. В худшем случае один из нас будет ранен, зато другой успеет с ним справиться. Если бы нам удалось связать ему руки чехлом с дивана, а потом быстро вызвать по телефону врача с желудочным зондом, он, голубчик, роскошно бы у нас поужинал.

Когда на человека вдруг ни с того ни с сего сваливается такая задача, радоваться тут не приходится. Я не считаю себя очень уж большим храбрецом. Все новое, не-

изведанное рисуется мне заранее гораздо более страшным, чем бывает в действительности. Таково уж свойство чисто ирландского пылкого воображения. С другой стороны, меня всегда пугала мысль, как бы не навлечь на себя позорного обвинения в трусости, ибо мне с малых лет внушали ужас перед ней. Смею думать, что если б кто-нибудь усомнился в моей храбрости, я мог бы броситься в пропасть, но побудила бы меня к этому не храбрость, а гордость и боязнь прослыть трусом. Поэтому, хоть я и содрогался мысленно, представляя себе обезумевшее с перепоя существо в комнате наверху, все же у меня хватило самообладания, чтобы выразить свое согласие самым небрежным тоном, на какой я только был способен. Лорд Рокстон начал было расписывать опасность предстоящей нам задачи, но это только вывело меня из терпения.

— Словами делу не поможешь,— сказал я.— Пойдемте.

Я встал, он поднялся следом за мной. Потом, коротко рассмеявшись, ткнул меня раза два кулаком в грудь и усадил обратно в кресло.

— Ладно, юноша... признать годным.

Я с удивлением воззрился на него.

— Сегодня утром я сам был у Джона Биллингера. Он прострелил мне всего лишь кимоно — слава богу, руки тряслись! Но мы все-таки надели на него смирительную рубашку, и через несколько дней старик будет в полном порядке. Вы на меня не сердитесь, голубчик? Строго между нами: эта экспедиция в Южную Америку — дело очень серьезное, и мне хочется иметь такого спутника, на которого можно положиться, как на каменную гору. Поэтому я устроил вам легкий экзамен и должен сказать, что вы с честью вышли из положения. Вы же понимаете, нам придется рассчитывать только на самих себя, потому что этому старикану Саммерли с первых же шагов потребуется нянька. Кстати, вы не тот Мелоун, который будет играть в ирландской команде на первенство по регби?

— Да, но, вероятно, запасным.

— То-то мне показалось, будто я вас где-то видел. Ваша встреча с ричмондцами — лучшая игра за весь сезон! Я стараюсь не пропускать ни одного состязания по регби — ведь это самый мужественный вид спорта. Однако я пригласил вас вовсе не для того, чтобы беседовать о регби. Займемся делами. Вот здесь, на первой странице

«Таймса», расписание пароходных рейсов. Пароход до Пары * отходит в следующую среду, и если вы с профессором успеете собраться, мы этим пароходом и поедем. Ну, что вы на это скажете? Прекрасно, я с ним обо всем поговорю. А как у вас обстоит со снаряжением?

— Об этом позаботится моя газета.

— Стрелять вы умеете?

— Примерно как средний стрелок территориальных войск.

— Только-то? Боже мой! У вас, молодежи, это считается последним делом. Все вы пчелы без жала. Таким своего улья не отстоять! Вот попомните мое слово: нагрянет кто-нибудь к вам за медом, хороши вы тогда будете! Нет, в Южной Америке с оружием надо обращаться умело, потому что если наш друг профессор не обманщик и не сумасшедший, нас ждет там нечто весьма любопытное. Какое у вас ружье?

Лорд Рокстон подошел к дубовому шкафу, открыл дверцу, и я увидел за ней поблескивающие металлом ружейные стволы, выставленные в ряд, словно органные трубки.

— Сейчас посмотрим, что я могу пожертвовать вам из своего арсенала,— сказал лорд Рокстон.

Он стал вынимать одно за другим великолепные ружья, открывал их, щелкал затворами и, ласково поглаживая, словно нежная мать своих младенцев, ставил на место.

— Вот «бленд». Из него я уложил вон того великана.— Он взглянул на голову белого носорога.— Будь я на десять шагов ближе, этот зверь пополнил бы мной свою коллекцию. Надеюсь, вы хорошо знаете Гордона *?

Судьба моя зависит от пули.
А пуля — защита в неравном бою.

Это поэт, воспевающий коня, винтовку и тех, кто умеет обращаться и с тем и с другим. Вот еще одна полезная вещица — телескопический прицел, двойной эжектор, прекрасная наводка. Три года назад мне пришлось выступить с этой винтовкой против перуанских рабовладельцев. В тех местах меня называли бичом божиим, хотя вы не найдете моего имени ни в одной Синей книге. Бывают времена, голубчик, когда каждый из нас обязан стать на защиту человеческих прав и справедливости, чтобы не потерять

Он вынул из шкафа прекрасную винтовку,
отделанную серебром

уважения к самому себе. Вот почему я вел там нечто вроде войны на свой страх и риск. Сам ее объявил, сам воевал, сам довел ее до конца. Каждая зарубка — это убитый мною мерзавец. Смотрите, целая лестница! Самая большая отметина сделана после того, как я пристрелил в одной из заводей реки Путумайо Педро Лопеса, крупнейшего из рабовладельцев... А, вот это вам подойдет.

Он вынул из шкафа прекрасную винтовку, отделанную серебром.

— Прицел абсолютно точный, магазин на пять патронов. Можете смело вверить ей свою жизнь.

Лорд Рокстон протянул винтовку мне и закрыл шкаф.

— Кстати,— продолжал он, снова садясь в кресло,— что вы знаете об этом профессоре Челленджере?

— Я его увидел сегодня впервые в жизни.

— Я тоже. Правда, странно, что мы с вами отправляемся в путешествие, полагаясь на слова совершенно неизвестного нам человека? Он, кажется, довольно наглый субъект и не пользуется любовью у своих собратьев по науке. Почему вы им заинтересовались?

Я рассказал вкратце о событиях сегодняшнего утра. Лорд Рокстон внимательно меня выслушал, потом принес карту Южной Америки и разложил ее на столе.

— Челленджер говорит правду, чистейшую правду,— серьезно сказал он.— И я, заметьте, утверждаю это не наобум. Южная Америка — моя любимая страна, и если, скажем, проехать ее насквозь, от Дарьенского залива до Огненной Земли, то ничего более величественного и более пышного не найдешь на всем земном шаре. Эту страну мало знают, а какое ее ждет будущее, об этом никто и не догадывается. Я изъездил Южную Америку вдоль и поперек, в периоды засухи дважды побывал в тех местах, где у меня завязалась война с работорговцами, о которой я вам уже рассказывал. Да, действительно, мне приходилось слышать там разные легенды на подобные темы. Это всего лишь индейские предания, но за ними, безусловно, что-то кроется. Чем ближе узнаешь Южную Америку, друг мой, тем больше начинаешь верить, что в этой стране все возможно, решительно все! Люди передвигаются там по узким речным долинам, а за этими долинами начинается полная неизвестность. Вот здесь, на плоскогорье Мату-Гросу,— он показал сигарой место на карте,— или в этом углу, где

сходятся границы трех государств, меня ничто не удивит. Как сказал сегодня Челленджер, Амазонка орошает площадь в пятьдесят тысяч квадратных миль, поросших тропическим лесом,— площадь, почти равную всей Европе. Не покидая бразильских джунглей, мы с вами могли бы находиться друг от друга на расстоянии, отделяющем Шотландию от Константинополя. Человек только кое-где смог продраться сквозь эту чащу и протоптать в ней тропинки. А что бывает в периоды дождей? Уровень воды в Амазонке поднимается по меньшей мере на сорок футов и превращает все кругом в непролазную топь. В такой стране только и следует ждать всяких чудес и тайн. И почему бы нам не разгадать их? А помимо всего прочего,— странное лицо лорда Рокстона озарилось довольной улыбкой, — там на каждом шагу придется рисковать жизнью, а мне как спортсмену ничего другого и не нужно. Я точно старый мяч для гольфа — белая краска с меня давно стерлась, так что теперь жизнь может распоряжаться мной как угодно, царапин не останется. А риск, милый юноша, придает нашему существованию особенную остроту. Только тогда и стоит жить. Мы слишком уж изнежились, потускнели, привыкли к благоустроенности. Нет, дайте мне винтовку в руки, безграничный простор и необъятную ширь горизонта, и я пущусь на поиски того, что стоит искать. Чего только я не испробовал в своей жизни — и воевал, и участвовал в скачках, и летал на аэроплане,— но охота на чудовищ, которые могут присниться только после тяжелого ужина, это для меня совсем новое ощущение.— Он весело рассмеялся, предвкушая то, что его ждало впереди.

Может быть, я слишком увлекся описанием своего нового знакомого, но нам предстоит провести много дней вместе, и поэтому мне хочется передать свое первое впечатление об этом человеке со всеми особенностями его характера, речи и мышления. Только необходимость везти в редакцию отчет о заседании и заставила меня покинуть общество лорда Рокстона. Когда я уходил от него, он сидел в кресле, залитый красноватым светом лампы, смазывал затвор своей любимой винтовки и негромко посмеивался, раздумывая о тех приключениях, которые нам готовила судьба. И я проникся твердой уверенностью, что если нас ждут опасности, то более хладнокровного и

более отважного спутника, чем лорд Рокстон, мне не найти во всей Англии.

Как ни утомили меня необычайные происшествия этого дня, все же я долго сидел с редактором отдела «Последние новости» Мак-Ардлом, разъясняя ему все обстоятельства дела, о которых он считал необходимым завтра же довести до сведения нашего патрона, сэра Джорджа Бомонта. Мы условились, что я буду присылать подробные отчеты обо всех своих приключениях в форме писем к Мак-Ардлу и что они будут печататься в газете либо сразу же по мере их получения, либо потом — в зависимости от санкции профессора Челленджера, ибо мы еще не знали, каковы будут условия, на которых он согласится дать нам сведения, необходимые для путешествия в Неведомую страну. В ответ на запрос по телефону мы не услышали от профессора ничего другого, кроме яростных нападок на прессу, но потом он все же сказал, что если его известят о дне и часе нашего отъезда, он доставит на пароход те инструкции, которые сочтет нужными. Наш второй запрос остался совсем без ответа, если не считать жалобного лепета миссис Челленджер, умолявшей нас не приставать более к ее супругу, ибо он и без того разгневан сверх всякой меры. Третья попытка, сделанная в тот же день, была пресечена оглушительным треском, и вскоре вслед за этим центральная станция уведомила нас, что у профессора Челленджера разбита телефонная трубка. После этого мы уже не пытались говорить с ним.

А теперь, мои терпеливые читатели, я прекращаю свою беседу с вами. Отныне (если только продолжение этого рассказа когда-нибудь дойдет до вас) вы будете узнавать о моих дальнейших приключениях только через газету. Я вручаю редактору отчет о событиях, послуживших толчком к одной из самых замечательных экспедиций, которые знает мир, и если мне не суждено будет вернуться в Англию, вы поймете, как все это вышло.

Я дописываю свой отчет в салоне парохода «Франциск». Лоцман заберет его с собой и передаст на хранение мистеру Мак-Ардлу. В заключение, пока я еще не захлопнул записную книжку, позвольте мне набросать еще одну картину — картину, которая останется со мной как последнее воспоминание о родине.

Поздняя весна, промозглое туманное утро; моросит холодный, мелкий дождь. По набережной шагают три фигуры в глянцевитых макинтошах. Они направляются к сходням большого парохода, на котором уже поднят синий флаг. Впереди них носильщик везет тележку, нагруженную чемоданами, портпледами и винтовками в чехлах. Долговязый, унылый профессор Саммерли идет, волоча ноги и понурив голову, как человек, горько раскаивающийся в содеянном. Лорд Джон Рокстон в охотничьем кепи и кашне шагает бодро, и его живое, тонкое лицо сияет от счастья. Что касается меня, то я нисколько не сомневаюсь, что всем своим видом выражаю радость: ведь предотъездная суета и горечь прощания остались позади.

Мы уже совсем близко от парохода, и вдруг сзади раздается чей-то голос. Это профессор Челленджер, который обещал проводить нас. Он бежит за нами, тяжело отдуваясь, весь красный и страшно сердитый.

— Нет, благодарю вас,— говорит профессор.— Не имею ни малейшего желания лезть на пароход. Мне надо сказать вам несколько слов, а это можно сделать и здесь. Не воображайте, пожалуйста, что вы так уж меня разодолжили своей поездкой. Мне это глубоко безразлично, и я ни в коей мере не считаю себя обязанным вам. Истина остается истиной, и все те расследования, которые вы собираетесь производить, никак на нее не повлияют и смогут лишь разжечь страсти разных невежд. Необходимые вам сведения и мои инструкции находятся вот в этом запечатанном конверте. Вы вскроете его лишь тогда, когда приедете в город Манаос * на Амазонке, но не раньше того дня и часа, которые указаны на конверте. Вы меня поняли? Полагаюсь на вашу порядочность и надеюсь, что все мои условия будут соблюдены в точности. Мистер Меллоун, я не намерен налагать запрет на ваши корреспонденции, поскольку целью вашего путешествия является освещение фактической стороны дела. Требую от вас только одного: не указывайте точно, куда вы едете, и не разрешайте опубликовывать отчет об экспедиции до вашего возвращения. Прощайте, сэр! Вам удалось несколько смягчить мое отношение к той презренной профессии, представителем которой, к несчастью, являетесь и вы сами. Прощайте, лорд Джон! Насколько мне известно, наука для вас — книга за семью печатями. Но

охотой в тех местах вы останетесь довольны. Не сомневаюсь, что со временем в «Охотнике» появится ваша заметка о том, как вы подстрелили диморфодона. Прощайте и вы, профессор Саммерли. Если в вас еще не иссякли способности к самоусовершенствованию, в чем, откровенно говоря, я сомневаюсь, то вы вернетесь в Лондон значительно поумневшим.

Он круто повернулся, и минуту спустя я увидел с палубы его приземистую фигуру, пробирающуюся сквозь толпу к поезду.

Мы уже вышли в Ла-Манш. Раздается последний звонок, оповещающий о том, что пора сдавать письма. Сейчас мы распрощаемся с лоцманом.

А теперь «вперед, корабль, плыви вперед!». Да хранит бог всех нас — и тех, кто остался на берегу, и тех, кто надеется на благополучное возвращение домой.

Глава VII

«ЗАВТРА МЫ УХОДИМ В НЕВЕДОМОЕ»

Я не стану утруждать тех, до кого дойдет этот рассказ, описанием нашего переезда на комфортабельном океанском пароходе, не буду говорить о неделе, проведенной в Паре (ограничусь только благодарностью компании «Пертра-да-Пинта», оказавшей нам помощь при закупке снаряжения), и лишь коротко упомяну о нашем путешествии вверх по широкой, мутной, ленивой Амазонке — путешествии, проделанном на судне, почти не уступавшем размерами тому, на котором мы пересекли Атлантический океан.

После многих дней пути наша группа высадилась в городе Манаос, за Обидуским проходом.

Там нам удалось избежать весьма сомнительных прелестей местной гостиницы благодаря любезности агента Британско-Бразильской торговой компании, мистера Шортмена. Мы прожили в его гостеприимной асьенде до срока, указанного на конверте, который дал нам профессор Челленджер. Прежде чем приступить к описанию неожиданных событий этого дня, мне хотелось бы несколько подробнее обрисовать моих товарищей и тех людей, которых мы завербовали в Южной Америке для обслуживания нашей экспедиции. Я пишу с полной откровенностью и полагаюсь на присущий вам такт, мистер Мак-Ардл, ибо до опубликования этот материал пройдет через ваши руки.

Научные заслуги профессора Саммерли слишком хорошо известны, о них нет нужды распространяться. Он оказался гораздо более приспособленным к такой тяже-

лой экспедиции, чем можно было предположить с первого взгляда. Его худое, жилистое тело не знает усталости, а сухая, насмешливая и подчас просто недружелюбная манера остается неизменной при любых обстоятельствах. Несмотря на свои шестьдесят пять лет, он ни разу не пожаловался на трудности, с которыми нам часто приходилось сталкиваться. Вначале я боялся, что профессор Саммерли окажется тяжкой обузой для нас, но, как выяснилось из дальнейшего, его выносливость ничуть не уступает моей. Саммерли — человек желчный и большой скептик. Он не считает нужным скрывать своей твердой уверенности, что Челленджер — шарлатан чистейшей воды и что наша безумная, опасная затея не принесет нам ничего, кроме разочарований в Южной Америке и насмешек в Англии. Профессор Саммерли не переставал твердить нам это всю дорогу от Саутгемптона до Манаоса, корча презрительные гримасы и тряся своей жиденькой козлиной бородкой.

Когда мы высадились, его несколько утешило великолепие и богатство мира пернатых и насекомых Южной Америки, ибо он предан науке всей душой. Теперь профессор Саммерли с раннего утра носится по лесу с охотничьим ружьем и сачком для бабочек, а вечерами препарирует добытые экземпляры. Из присущих ему странностей отмечу всегдашнюю небрежность туалета, полное невнимание к своей внешности, крайнюю рассеянность и пристрастие к короткой пенковой трубке, которую он почти не вынимает изо рта. В молодости профессор участвовал в нескольких научных экспедициях (был, например, с Робертсоном в Австралии), и поэтому кочевая жизнь ему не в новинку.

У лорда Джона Рокстона есть кое-что общее с профессором Саммерли, но по существу они прямо противоположны друг другу. Хотя лорд Джон лет на двадцать моложе, тело у него такое же поджарое и костлявое. Я, помнится, подробно описал его внешность в той части моего повествования, которая осталась в Лондоне. Он очень опрятен, следит за собой, одет обычно в белое, носит высокие коричневые башмаки на шнуровке и бреется по меньшей мере раз в день. Как почти всякий человек действия, лорд Джон немногословен и часто задумывается, но на обращенные к нему вопросы отвечает тотчас же и охотно принимает участие в общей беседе, сда-

бривая ее отрывистыми, наполовину серьезными, наполовину шутливыми репликами. Его знание разных стран и в особенности Южной Америки просто поражает своей широтой, а что касается нашей экспедиции, то он всем сердцем верит в ее целесообразность, не смущаясь насмешками профессора Саммерли. Голос у лорда Рокстона мягкий, манеры спокойные, но в глубине его мерцающих голубых глаз таится нечто, свидетельствующее о том, что обладатель этих глаз способен приходить в бешенство и принимать беспощадные решения, а его обычная сдержанность только подчеркивает, насколько опасен может быть этот человек в минуты гнева. Он не любит распространяться о своих поездках в Бразилию и Перу, и поэтому мне и в голову не приходило, что его появление так взволнует туземцев, населяющих берега Амазонки. Эти люди видят в нем поборника своих прав и надежного защитника. Вокруг подвигов Рыжеволосого Вождя, как его здесь называют, уже сложились целые легенды, но с меня было достаточно и фактов, которые я мало-помалу узнавал,— они были поразительны сами по себе.

Так, например, выяснилось, что несколько лет назад лорд Джон очутился на «ничьей земле», существование которой объясняется неточностью границ между Перу, Бразилией и Колумбией. На этом огромном пространстве в изобилии произрастает каучуковое дерево, принесшее туземцам, как и на Конго, не меньше зла, чем подневольный труд на дарьенских серебряных рудниках во времена владычества испанцев. Кучка негодяев-метисов завладела всей этой областью, вооружила тех индейцев, которые оказывали им поддержку, а остальных обратила в рабство и, подвергая их нечеловеческим пыткам, вынуждала рубить каучуковые деревья и сплавлять их вниз по реке к Паре.

Лорд Джон Рокстон попробовал было вступиться за несчастных, но, кроме угроз и оскорблений, ничего не добился. Тогда он по всем правилам объявил войну главарю рабовладельцев, некоему Педро Лопесу, собрал беглых рабов, вооружил их и начал военные действия, закончившиеся тем, что изверг-метис погиб от его пули, а возглавляемая им система рабства была уничтожена.

Неудивительно, что этот рыжеволосый человек с бархатным голосом и непринужденными манерами завоевал всеобщее внимание на берегах великой южноамерикан-

ской реки. Впрочем, чувства, которые он возбуждал, были, как и следовало ожидать, разные, ибо туземцы испытывали к нему благодарность, а их бывшие поработители — ненависть. Несколько месяцев, проведенных в Бразилии, не прошли для лорда Рокстона без пользы: он свободно овладел местным наречием, состоящим на одну треть из португальских слов и на две трети из индейских.

Я уже упоминал, что лорд Джон Рокстон буквально бредил Южной Америкой. Он увлекался, говоря о ней, и его увлечение было заразительно, ибо даже у такого невежды, как я, пробудился интерес к этой стране. Как бы мне хотелось передать прелесть его рассказов, в которых точное знание так тесно переплеталось с игрой пылкой фантазии, что даже профессор Саммерли внимательно слушал их и скептическая улыбка постепенно сбегала с его худой, длинной физиономии! Лорд Джон рассказывал нам историю этой величественной реки. Она была исследована еще первыми завоевателями, проплывшими по ней от одного конца материка до другого, и все же до сих пор скрывала много тайн за своей узкой и вечно меняющейся береговой линией.

— Что там, в той стороне? — восклицал он, показывая на север.— Топи и непроходимые джунгли. Кто знает, что в них таится? А там, южнее? Болотистые заросли, где еще не ступала нога белого человека. Неведомое окружает нас со всех сторон. Кто может знать наверное, чего следует ждать за этой узкой прибрежной линией? Можно ли поручиться, что старик Челленджер был неправ?

Профессор Саммерли расценивал такие слова как прямой вызов; упрямая усмешка снова появлялась на его лице, он иронически покачивал головой, пускал клубы дыма из трубки и ни единым словом не нарушал враждебного молчания.

Но довольно говорить о моих двух белых спутниках; их характер и недостатки, так же как и мои собственные, выявятся из дальнейшего. Расскажу лучше о людях, которые, возможно, будут играть немаловажную роль в грядущих событиях.

Начнем с великана-негра по имени Самбо. Это черный Геркулес, работающий, как лошадь, и наделенный примерно таким же интеллектом. Мы наняли его в Паре по рекомендации пароходной компании, на судах которой он научился кое-как объясняться по-английски.

Там же, в Паре, мы завербовали двух метисов, которые сплавляли в город красное дерево с верховьев Амазонки. Их звали Гомес и Мануэль. Оба они были смуглые, бородатые и свирепые на вид, а их ловкости и силе могла бы позавидовать и пантера. Гомес и Мануэль провели всю свою жизнь в той верхней части бассейна Амазонки, которую мы должны были исследовать, и это обстоятельство и побудило лорда Джона взять их. У одного из метисов, Гомеса, было еще то достоинство, что он прекрасно говорил по-английски. Эти люди согласились прислуживать нам — стряпать, грести и вообще делать все, что от них потребуется, за жалованье в пятнадцать долларов в месяц. Кроме них, мы наняли троих боливийских индейцев племени мойо, представители которого славятся среди других приречных племен как искусные рыболовы и гребцы. Старшего из них мы так и назвали Мойо, а двое других получили имена Хосе и Фердинанд. Итак, трое белых, двое метисов, один негр и трое индейцев — вот состав нашей маленькой экспедиции, которая ждала в Манаосе дальнейших инструкций, чтобы двинуться в путь и выполнить возложенную на нее столь необычную задачу.

Наконец, прошла томительная неделя и настал долгожданный день и час. Представьте же себе полутемную гостиную асьенды Сант-Игнасио, расположенной в двух милях от города Манаос. За спущенными шторами ослепительно сияло отливающее медью солнце, тени от пальм чернели на свету так же четко, как и сами пальмы. Не было ни малейшего ветерка, в воздухе стояло несмолкаемое жужжанье насекомых, и в этот тропический многооктавный хор входили и густой бас пчел, и пронзительный фальцет москитов. Позади веранды начинался небольшой, обнесенный кактусовой изгородью сад с цветущими кустами, над которыми, искрясь на солнце, порхали большие голубые бабочки и крохотные колибри.

Мы сидели за камышовым столом, а на нем лежал запечатанный конверт. На конверте неровным почерком профессора Челленджера было нацарапано следующее:

«Инструкции лорду Джону Рокстону и его спутникам. Вскрыть в городе Манаос 15 июля ровно в 12 часов дня».

Лорд Джон положил часы на стол рядом с собой.

— Еще семь минут,— сказал он.— Старикашка весьма пунктуален.

Профессор Саммерли криво усмехнулся и протянул к конверту свою худую руку.

— По-моему, безразлично, когда вскрыть, сейчас или через семь минут,— сказал он.— Это все то же шарлатанство и кривлянье, которыми, к сожалению, славится автор письма.

— Нет, уж если играть, так по всем правилам,— возразил лорд Джон.— Парадом командует старик Челленджер, и нас занесло сюда по его милости. С нашей стороны будет просто неприлично, если мы не выполним его распоряжений в точности.

— Бог знает что! — рассердился профессор.— Меня и в Лондоне это шокировало, а чем дальше, тем становится все хуже и хуже! Я не знаю, что заключается в этом конверте, но если в нем нет совершенно точного маршрута, я не удержусь, сяду на первый же пароход и постараюсь захватить «Боливию» в Паре. В конце концов у меня найдется работа поважнее, чем разоблачать бредни какого-то маньяка. Ну, Рокстон, теперь уже пора.

— Да, время истекло,— сказал лорд Джон.— Можете давать сигнал.

Он вскрыл конверт перочинным ножом, вынул оттуда сложенный пополам лист бумаги, осторожно расправил его и положил на стол. Бумага была совершенно чистая. Лорд Джон перевернул лист другой стороной. Там тоже ничего не было. Мы растерянно переглядывались и молчали, но наступившую тишину резко прервал презрительный смех профессора Саммерли.

— Это же чистосердечное признание! — воскликнул он.— Что вам еще нужно? Человек сам подтвердил собственное мошенничество. Нам остается только вернуться домой и назвать его во всеуслышание наглым обманщиком, чем он и является на самом деле.

— Симпатические чернила! — вырвалось у меня.

— Вряд ли,— ответил лорд Рокстон, поднимая бумагу на свет.— Нет, дорогой юноша, незачем себя обманывать. Ручаюсь чем угодно, что на этом листе ничего не было написано.

— Разрешите войти? — прогудел чей-то голос с веранды.

— Разрешите войти? — прогудел чей-то голос с веранды

Приземистая фигура появилась в освещенном квадрате двери. Этот голос! Эта непомерная ширина плеч! Мы дружно вскрикнули и повскакали с мест, когда перед нами — в нелепой детской соломенной шляпе с цветной ленточкой, в парусиновых башмаках, носки которых он при каждом шаге выворачивал в стороны,— вырос сам Челленджер. Он остановился на ярком свету, засунул руки в карманы куртки, выпятил вперед свою роскошную ассирийскую бороду и устремил на нас дерзкий взгляд из-под полуопущенных век.

— Все-таки опоздал на несколько минут,— сказал он, вынимая из кармана часы.— Вручая вам этот конверт, я, признаться, не рассчитывал, что вы вскроете его, так как мною с самого начала было решено присоединиться к вам раньше указанного часа. Виновниками этой досадной задержки являются в равной степени болван лоцман и некстати подвернувшаяся мель. Боюсь, что я волей-неволей предоставил моему коллеге профессору Саммерли прекрасный повод поскверносло вить.

— Должен вам заметить, сэр,— довольно строгим тоном сказал лорд Джон,— что ваш приезд несколько облегчает создавшееся неприятное положение, ибо мы уже решили, что наша экспедиция подошла к преждевременному концу. Тем не менее я отказываюсь понимать, что вас заставило пуститься на такие невероятные штуки.

Вместо ответа, профессор Челленджер подошел к столу, поздоровался за руку со мной и с лордом Джоном, отвесил оскорбительно вежливый поклон профессору Саммерли и сел в плетеное кресло, которое скрипнуло и так и заходило ходуном под его тяжестью.

— У вас все готово, чтобы двинуться в путь? — спросил он.

— Можно выехать хоть завтра.

— Так и сделаем. Теперь вам не понадобится никаких карт, никаких указаний — я сам буду вашим проводником, цените это! Я с самого начала решил возглавить экспедицию, и вы убедитесь, что ни одна, даже самая подробная карта не заменит вам моего опыта, моего руководства. Что же касается этой невинной хитрости с конвертом, так если б я посвятил вас заранее в свои планы, мне пришлось бы отбиваться от ваших настоятельных просьб ехать сюда всем вместе.

— От меня вы бы этого не дождались, сэр! — с жаром воскликнул профессор Саммерли.— Разве лишь если б на всем Атлантическом океане не нашлось другого парохода!

Челленджер только махнул в его сторону волосатой ручищей.

— Здравый смысл подскажет вам, что я руководствовался правильными соображениями. Мне нужно было сохранить за собой свободу действий, с тем чтобы появиться здесь в тот момент, когда мое присутствие окажется необходимым. Этот момент наступил. Теперь ваша судьба в надежных руках. Вы доберетесь до места. Отныне руководить экспедицией буду я. Прошу вас закончить за сегодняшний день все приготовления, чтобы завтра ранним утром мы могли сняться с места. Мое время драгоценно, ваше тоже, хоть и в меньшей степени. Поэтому предлагаю как можно скорее проделать весь путь, а в конце его я покажу вам то, ради чего вы сюда приехали.

Лорд Джон Рокстон уже несколько дней назад зафрахтовал большой паровой катер «Эсмеральда», на котором мы должны были отправиться вверх по Амазонке. Время года не играло никакой роли при отправке нашей экспедиции, так как температура здесь держится в пределах двадцати пяти — тридцати градусов и зимой и летом. Другое дело период дождей: он наступает с декабря по май, и вода в реке постепенно поднимается более двенадцати метров сверх обычного уровня. Амазонка выходит из берегов, заливает огромные пространства, превращая обширный район в сплошные топи, по которым если пойти пешком, то увязнешь, а на лодке не проедешь из-за мелководья. К июню вода начинает спадать, а в октябре или ноябре уровень ее достигает низшей точки. Отправка нашей экспедиции совпадала именно с этим периодом, когда величественная река со всеми ее притоками держится более или менее в берегах.

Течение в Амазонке довольно медленное, так как уклон ее русла не превышает восьми дюймов на милю. Вряд ли есть на свете река, более удобная для навигации. Преобладающие ветры здесь юго-восточные, и до границы Перу парусные суда добираются быстро, а обратно идут вниз по течению. Что касается нашей «Эсмеральды», то ход ее благодаря прекрасной машинной части не зависел от ленивой реки; и мы двигались с

такою быстротой, словно это была не Амазонка, а стоячий пруд.

Первые три дня наш катер держал курс на северо-запад, вверх по течению. Хотя устье Амазонки находится от этих мест на расстоянии нескольких тысяч миль, она настолько широка здесь, что с середины реки оба берега кажутся еле заметной линией где-то у самого горизонта. На четвертый день после нашего отплытия из Манаоса мы свернули в один из притоков, который в устье почти не уступал по ширине самой Амазонке, но вскоре начал быстро суживаться. Прошло еще два дня, и мы подошли к какому-то индейскому поселку, где профессор предложил нам высадиться, а «Эсмеральду» отправил обратно в Манаос. Скоро начнутся пороги, пояснил он, и катеру тут делать нечего. По секрету же добавил, что мы приблизились к преддверию Неведомой страны и, следовательно, чем меньше народу будет посвящено в нашу тайну, тем лучше. С этой же целью он взял с каждого из нас честное слово, что мы не опубликуем и не разгласим устно точных сведений о географическом положении того места, куда направляется экспедиция, а всех слуг заставил торжественно поклясться в соблюдении тайны. Все это вынуждает меня к известной сдержанности в изложении событий, и я предупреждаю читателей, что на тех картах или чертежах, которые, возможно, придется приложить к моему повествованию, будет правильно только взаимное расположение отдельных мест, но не координаты их, и, следовательно, пользоваться этими данными, для того чтобы проникнуть в Неведомую страну, не рекомендуется. Чем бы ни руководствовался профессор Челленджер, столь ревностно сохраняя свою тайну, мы не могли не повиноваться ему, ибо он действительно был способен скорее сорвать экспедицию, чем хоть на иоту отступить от поставленных нам условий.

Второго августа мы простились с «Эсмеральдой», тем самым порвав последнее звено, связывавшее нас с миром. За четыре дня, которые прошли с тех пор, профессор нанял у индейцев два больших челна, настолько легких (они были сделаны из звериных шкур, натянутых на бамбуковый каркас), что в случае необходимости мы могли бы перетаскивать их на руках. В эти челны было погружено все наше снаряжение, а в качестве добавочных гребцов мы наняли еще двух индейцев, по имени

Ипету и Атака, кажется тех самых, которые сопровождали профессора Челленджера в его первом путешествии. Оба они, повидимому, были вне себя от ужаса, когда им предложили снова отправиться в те края, но в быту индейцев вождь до сих пор пользуется патриархальной властью, и если какая-либо сделка кажется ему выгодной, его соплеменникам рассуждать не приходится.

Итак, завтра мы уходим в Неведомое. Первую свою корреспонденцию я отправлю со встречной лодкой, и, быть может, для тех, кто интересуется нашей судьбой, эта весточка о нас будет последней. Я посылаю ее на ваше имя, дорогой мистер Мак-Ардл, как мы и условились. Сокращайте, правьте мои письма — словом, делайте с ними все, что найдете нужным,— полагаюсь на присущий вам такт.

Судя по весьма уверенному виду нашего предводителя, он собирается доказать свою правоту на деле, и я, вопреки упорному скептицизму профессора Саммерли, не сомневаюсь, что мы действительно накануне величайших и поразительных событий.

Глава VIII

НА ПОДСТУПАХ К НОВОМУ МИРУ

Пусть наши друзья на родине порадуются вместе с нами — мы добрались до цели своего путешествия и теперь с твердостью можем сказать, что утверждения профессора будут проверены. Правда, на плато наша экспедиция еще не поднималась, но оно тут, перед нами, и при виде его даже профессор Саммерли несколько смирился духом. Он, конечно, не допускает и мысли, что его соперник прав, но спорить стал меньше и большей частью хранит настороженное молчание.

Однако вернусь назад и продолжу свой рассказ с того места, на котором он был прерван. Мы отсылаем обратно одного из индейцев, сильно поранившего себе руку, и я отправлю письмо с ним, но дойдет ли оно когда-нибудь по назначению, в этом я очень сомневаюсь.

Последняя моя запись была сделана в тот день, когда мы собирались покинуть индейский поселок, к которому нас доставила «Эсмеральда». На сей раз приходится начинать с неприятного, так как в тот вечер между двумя членами нашей группы произошла первая серьезная ссора, чуть было не закончившаяся трагически. Постоянные стычки между профессорами, конечно, в счет не идут. Я уже писал о нашем метисе Гомесе, который говорит по-английски. Он прекрасный работник, очень услужливый, но страдает болезненным любопытством — пороком, свойственным большинству людей. В последний вечер перед отъездом из поселка Гомес, повидимому, спрятался где-то около хижины, в которой мы обсуждали наши планы, и стал подслушивать. Великан Самбо, преданный

нам, как собака, и к тому же ненавидящий метисов, подобно всем представителям своей расы, схватил его и притащил в хижину. Гомес взмахнул ножом и заколол бы негра, если б тот, обладая поистине неимоверной силой, не ухитрился обезоружить его одной рукой. Мы отчитали их обоих, заставили обменяться рукопожатием и надеемся, что тем дело и кончится. Что же касается вражды между нашими двумя учеными мужами, то она не только не утихает, но разгорается все пуще и пуще. Челленджер, надо сознаться, ведет себя крайне вызывающе, а злой язык Саммерли ни в коей мере не способствует их примирению. Вчера, например, Челленджер заявил, что он не любит гулять по набережной Темзы — ему, видите ли, грустно смотреть на то последнее пристанище, которое его ожидает. У профессора нет ни малейших сомнений, что его прах будет покоиться в Вестминстерском аббатстве. Саммерли кисло улыбнулся и сказал:

— Насколько мне известно, Милбенкскую тюрьму давно снесли.

Огромное самомнение Челленджера не позволяет ему обижаться на такие шпильки, и поэтому он только усмехнулся в бороду и проговорил снисходительным тоном, словно обращаясь к ребенку:

— Ну, будет, будет!

По уму и знаниям эти два человека могут занять место в первом ряду светил науки, но на самом деле они настоящие дети. Один сухонький, брюзгливый, другой тучный, властный. Ум, характер, душа — чем больше узнаешь жизнь, тем яснее видишь, как часто одно не соответствует другому!

На следующий день после описанного происшествия мы двинулись в путь, и эту дату можно считать началом нашей замечательной экспедиции. Все снаряжение прекрасно поместилось в двух челнах, а мы сами разбились на две группы, по шести человек в каждой, причем в интересах общего спокойствия профессоров рассадили по разным челнам. Я сел с Челленджером, который пребывал в состоянии безмолвного экстаза и всем своим видом излучал благостность. Но мне уже приходилось наблюдать его в другом настроении, и я готов был каждую минуту услышать гром среди ясного неба. С этим человеком никогда нельзя чувствовать себя спокойным, но зато в

его обществе и не соскучишься, ибо он все время заставляет тебя трепетать в ожидании внезапной вспышки его бурного темперамента.

Два дня мы поднимались вверх по широкой реке, вода в которой была темная, но такая прозрачная, что можно было разглядеть дно,— такова половина всех притоков Амазонки,— в других же вода мутно-белого цвета; все зависит от местности, по которой они протекают; там, где есть растительный перегной, вода в реках прозрачная, а в глинистой почве она замутнена. Пороги нам встретились дважды, и оба раза мы делали обход на полмили, перетаскивая все свое имущество на руках. Лес по обоим берегам был вековой давности, а через такой легче пробираться, чем сквозь густую поросль кустарника, поэтому наша поклажа не причиняла нам особых неудобств. Мне никогда не забыть ощущения торжественной тайны, которое я испытал в этих лесах. Коренной горожанин не может даже представить себе таких могучих деревьев, почти на недосягаемой для взора высоте сплетающих готические стрелы ветвей в сплошной зеленый шатер, сквозь который лишь кое-где, пронизывая на миг золотом эту торжественную тьму, пробивается солнечный луч. Густой мягкий ковер прошлогодней листвы приглушал наши шаги. Мы шли, охваченные таким благоговением, которое испытываешь разве только под сумрачными сводами Вестминстерского аббатства, и даже профессор Челленджер понизил свой зычный бас до шепота. Будь я здесь один, мне так бы никогда и не узнать названий этих гигантских деревьев, но наши ученые то и дело показывали нам кедры, огромные тополя, кондори и множество других пород, благодаря обилию которых этот континент стал для человека главным поставщиком тех даров природы, что относятся к растительному миру, тогда как его животный мир крайне беден.

На темных стволах пламенели яркие орхидеи и поражающие своей окраской лишайники, а когда случайный луч солнца падал на золотую алламанду, пунцовые звезды жаксонии или густосиние гроздья ипомеи, казалось, что так бывает только в сказке. Все живое в этих дремучих лесах тянется вверх, к свету, ибо без него — смерть. Каждый побег, даже самый слабенький, пробивается все выше и выше, заплетаясь вокруг своих более сильных и более рослых собратьев. Ползучие растения

Мне никогда не забыть ощущения торжественной тайны, которое я испытал в этих лесах

достигают здесь чудовищных размеров, а те, которым, на взгляд европейца, будто и не положено виться, волей-неволей постигают это искусство, лишь бы вырваться из густого мрака. Я видел, например, как обыкновенная крапива, жасмин и даже пальма яситара оплетали стволы кедров, пробираясь к самым их вершинам.

Внизу, под величественными сводами зелени, не было слышно ни шороха, ни писка, но где-то высоко у нас над головой шло непрестанное движение. Там в лучах солнца ютился целый мир змей, обезьян, птиц и ленивцев, которые, вероятно, с изумлением взирали на крохотные человеческие фигурки, пробирающиеся внизу, на самом дне этой наполненной таинственным сумраком бездны.

На рассвете и при заходе солнца лесная чаща оглашалась дружным воем обезьян-ревунов и пронзительным щебетом длиннохвостых попугаев, но в знойные часы мы слышали лишь густое жужжанье насекомых, напоминающее отдаленный шум прибоя, и больше ничего... Ничто не нарушало торжественного величия этой колоннады стволов, уходящих вершинами во тьму, которая нависала над нами. Только раз в густой тени под деревьями неуклюже проковылял какой-то косолапый зверь — не то муравьед, не то медведь. Это был единственный признак того, что в лесах Амазонки живое существует и на земле.

А между тем некоторые другие признаки свидетельствовали и о присутствии человека в этих таинственных дебрях — человека, который держался не так далеко от нас. На третий день мы услышали какой-то странный ритмический гул, то затихавший, то снова сотрясавший воздух своими торжественными раскатами, и так все утро. Когда этот гул впервые донесся до нас, челны шли на расстоянии нескольких ярдов один от другого. Индейцы замерли, словно превратившись в бронзовые статуи, на их лицах был написан ужас.

— Что это? — спросил я.

— Барабаны,— небрежным тоном ответил лорд Джон.— Боевые барабаны. Мне уже приходилось слышать их.

— Да, сэр, это боевые барабаны,— подтвердил метис Гомес.— Индейцы — злой народ. Они следят за нами. Индейцы убьют нас, если смогут.

— Каким это образом они ухитрились нас выследить? — спросил я, вглядываясь в темную, недвижную чащу.

Метис пожал плечами:

— Индейцы — они все умеют. У них всегда так. Они следят. Барабаны переговариваются между собой. Индейцы убьют нас, если смогут.

К полудню — в моей записной книжке отмечено, что это было во вторник, восьмого августа,— гул по меньшей мере шести-семи барабанов окружал нас со всех сторон. Они то учащали ритм, то замедляли. Вот где-то на востоке послышалась четкая, отрывистая дробь... пауза... густой гул откуда-то с севера. Этот непрестанный рокот звучал почти как вопрос и ответ. В нем было что-то грозное, невероятно действующее на нервы. Он сливался в слова — те самые, которые не переставал твердить наш метис: «Если сможем, убьем. Если сможем, убьем». В безмолвном лесу не было ни малейшего движения. Темная завеса зелени дышала покоем и миром, присущим только природе, но из-за нее безостановочно неслась одна и та же весть, которую слал нам собрат-человек. «Если сможем, убьем», говорили те, кто был на востоке. «Если сможем, убьем», отвечали им с севера.

Барабаны рокотали и перешептывались весь день, и угроза, звучавшая в их голосах, отражалась ужасом на лицах наших цветных спутников. Даже смелый, хвастливый метис, видимо, трусил. Зато в этот же день у меня был случай убедиться, что Саммерли и Челленджер обладают высшим мужеством — мужеством просвещенного ума. С такой же отвагой держались Дарвин среди гаучосов Аргентины * и Уоллес среди малайских охотников за черепами. Так уж положено милостивой природой: человек не может думать о двух вещах сразу, и там, где говорит научная любознательность, соображениям личного порядка места не остается.

Оба профессора не пропускали ни одной пролетавшей птицы, ни одного кустика на берегу и то и дело принимались яростно спорить, не замечая таинственного грозного гула. Саммерли попрежнему огрызался на Челленджера, который по своему обыкновению гудел басом, и ни тот, ни другой не считали нужным хотя бы одним словом обмолвиться об индейских барабанах, словно все это происходило в курительной комнате клуба Королевского обще-

ства на Сент-Джеймс-стрит. Они только раз удостоили индейцев своим вниманием.

— Каннибалы племени миранха, а может быть, амайюака,— сказал Челленджер, ткнув большим пальцем в сторону леса, откуда неслись барабанные раскаты.

— Совершенно верно, сэр,— ответил Саммерли,— и, как все здешние племена, они принадлежат к монгольской расе, а язык у них полисинтетический.

— Разумеется, полисинтетический,— снисходительно согласился Челленджер.— Насколько мне известно, других языков на этом континенте не существует. У меня записано более сотни разных наречий. Но что касается монгольской расы, то в этом я сильно сомневаюсь.

— А казалось бы, достаточно самого поверхностного знакомства со сравнительной анатомией, чтобы признать эту теорию правильной,— ядовито заметил Саммерли.

Челленджер с воинственным видом выпятил вперед подбородок. Поля соломенной шляпы и борода — вот все, что предстало нашим взорам.

— Вы правы, сэр, поверхностное знакомство ничего другого дать не может. Но исчерпывающие знания заставляют приходить к иным выводам.

Они злобно ели друг друга глазами, а в это время по лесу еле слышным шепотом проносилось эхо: «Убьем, убьем... Если сможем, убьем».

Вечером мы вывели челны на середину реки, приспособив, вместо якорей, тяжелые камни, и подготовились к возможному нападению. Однако ночь прошла спокойно, и с рассветом мы двинулись дальше под затихавшую вдали барабанную дробь. Около трех часов дня нам преградили путь высокие пороги, тянувшиеся мили на полторы, те самые, на которых профессор Челленджер потерпел крушение в свою первую экспедицию.

Сознаюсь, что вид этих порогов подбодрил меня — это было первое, хоть и слабое, подтверждение достоверности рассказов Челленджера.

Индейцы перенесли сквозь густой кустарник сначала челны, потом снаряжение, а мы, четверо белых, с винтовками в руках шли цепочкой, прикрывая их от той опасности, которая могла нагрянуть из лесу. К вечеру наша партия благополучно миновала пороги, поднялась миль на десять вверх по реке и остановилась на ночлег. По

моим примерным расчетам, к этому времени Амазонка была уже по меньшей мере на сотни миль позади нас.

Рано утром на следующий день произошли важные события. Профессор Челленджер с самого рассвета вглядывался в оба берега, явно чем-то обеспокоенный. Но вот он радостно вскрикнул и показал на дерево, низко нависшее над водой.

— Как по-вашему, что это? — спросил он.

— Пальма ассаи, конечно,— сказал Саммерли.

— Правильно. И эта самая пальма служила мне главной приметой. Еще с полмили вверх по тому берегу, и мы подойдем к скрытому в чаще протоку. Удивительнее всего, что деревья стоят там сплошной стеной. Вон видите — темный кустарник сменяется светлозеленым тростником. Там среди высоких тополей и есть потайная дверь в Неведомую страну. Сейчас вы сами во всем убедитесь. Ну, вперед!

И действительно, нам оставалось только поражаться. Подплыв к тому месту, где начинались заросли светлозеленого тростника, мы врезались в них, потом ярдов сто вели оба челна, отталкиваясь от берега шестами, и, наконец, вышли в тихую, неглубокую речку с песчаным дном, видневшимся сквозь прозрачную воду. Ее узкие берега были одеты пышной зеленью.

Тот, кто не заметил бы, что, вместо густого кустарника, здесь растет тростник, никогда бы не догадался о существовании этой речки и открывающегося за ней волшебного царства.

Да, это было поистине волшебное царство! Такое великолепие может нарисовать только самая пылкая человеческая фантазия. Густые ветви сплетались у нас над головой, образуя естественный зеленый свод, а сквозь этот живой туннель струилась прозрачнозеленая река. Прекрасная сама по себе, она казалась еще чудеснее от тех причудливых бликов, которые роняли на нее смягченные зеленью яркие лучи солнца. Чистая, как хрусталь, недвижная, как зеркало, зеленеющая у берегов, как айсберг, водная гладь сверкала сквозь резную арку листвы, подергиваясь рябью под ударами наших весел. Это был путь, достойный страны чудес, в которую он вел.

Теперь индейцы никак не давали о себе знать, зато животные стали попадаться чаще, и их доверчивость свидетельствовала о том, что они еще не встречались с

охотником. Пушистые бархатисто-черные обезьянки с ослепительно белыми зубами и лукавыми глазками провожали нас пронзительной трескотней. Иногда с тяжелым всплеском срывался с берега в воду кайман. Раз как-то грузный тапир выглянул из кустов и, постояв минуту, тяжелыми шагами побрел в чащу. Потом среди деревьев мелькнуло гибкое тело крупной пумы; она обернулась на ходу, и из-за рыжего плеча на нас сверкнули полные ненависти зеленые глаза. Птиц здесь было множество, особенно болотных. На каждом стволе, нависшем над водой, стайками сидели ибисы, цапли, аисты — голубые, яркокрасные, белые, а кристально чистая вода так и кишела рыбами всех цветов радуги.

Мы плыли по этому золотисто-зеленому туннелю три дня. Глядя вдаль, трудно было отличить, где кончается зеленая вода и где начинается зеленый свод над ней. Ничто не нарушало глубокого покоя этой реки — следов человека здесь не было.

— Индейцев нет. Они боятся Курупури,— сказал както Гомес.

— Курупури — это лесной дух,— пояснил лорд Джон.— Здесь этим именем называют все, что несет в себе злое начало. Бедняги туземцы боятся даже заглянуть сюда — им кажется, будто в этих местах кроется нечто страшное.

На третий день нам стало ясно, что с челнами надо расстаться: так как река начинала быстро мелеть, они то и дело скребли днищем о песок. Под конец мы вытащили их из воды и расположились на ночь в прибрежном кустарнике. Утром лорд Джон и я прошли мили две лесом параллельно реке и, убедившись, что она мелеет все больше и больше, вернулись с этой вестью к профессору Челленджеру, тем самым подтвердив его предположение, что мы достигли крайней точки, дальше которой на челнах итти нельзя. Тогда мы втащили их еще выше на берег, спрятали в кустах и сделали на соседнем дереве зарубку, чтобы разыскать свой тайник на обратном пути. Потом, распределив между собой поклажу — винтовки, патроны, провизию, одеяла, палатку и прочий скарб,— взвалили тюки на плечи и снова двинулись в путь, последний этап которого сулил нам гораздо большие трудности, чем начало.

Это выступление, к несчастью, было ознаменовано

стычкой между нашими двумя петухами. Присоединившись к нам, Челленджер сразу же взял экспедицию под свое начало, к явному неудовольствию Саммерли. И в этот день, как только Челленджер отдал распоряжение своему коллеге (нести анероидный барометр — всего-навсего!), последовал взрыв.

— Разрешите спросить, сэр,— с грозным спокойствием проговорил Саммерли,— по какому праву вы командуете нами!

Челленджер вдруг вспыхнул и весь так и ощетинился:

— По праву начальника экспедиции, профессор Саммерли!

— Вынужден заявить, сэр, что я вас таковым не признаю.

— Ах, вот как! — Челленджер с поистине слоновьей грацией отвесил ему насмешливый поклон.— Тогда, может быть, вы соблаговолите указать мне мое место среди вас?

— Пожалуйста, сэр. Вы — человек, слова которого взяты под сомнение, а мы — члены комиссии, созданной для того, чтобы проверить вас. Вы идете со своими судьями, сэр!

— Боже милостивый! — воскликнул Челленджер, садясь на перевернутый челн.— В таком случае будьте добры следовать своей дорогой, а я не торопясь пойду за вами. Поскольку я не возглавляю эту экспедицию, мне незачем итти во главе ее.

Благодарение богу, в нашей партии нашлись два здравомыслящих человека — лорд Джон и я,— иначе сумасбродство и горячность наших ученых мужей привели бы к тому, что мы вернулись бы в Лондон с пустыми руками. Сколько понадобилось пререканий, уговоров, объяснений, прежде чем мы утихомирили их! Наконец, Саммерли двинулся вперед, попыхивая трубкой и презрительно усмехаясь, а Челленджер с ворчанием последовал за ним. К счастью, мы еще за несколько дней до того успели обнаружить, что оба наших мудреца ни во что не ставят доктора Иллингворта из Эдинбурга, и это спасло нас. В дальнейшем стоило нам только упомянуть имя шотландского зоолога, как назревающие ссоры моментально стихали, оба профессора заключали временный союз и дружно накидывались на своего общего соперника.

Двигаясь гуськом вдоль берега, мы скоро обнаружили, что река постепенно превратилась в узкий ручей, а он в свою очередь затерялся в трясине, заросшей зеленым губчатым мхом, в который наши ноги уходили по колено. В этом месте вились густые тучи москитов и всякой другой мошкары, так что мы с чувством облегчения ступили, наконец, на твердую землю и, сделав большой крюк лесом, обошли эту злачную трясину, которая еще долго напоминала нам о себе органным гулом насекомых.

На второй день после того как мы бросили челны, характер местности резко изменился. Нам приходилось все время итти в гору, лесная чаща заметно редела и утрачивала свою тропическую пышность. Огромные деревья, вскормленные илистой почвой долины Амазонки, уступили место кокосовым и финиковым пальмам, которые стояли группами среди густого кустарника. В сырых низинах росли пальмы с изящными ниспадающими листьями. Мы шли почти только по компасу, и раза два между Челленджером и двумя индейцами разгорался спор о выборе пути, причем оба раза вся наша партия предпочла, как выразился возмущенный профессор, «довериться обманчивому инстинкту первобытных дикарей, а не совершеннейшему продукту современной европейской культуры». На третий день выяснилось, что мы были правы, отдав предпочтение индейцам. Челленджер сам опознал кое-какие приметы, запомнившиеся ему с первого путешествия, а в одном месте мы даже наткнулись на четыре обожженных камня — след его же лагерной стоянки.

Подъем все еще продолжался: два дня ушло у нас на то, чтобы преодолеть усеянный валунами холм. Растительность снова изменилась, и от прежней тропической роскоши здесь оставались только пальмы «слоновая кость» да множество чудесных орхидей, среди которых я научился распознавать редкостную Nuttoma Vexillaria, розовые и пунцовые цветы великолепной катлеи и одонтоглоссум. В расщелинах холма журчали по мелким камням ручейки, затененные зарослями папоротника. На ночь мы обычно располагались среди валунов на берегу какой-нибудь заводи, где стаями носились рыбки с синевато-черными спинками, вроде нашей английской форели, служившие нам прекрасным блюдом на ужин.

На девятый день нашего пути, когда мы проделали, по моим расчетам, около ста двадцати миль от того места, где были спрятаны челны, лес совсем измельчал и мало-помалу перешел в кустарник. Кусты в свою очередь сменились бескрайними бамбуковыми зарослями, настолько густыми, что нам приходилось прорубать в них дорогу ножами и индейскими томагавками. На это у нас ушел целый день, от семи утра до восьми вечера, всего с двумя короткими перерывами на отдых. Трудно представить себе занятие, более однообразное и утомительное!

Даже в просеках мой горизонт ограничивался какими-нибудь десятью-двенадцатью ярдами; все остальное время я видел перед собой только спину лорда Джона в белой парусиновой рубашке да по сторонам, почти вплотную, желтую стену бамбука. Узкие, как лезвие, лучи солнца кое-где пронизывали ее; футах в пятнадцати у нас над головой на фоне яркосинего неба покачивались бамбуковые метелки. Я не знаю, какие животные населяли эту чащу, но мы не раз слышали совсем близко от себя чью-то грузную поступь. Лорд Джон думал, что это были какие-то крупные копытные. Только к ночи выбрались мы из зарослей бамбука и, измученные за этот показавшийся нам бесконечным день, сейчас же разбили лагерь.

Следующее утро застало нас уже в пути. Характер местности опять начал меняться. Желтая стена бамбука четко, словно речное русло, виднелась позади. Перед нами же расстилалась открытая равнина, поросшая кое-где древовидными папоротниками и постепенно поднимавшаяся к длинному гребню, который напоминал очертаниями спину кита. Мы перевалили через него около полудня и увидели за ним долину, а дальше снова пологий откос, мягко круглившийся на горизонте. Здесь, у первой гряды холмов, и произошло одно событие, полное, быть может, серьезного значения.

Профессор Челленджер, шагавший впереди вместе с двумя индейцами, вдруг остановился и взволнованно замахал рукой, показывая куда-то вправо. Посмотрев в ту сторону, мы увидели примерно в миле от нас нечто похожее на огромную серую птицу, которая неторопливо взмахнула крыльями, низко и плавно пронеслась над самой землей и скрылась среди деревьев.

— Вы видели? — ликующим голосом крикнул Челленджер.— Саммерли, вы видели?

Его коллега не отрываясь смотрел туда, где скрылась эта странная птица.

— Что же это такое, по-вашему? — спросил он.

— Как что? Птеродактиль!

Саммерли презрительно расхохотался.

— Птерочушь!— сказал он.— Это аист, самый обыкновенный аист.

Челленджер лишился дара речи от бешенства. Вместо ответа, он взвалил на плечи свой тюк и зашагал дальше. Но у лорда Джона, который вскоре поравнялся со мной, вид был куда серьезнее обычного. Он держал в руках цейссовский бинокль.

— Я все-таки успел ее разглядеть,— сказал он.— Не берусь судить, что это за штука, но таких птиц я еще в жизни не видывал, могу поручиться в этом всем своим опытом охотника.

Вот так и обстоят наши дела. Подошли ли мы действительно к Неведомой стране, стоим ли на подступах к Затерянному миру, о котором не перестает твердить наш руководитель? Все записано так, как было, и вы знаете столько же, сколько и я. Такие случаи больше не повторялись, никаких других важных событий с нами не произошло.

Итак, мои дорогие читатели,— если только когда-нибудь у меня будут таковые,— вы поднялись вместе со мной по широкой реке, проникли сквозь тростник в зеленый туннель, прошли по откосу среди пальм, преодолели заросли бамбука, спустились в равнину, поросшую древовидными папоротниками. И теперь цель нашего путешествия лежит прямо перед нами.

Перевалив через вторую гряду холмов, мы увидели узкую долину, густо заросшую пальмами, а за ней длинную линию красных скал, которая запомнилась мне по рисунку в альбоме. Сейчас я пишу, но стоит мне оторваться от письма, и вот она у меня перед глазами — ее тождество с рисунком несомненно. Кратчайшее расстояние между ней и нашей стоянкой не превышает семи миль, а потом она изгибается и уходит в необозримую даль.

Челленджер, как петух, с боевым видом расхаживает по лагерю; Саммерли хранит молчание, но настроен по-

прежнему скептически. Еще один день, и многие из наших сомнений разрешатся. Пока же я отправляю это письмо с Хосе, который поранил себе руку в бамбуковых зарослях и требует, чтобы его отпустили. Надеюсь, что письмо все-таки попадет по назначению. При первой же возможности напишу еще. К письму прилагаю приблизительный план нашего путешествия в расчете на то, что он поможет вам уяснить все здесь изложенное.

Глава IX

«КТО МОГ ПРЕДУГАДАТЬ ЭТО?»

Нас постигло страшное несчастье. Кто мог предугадать это? Теперь я не вижу конца нашим бедам. Может быть, нам суждено остаться на всю жизнь в этом загадочном, неприступном месте. Я так потрясен случившимся, что до сих пор не могу хорошенько разобраться в настоящем, не могу и заглянуть вперед, в будущее. Первое кажется моему смятенному мозгу ужасным, второе беспросветным, как ночь.

Вряд ли кто-нибудь еще попадал в такое положение. Оно столь безвыходно, что я даже не считаю нужным открывать вам точные координаты этой горной цепи и взывать к друзьям о высылке спасательной партии. Если такая партия и будет организована, наша судьба, по всей вероятности, решится задолго до ее прибытия в Южную Америку.

Да, мы отрезаны от всякой помощи, все равно как если бы нас занесло на Луну. Если же мы выйдем с честью из этой беды, то будем обязаны спасением только самим себе. Мои три спутника люди незаурядные, люди замечательного ума и непоколебимого мужества. В этом, и только в этом, вся наша надежда. Стоит мне взглянуть на спокойные лица товарищей, и мрак вокруг меня рассеивается. Смею думать, что внешне я держусь с таким же спокойствием. На самом же деле меня мучают тяжкие сомнения.

А теперь позвольте мне изложить со всеми подробностями ход событий, который привел нас к катастрофе.

В последнем своем отчете я писал, что мы находимся в семи милях от цепи красных скал, опоясывающих коль-

цом то самое плато, о котором говорил профессор Челленджер. Когда наша партия подошла к ним поближе, мне показалось, что профессор даже преуменьшил их высоту, так как в некоторых местах они достигают по крайней мере тысячи футов. Бросается в глаза также слоистость этих скал, повидимому характерная для базальтовых образований. Нечто подобное можно наблюдать в Селисберийских утесах близ Эдинбурга. Вершина горной цепи покрыта пышной растительностью — по краям поднимаются кусты, а за ними высокие деревья. Живых существ здесь, очевидно, нет.

Той ночью мы разбили лагерь у самого подножья горной цепи, в пустынном и мрачном месте. Красные скалы, поднимающиеся над нами, не только совершенно отвесны, но и загибаются по краям наружу, так что о подъеме с этой стороны нечего и думать. Невдалеке от нашего лагеря стоит высокий, суживающийся кверху утес. Я, кажется, уже говорил о нем в свое время. Он напоминает утолщенный церковный шпиль. Вершина его, на которой растет высокое дерево, приходится вровень с плато, но их разделяет расщелина. Этот утес и ближайшие к нему отроги горной цепи не очень высоки — на мой взгляд, футов пятьсот-шестьсот, не больше.

— Вот на этом самом дереве,— сказал профессор,— сидел птеродактиль, которого я подстрелил. Мне пришлось вскарабкаться до половины утеса. Думаю, что хороший альпинист, вроде меня, сможет подняться и на вершину, хотя оттуда на плато все равно не переберешься.

Пока Челленджер говорил о своем птеродактиле, я приглядывался к профессору Саммерли и впервые уловил в нем нечто новое: он явно начинал верить своему сопернику и даже проявлял некоторые признаки раскаяния. Язвительная усмешка исчезла с его губ, он стоял бледный и не старался скрыть своего изумления. Челленджер тоже не преминул заметить это и уже упивался победой.

— Профессор Саммерли, разумеется, думает, что, говоря о птеродактиле, я имею в виду обыкновенного аиста,— сказал он, неуклюже пытаясь сострить,— но этот аист лишен оперенья, у него необычайно твердый кожный покров, перепончатые крылья и усаженный зубами клюв.

Челленджер отвесил низкий поклон, ухмыльнулся, подмигнул своему коллеге, а тот не выдержал и отошел прочь.

Утром, после скромного завтрака, состоявшего из кофе и маниока * — провизию приходилось экономить, мы созвали военный совет и стали обсуждать, каким образом подняться на плато.

Профессор Челленджер председательствовал с необычайной торжественностью — ни дать ни взять верховный судья.

Представьте себе такую картину: этот бородач в сдвинутой на затылок нелепой соломенной шляпе восседает на камнях, надменно поглядывая на нас из-под полуопущенных век, и медленно, с расстановкой говорит о нашем теперешнем положении и дальнейших планах действий. Перед ним разместились мы трое: ваш покорный слуга — загорелый, сильно окрепший на свежем воздухе; Саммерли, с важным и попрежнему скептическим видом попыхивающий трубкой; и худощавый, острый, как лезвие бритвы, лорд Джон, который опирается на винтовку, устремив на оратора орлиный взор. Позади нас двое смуглых метисов и сбившиеся в кучку индейцы, а впереди красноватые ребристые скалы, закрывающие нам доступ к желанной цели.

— Вряд ли стоит говорить,— так начал наш руководитель,— что в свой первый приезд сюда я испробовал все способы подняться на плато, и если уж это не удалось мне, опытному альпинисту, то другому и подавно не удастся. Правда, у меня не было никаких альпинистских приспособлений, но теперь я об этом позаботился и с их помощью во что бы то ни стало доберусь до вершины утеса. Впрочем, о подъеме на главный кряж с этой стороны пока что нечего и думать. В прошлый раз мне пришлось торопиться — приближался период дождей, кроме того мои запасы подходили к концу. Все это крайне стеснило меня во времени, и я успел обогнуть хребет в восточном направлении миль на шесть и не нашел сколько-нибудь подходящего места для подъема. Что же мы предпримем теперь?

— Ну, сэр, — крикнул он хриплым от волнения голосом, — теперь вы убедились, что на плато есть животный мир?

— По-моему, здравый смысл подсказывает нам только один выход,— заговорил профессор Саммерли.— Если вы обследовали хребет в восточном направлении, то теперь надо итти на запад и посмотреть, нельзя ли подняться с той стороны.

— Правильно,— поддержал его лорд Джон.— Есть основания предполагать, что этот кряж не так уж велик. Мы обойдем его вокруг и либо отыщем то, что нам нужно, либо вернемся к исходной точке.

— Я уже разъяснил нашему юному другу,— сказал Челленджер (он всегда говорит обо мне, как о десятилетнем школьнике),— что на легкий подъем рассчитывать не приходится, и по весьма простой причине: если б таковой существовал, плато не было бы отрезано от остального мира и на нем не создались бы условия, которые нарушают все известные нам законы выживания видов. Тем не менее я вполне допускаю, что на склонах есть места, доступные опытному альпинисту, но непреодолимые для тяжелых, неповоротливых животных. В существовании по крайней мере одного такого места я просто уверен.

...и тут мы разглядели, что это огромная змея с плоской, похожей на лопату головой.

— Что же вам дало эту уверенность, сэр? — резко спросил его Саммерли.

— А то, что моему предшественнику, американцу Мепл-Уайту, каким-то образом удалось подняться на плато. Иначе как бы он увидел то чудовище, которое зарисовано у него в альбоме?

— Следовательно, вы забегаете вперед, не дожидаясь, когда все это будет проверено,— упрямо возразил Саммерли.— Я признаю существование плато, потому что оно у меня перед глазами, но есть ли на нем жизнь, этого мне еще никто не доказал.

— Признаете вы что-нибудь или не признаете, это, сэр, совершенно неважно. Впрочем, я рад, что существование самого плато все же дошло до вашего сознания.— Чел-

ленджер поднял голову и, вдруг вскочив с места, схватил Саммерли за шиворот и задрал ему подбородок кверху.— Ну, сэр,— крикнул он хриплым от волнения голосом,— теперь вы убедились, что на плато есть животный мир?

Я уже говорил о густой бахроме зелени, окаймлявшей края каменной гряды. Так вот из этих зарослей вдруг показалось какое-то черное блестящее существо. Оно медленно подползло к обрыву, свесилось над ним, и тут мы разглядели, что это огромная змея с плоской, похожей на лопату головой. С минуту она качалась над обрывом, играя на солнце своими гладкими, словно отполированными кольцами, потом медленно подалась назад и исчезла в кустах.

Это зрелище так увлекло Саммерли, что сначала он даже не пытался вырваться из лап Челленджера. Но потом опомнился и, оттолкнув от себя своего коллегу, снова принял достойный вид.

— Профессор Челленджер,— сказал он,— я был бы очень рад, если бы вы нашли какой-нибудь другой способ привлекать внимание к своим словам, вместо того чтобы задирать мне подбородок кверху. Такую вольность не оправдывает даже появление весьма обыкновенного питона.

— А все-таки на плато есть жизнь! — торжествующе воскликнул его коллега.— И теперь, когда этот мой тезис получил столь наглядное подтверждение, что оспаривать его не станут даже самые предубежденные и тупые умы, я предлагаю немедленно покинуть стоянку и двинуться в западном направлении на поиски того места, откуда можно будет совершить подъем.

Подножие хребта было каменистое, неровное, так что мы подвигались вперед медленно и с большим трудом. Но неожиданная находка подбодрила нас: мы наткнулись на следы чьей-то давней стоянки. Среди камней валялись несколько жестянок из-под чикагских мясных консервов, сломанный нож к ним, бутылка с этикеткой «Коньяк» и много другой, обычной в таких случаях мелочи. Скомканная рваная газета оказалась «Чикагским демократом», но от какого она была числа, обнаружить нам не удалось.

— Не мое,— сказал Челленджер.— Это, должно быть, Мепл-Уайт оставил.

Лорд Джон внимательно разглядывал ствол высокого древовидного папоротника, в тени которого была разбита стоянка.

— Посмотрите-ка,— сказал он.— По-моему, это нечто вроде указательного столба.

К дереву, острым концом на запад, была прибита щепка.

— Совершенно верно! — воскликнул Челленджер.— Ничего другого здесь и быть не может. Наш предшественник понимал, что предстоящий ему путь сопряжен с опасностями, и оставил эту веху на тот случай, если его будут разыскивать. Подождите, может быть мы еще встретим какие-нибудь другие следы.

Он оказался прав, но как неожиданно и страшно было то, что мы увидели! У самого подножия хребта тянулись высокие заросли бамбука, такие же, как те, сквозь которые нам приходилось продираться в начале нашего путешествия. Стебли его достигали порой двадцати футов, а острые, крепкие верхушки торчали кверху, словно настоящие колья. Мы шли вдоль этих зарослей и вдруг заметили, что там блеснуло что-то белое. Я просунул голову между стеблями и увидел череп. В нескольких шагах от него, ближе к краю, лежал и весь скелет.

Индейцы быстро расчистили ножами это место, и разыгравшаяся здесь трагедия предстала перед нами во всех подробностях. От одежды погибшего остались одни лохмотья, но башмаки на голых костях сохранились в целости, и по ним можно было судить, что бывший их обладатель — европеец. Среди костей лежали золотые часы нью-йоркской фирмы «Гудзон» и стилографическое перо на цепочке. Тут же валялся серебряный портсигар с выгравированной на крышке надписью: «Дж. К. от А. Э. С.». Портсигар не успел потемнеть, следовательно несчастный случай произошел не так давно.

— Кто же это? — спросил лорд Джон.— Вот бедняга! Ни одной целой косточки не осталось!

— И бамбук торчит сквозь ребра,— сказал Саммерли.— Правда, он растет необычайно быстро, но все же трудно предположить, что стебли могли вытянуться до двадцати футов за то время, пока скелет лежит здесь.

— Что касается личности погибшего,— сказал Челленджер,— то на этот счет у меня нет никаких сомнений. До того как присоединиться к вам в асьенде, я навел точ-

ные справки о Мепл-Уайте. В Паре о нем ничего не знали. К счастью, меня навел на след один рисунок из его альбома. Помните — завтрак в Росарио у какого-то священника. Так вот этого священника мне удалось разыскать, и хотя он оказался большим спорщиком и страшно разобиделся, когда я стал ему доказывать, что религиозные верования не устоят перед разлагающим действием современной науки, все же наша беседа не прошла даром. Мепл-Уайт приезжал в Росарио четыре года назад, то есть за два года до смерти. Он был не один, с ним путешествовал его друг, американец по имени Джеймс Колвер, который на берег не сходил и со священником не виделся. Поэтому мы можем не сомневаться, что перед нами останки этого самого Джеймса Колвера.

— Еще меньше сомнений вызывают у меня обстоятельства его гибели,— сказал лорд Джон.— Он упал со скалы или же был сброшен оттуда и напоролся на бамбук. Иначе никак не объяснишь переломанные кости. Да и бамбук не мог бы так быстро прорасти сквозь его тело.

Мы молча смотрели на лежавшие перед нами останки, вдумываясь в значение того, что сказал лорд Джон Рокстон. Выступ скалы тяжким молотом нависал над бамбуковой чащей. Американец свалился оттуда. Но сам ли он свалился? Действительно ли это был несчастный случай? А может быть... И чем-то зловещим и страшным повеяло на нас при мысли об этой неведомой стране.

Не прерывая молчания, мы двинулись дальше вдоль каменной стены, такой же отвесной и гладкой, как те бескрайние ледяные поля Антарктики, которые, если верить описаниям, простираются от горизонта до горизонта, высоко вздымаясь над мачтами затерявшихся среди них судов. На протяжении первых пяти миль мы не увидели ни единой расщелины, даже ни единой трещины в этой гряде скал. Но вдруг перед нами блеснул луч надежды. В небольшом углублении, куда не могли попасть струи дождя, была нарисована мелом стрела, указывающая по-прежнему на запад.

— Опять Мепл-Уайт,— сказал профессор Челленджер.— Он, очевидно, предчувствовал, что по его стопам пойдут люди, достойные всяческой заботы.

— Значит, у него был при себе мел?

— Ну как же! В его дорожном мешке был целый ящик с пастельными карандашами. Помню, я обратил

внимание, что от белого карандаша остался один огрызок.

— Весьма убедительное доказательство, — сказал Саммерли.— Что ж, последуем его указаниям и пойдем дальше, на запад.

Мы прошли еще пять миль и снова увидели белую стрелу на скале. В этом месте в каменной стене появилась первая узкая расщелина. В расщелине снова была нарисована стрела, но на этот раз она указывала куда-то вверх.

Какой торжественностью дышало это место! Гигантские скалы, клочок голубого неба над ними и густая тьма, потому что свет почти не проникал сюда сквозь двойную бахрому зелени. Мы уже несколько часов ничего не ели, утомительный путь по камням изнурил нас, но разве можно было задерживаться здесь! Приказав индейцам разбить лагерь, мы четверо в сопровождении двух метисов двинулись дальше, вглубь тесного ущелья.

У входа оно было не больше сорока футов шириной, но потом быстро начало суживаться и, наконец, уперлось в откос, такой крутой и скользкий, что о подъеме здесь не приходилось и думать. Наш предшественник явно имел в виду нечто другое. Мы вернулись назад — ущелье было всего лишь в четверть мили глубиной,— и вдруг острый глаз лорда Джона нашел то, что нам требовалось. Высоко, над самой головой у нас, из общего мрака выступало еще более темное пятно. Это был, несомненно, вход в какую-то пещеру.

На дне ущелья лежали груды камней, и мы без труда взобрались по ним вверх. Все наши сомнения рассеялись. Вот он, вход в пещеру, а рядом с ним опять нарисованная мелом стрела! Значит, отсюда, с этого самого места, Мепл-Уайт и его злополучный спутник начали подъем на плато.

Мы были так взволнованны, что не могли и помышлять о возвращении в лагерь. Нам хотелось немедленно обследовать пещеру. Лорд Джон вынул из заплечного мешка электрический фонарик, который должен был служить нам единственным источником света, и двинулся вперед, наводя желтые блики по сторонам. Мы шли за ним, не отставая.

Судя по гла́дким стенам и грудам круглых камней, это углубление в скалах было вымыто водой. Проникнуть в него нам удалось лишь поодиночке, да и то низко при-

гибаясь. На протяжении первых пятидесяти ярдов пещера углублялась прямо в толщу скал, а потом начала подниматься под углом в сорок пять градусов. Вскоре подъем стал еще круче и нам пришлось карабкаться вверх на четвереньках по мелкой осыпающейся гальке. Прошло еще несколько минут, и вдруг лорд Рокстон вскрикнул:

— Дальше хода нет!

Столпившись позади него, мы увидели в желтом свете фонаря нагромождение базальтовых обломков, доходивших до самого потолка пещеры.

— Обвал!

Мы вытащили несколько камней, но это ничему не помогло и лишь расшатало более крупные глыбы, которые того и гляди могли рухнуть вниз и придавить нас. Преодолеть такое препятствие нам было явно не под силу. Путь, которым шел Мепл-Уайт, больше не существовал.

Мы были так подавлены этим, что, не обменявшись ни словом, повернули назад и побрели по темному ущелью. Но тут произошло одно событие, которое в ряду других оказалось весьма знаменательным.

Мы кучкой стояли на дне ущелья, футах в сорока ниже пещеры, как вдруг мимо нас пролетел огромный камень. Нам чудом удалось избежать смерти. С нашего места не было видно, откуда сорвалась эта глыба, но, по словам обоих метисов, задержавшихся у входа в пещеру, она пролетела и мимо них, следовательно ей неоткуда было упасть, кроме как с самой вершины. Мы посмотрели туда, но в зеленых зарослях, окаймлявших края скал, не было заметно ни малейшего движения. И все же никто из нас не сомневался, что камень был предназначен нам. Значит, на плато есть люди — люди, от которых следует ждать всего самого худшего!

Мы поспешно вышли из ущелья, размышляя о том, как это неожиданное событие может повлиять на наши планы. Положение было и без того трудное, но если к препятствиям, которые чинит на нашем пути природа, прибавятся еще и злоумышления человека, тогда нам придется совсем плохо. И все же кто из нас решился бы вернуться в Лондон, не узнав, что скрывается за этой пышной каймой зелени, раскинувшейся в какой-нибудь сотне футов над нами? Обсудив все это, мы решили продолжать обход плато и отыскивать другое место, откуда можно будет подняться на его вершину. Гряда скал, зна-

чительно снизившаяся, шла теперь уже не в западном, а в северном направлении, и если принять пройденную нами часть за сектор окружности, то вся окружность, видимо, была не особенно велика. В худшем случае мы могли через несколько дней вернуться к той точке, откуда начали обход.

Двадцать две мили, проделанные нами за этот день, не принесли ничего нового. Кстати сказать, анероидный барометр показывает, что, считая с того места, где у нас были оставлены челны, мы постепенно поднялись по меньшей мере на три тысячи футов над уровнем моря. Этим объясняются и заметные изменения температуры и растительности. Мы почти отделались от насекомых, от этого проклятья, которое в тропиках отравляет жизнь путешественнику. Некоторые виды пальм еще попадаются, древовидного папоротника попрежнему много, а вот высокие деревья, которыми так богат бассейн Амазонки, исчезли без следа. Зато как приятно было встретить среди этих негостеприимных скал наш вьюнок, страстоцвет и бегонию — цветы, напоминающие о родных краях! Вот такая же точно красная бегония цветет в окне одной виллы в Стритеме... Впрочем, я, кажется, незаметно уклонился в сторону, в область личных воспоминаний!

В тот вечер — я все еще рассказываю о первом дне похода вокруг горного кряжа — с нами случилось то, после чего уже никто не сомневался, что в самом недалеком будущем нас ждут чудеса.

Дорогой мистер Мак-Ардл! Читая эти строки, вы, может быть, впервые почувствуете, что редакция послала меня сюда не зря и что этот материал, который можно будет напечатать с разрешения профессора, необычайно интересен. Да я сам осмелюсь опубликовать его лишь в том случае, если вернусь в Англию с вещественными доказательствами, подтверждающими правоту моих слов, иначе меня расславят как нового Мюнхаузена.

Вы, наверное, одного со мной мнения по этому вопросу и не захотите рисковать репутацией «Дейли-газетт» до тех пор, пока мы не сможем достойным образом защититься против той волны критики и скептицизма, которую неизбежно вызовут мои статьи. Посему пусть отчет об этом поразительном случае — какую бы он дал сенсационную шапку для нашей старушки «Дейли»! — лежит у вас в столе и ждет своего часа.

Секунда — и это существо унеслось прочь... вместе с нашим ужином

сверху какое-то существо. Перепончатые крылья на миг прикрыли нас, словно пологом, и я успел разглядеть длинную, как у змеи, шею, свирепые, блеснувшие красным огоньком глаза и огромный разверстый клюв, усаженный, к моему величайшему изумлению, мелкими, ослепительно белыми зубами. Секунда — и это существо унеслось прочь... вместе с нашим ужином. Огромная черная тень футов двадцати в поперечнике взмыла к небу, чудовищные крылья на миг погасили звезды и скрылись за скалами, возвышавшимися над нами. Пораженные, мы молча сидели у костра, словно те герои Виргилия, на которых напали гарпии. Саммерли первый нарушил молчание.

— Профессор Челленджер,— торжественным, дрожащим от волнения голосом проговорил он,— я должен извиниться перед вами. Я был неправ, сэр, но надеюсь, что вы предадите прошлое забвению.

Это было хорошо сказано, и оба наших ученых впервые обменялись рукопожатием. Вот что дало нам непосредственное знакомство с птеродактилем. Не жаль было поступиться ужином ради примирения двух таких людей.

Но если плато и населяют доисторические животные, то их, повидимому, не так уж много, потому что в ближай-

А ведь все произошло в одно мгновение, и след от этого события остался только у нас в мозгу.

Вот как было дело. Лорд Джон подстрелил агути — небольшое животное вроде свиньи. Половину туши мы отдали индейцам, другую жарили для себя на костре. С наступлением темноты здесь становится прохладно, и каждый из нас жался поближе к огню. Ночь была безлунная, но звезды немного разрежали темноту, нависшую над равниной. И вдруг из этой темноты, из этого ночного мрака со свистом, напоминающим свист аэроплана, к костру ринулось

шие три дня нам ничего такого не попалось. Все это время мы шли вдоль северной и восточной стен плато по голой, угнетающе суровой местности. Сначала это была каменистая пустыня, потом унылые болота, изобилующие дикой птицей. Эти места совершенно неприступны, и если б не твердый выступ у самого подножия скал, то нам пришлось бы поворачивать обратно.

Сколько раз мы уходили по пояс в жидкий кисель полутропических болот! Но что было хуже всего — это яракаки, самые ядовитые и злые змеи Южной Америки, которыми эти болота так и кишели. Они полчищами выползли из зловонной топи и кидались нам вслед. Нас спасали только винтовки, которые мы всегда держали наготове. Я, вероятно, во веки вечные не отделаюсь от кошмарного воспоминания об одной воронкообразной впадине в трясине, поросшей серо-зеленым лишайником. Там было настоящее гнездо этих гадов, откосы впадины кишели ими, и они тотчас же устремлялись в нашу сторону, ибо яракака тем и знаменита, что стоит ей только завидеть человека, как она немедленно кидается на него. Всех змей нельзя было перестрелять, и мы бросились наутек и бежали до тех пор, пока не выбились из сил. Остановившись, я оглянулся назад и увидел, как наши страшные преследователи извивались среди камышей, не желая прекращать погоню, и этого зрелища мне никогда не забыть. На карте, которую мы чертим, это место так и будет названо: Змеиное болото.

С восточной стороны плато скалы были уже не красного, а темношоколадного цвета, растительность, окаймлявшая их вершины, заметно поредела, но, несмотря на то что общий уровень горного кряжа снизился до трехсот-четырехсот футов, нам и здесь не удалось найти места для подъема. Скалы, пожалуй, стали даже еще отвеснее, чем там, где мы начали свой обход. О совершенной неприступности их можно судить по прилагаемому снимку, который сделан со стороны каменистой пустыни.

— Но ведь дождевая вода должна как-то сбегать вниз,— сказал я, когда мы обсуждали, что нам предпринять дальше.— Значит, на склонах не может не быть промоин.

— У нашего юного друга бывают иногда проблески здравого смысла,— ответил профессор Челленджер, похлопав меня по плечу.

— Дождевая вода должна куда-то деваться,— повторил я.

— Нет, какая у него хватка! Какой трезвый ум! Беда лишь в том, что мы воочию убедились в отсутствии таких промоин.

— Тогда куда же она девается? — настаивал я.

— Очевидно, задерживается где-то внутри, поскольку стоков нет.

— Значит, в центре плато есть озеро?

— Полагаю, что так.

— И, по всей вероятности, оно образовалось на месте старого кратера,— сказал Саммерли.— Формация этого кряжа явно вулканического происхождения. Во всяком случае я склонен думать, что поверхность плато имеет уклон к центру, а там есть значительный резервуар, вода из которого стекает каким-нибудь подземным путем в Змеиное болото.

— Либо испаряется, что тоже способствует сохранению должного уровня,— заметил Челленджер, после чего оба ученых мужа по своему обыкновению затеяли научный спор, который для нас, непосвященных, был поистине китайской грамотой.

На шестой день мы закончили обход горного кряжа и вернулись к своей прежней стоянке у пирамидального утеса. Вернулись удрученные, так как обход окончательно убедил нас, что даже самые ловкие и самые сильные не смогут подняться на это плато. Ущелье, к которому вели указательные стрелки Мепл-Уайта и которым он, повидимому, сам воспользовался, было теперь непроходимо.

Что же нам оставалось делать? Провизии и того, что мы добывали охотой, у нас было вполне достаточно, но ведь наступит день, когда запасы надо будет пополнить. Месяца через два начнутся дожди, и тогда в лагере не усидишь. Эти скалы тверже мрамора, у нас не хватит ни времени, ни сил, чтобы высечь тропинку на такую высоту. Поэтому нет ничего удивительного, что весь тот вечер мы мрачно поглядывали друг на друга и, наконец, не тратя лишних слов, забрались под одеяла. Перед тем как уснуть, я еще полюбовался на следующую картину: Челленджер, словно огромная жаба, сидел на корточках у костра, подперев руками свою массивную голову, и, повидимому, был так погружен в размышления, что даже не отозвался на мое «спокойной ночи».

Но утром перед нами предстал совсем другой Челленджер. Этот Челленджер, видимо, был в восторге от собственной персоны и всем своим существом излучал самодовольство. За завтраком он то и дело посматривал на нас с притворной скромностью, словно говоря: «Все ваши похвалы мною заслужены, я это знаю, но умоляю вас, не заставляйте меня краснеть от смущения!». Борода у него так и топорщилась, грудь была выпячена вперед, рука заложена за борт куртки. Таким он, вероятно, видел себя на одном из пьедесталов Трафальгар-сквера, еще не занятом очередным лондонским пугалом.

— Эврика! — крикнул, наконец, Челленджер, сверкнув зубами сквозь бороду.— Джентльмены, вы можете поздравить меня, а я могу поздравить всех вас. Задача решена!

— Вы нашли, откуда можно подняться на плато?

— Осмеливаюсь так думать.

— Откуда же?

Вместо ответа Челленджер показал на пирамидальный утес, возвышавшийся направо от нашей стоянки. Физиономии у нас вытянулись — по крайней мере за свою ручаюсь. Со слов Челленджера мы знали, что на этот утес можно подняться. Но ведь между ним и плато лежит страшная пропасть!

— Нам никак не перебраться через нее,— еле выговорил я.

— На вершину мы так или иначе поднимемся,— сказал он.— А там посмотрим, может быть я сумею вам доказать, что моя изобретательность еще не исчерпана до конца.

После завтрака мы развязали тюк, в котором наш руководитель держал все свои альпинистские приспособления. Оттуда были извлечены железные кошки, скобы и необычайно крепкий и легкий канат длиной в полтораста футов. Лорд Джон был опытный альпинист, Саммерли тоже приходилось совершать трудные восхождения, следовательно из всех нас новичком в этом деле являлся один я. Но сила и ретивость должны были возместить мне отсутствие опыта.

Задача оказалась не такой уж трудной, хотя бывали минуты, когда у меня волосы шевелились на голове. Первая половина подъема прошла совсем просто, но дальше утес становился все круче, и последние пятьдесят футов

мы подвигались, цепляясь руками и ногами за каждый выступ, за каждую трещину в камнях. Ни я, ни профессор Саммерли не одолели бы всего подъема, если б не Челленджер. Он первый добрался до вершины (странно было видеть такую ловкость в этом грузном человеке) и привязал канат к стволу большого дерева, которое росло там. С его помощью мы скоро вскарабкались вверх по неровной каменной стене и очутились на небольшой, заросшей травой площадке футов в двадцать пять в поперечнике. Это и была вершина утеса.

Отдышавшись немного, я глянул назад и был поражен открывшимся передо мной видом. Казалось, вся бразильская равнина лежала перед нами, уходя вдаль, к голубоватой дымке, застилавшей горизонт. У самых наших ног поднимался пологий каменистый склон, поросший кое-где древовидным папоротником, а дальше, за седловиной холмов, отчетливо выступали желто-зеленые заросли бамбука, через которые мы не так давно пробирались. Потом кусты и деревья стали гуще и, наконец, слились в сплошную стену джунглей, тянувшуюся покуда хватал глаз и, наверное, еще на добрых две тысячи миль вглубь страны.

Я все еще, как зачарованный, упивался этой волшебной панорамой, как вдруг тяжелая рука профессора опустилась на мое плечо.

— Смотрите сюда, мой юный друг,— сказал он.— Vestigia nulla retrorsum![1] Стремитесь вперед, к нашей славной цели!

Я перевел взгляд на плато. Оно лежало на одном уровне с нами, и зеленая кайма кустарника с редкими деревьями была так близко от утеса, что я невольно усомнился: неужели она действительно недосягаема? На глаз эта пропасть была не больше сорока футов шириной, но не все ли равно — сорок футов или четыреста? Я ухватился за ствол дерева и заглянул вниз, в бездну. Там, на самом ее дне, чернели крохотные фигурки индейцев, смотревших на нас. Обе стены — и утеса и горного кряжа — были совершенно отвесные.

— Любопытная вещь! — послышался сзади меня скрипучий голос профессора Саммерли.

Я оглянулся и увидел, что он с величайшим интересом разглядывает дерево, которое удерживало меня над безд-

---

[1] Ни шагу назад!

ной. В этой гладкой коре и маленьких ребристых листьях было что-то страшно знакомое.

— Да ведь это бук! — воскликнул я.

— Совершенно верно,— подтвердил Саммерли.— Наш земляк тоже попал на чужбину.

— Не только земляк, уважаемый сэр, но и верный союзник, если уж на то пошло,— сказал Челленджер.— Этот бук окажется нашим спасителем.

— Мост! — крикнул лорд Джон.— Боже милостивый, мост!

— Правильно, друзья мои, мост! Недаром я вчера целый час ломал себе голову, все старался найти какой-нибудь выход. Если наш юный друг помнит, ему уже было сказано однажды, что Джордж Эдуард Челленджер чувствует себя лучше всего, когда его припирают к стене. А вчера — вы, конечно, не станете этого отрицать — мы все были приперты к стене. Но там, где интеллект и воля действуют заодно, выход всегда найдется. Через эту пропасть надо перекинуть мост. Вот он, перед вами!

Действительно, блестящая мысль! Дерево было не меньше шестидесяти футов вышиной, и если оно ляжет так, как надо, пропасть будет перекрыта. Готовясь к подъему, Челленджер захватил с собой топор. Теперь он протянул его мне.

— У нашего юного друга завидная мускулатура. Он лучше всех справится с этой задачей. Тем не менее прошу вас, делайте только то, что вам будет сказано, и не старайтесь утруждать свои мозги.

Следуя его указаниям, я сделал несколько зарубок на дереве с таким расчетом, чтобы оно упало в нужном направлении. Задача оказалась нетрудной, так как ствол его сам по себе сильно кренился к плато. Затем я принялся за работу всерьез, чередуясь с лордом Джоном. Примерно через час раздался громкий треск, дерево закачалось и рухнуло, утонув верхушкой в кустах на противоположной стороне пропасти. Ствол откатился к самому краю площадки, и на одно страшное мгновение нам показалось, что дерево свалится вниз. Но оно дрогнуло в нескольких дюймах от края и остановилось. Мост в Неведомую страну был переброшен!

Все мы, не говоря ни слова, пожали руку профессору Челленджеру, а он снял свою соломенную шляпу и отвесил каждому из нас глубокий поклон.

— Мне принадлежит честь первым ступить на землю Неведомой страны,— сказал он.— Не сомневаюсь, что художники будущего запечатлеют этот исторический момент на своих полотнах.

Он уже подошел к краю пропасти, когда лорд Джон вдруг ухватил его за куртку.

— Мой дорогой друг,— сказал он,— я ни в коем случае не допущу этого.

— То есть как, сэр! — Голова Челленджера откинулась назад, борода вздернулась кверху.

— Во всем, что касается науки, я признаю ваше первенство, потому что вы ученый. Но это по моей части, так что будьте добры слушаться меня.

— Как это «по вашей части», сэр?

— У каждого из нас есть свое ремесло, и мое ремесло солдатское. Насколько я понимаю, мы собираемся вторгнуться в неизведанную страну, быть может битком набитую врагами. Немножко здравого смысла и выдержки. Я не привык действовать очертя голову.

Доводы лорда Джона были настолько убедительны, что спорить с ним не приходилось. Челленджер вскинул голову и пожал плечами.

— Хорошо, сэр, что же вы предлагаете?

— Кто знает, может быть в этих кустах притаилось целое племя каннибалов, которым сейчас самое время позавтракать? — сказал лорд Джон, глядя через мост на скалы.— Вот попадем в кипящий котел, тогда поздно будет раздумывать. Поэтому давайте надеяться, что ничего дурного нас не ожидает, но действовать будем на всякий случай с осмотрительностью. Мы с Мелоуном спустимся вниз, возьмем все четыре винтовки и вернемся обратно с обоими метисами. Потом один из нас под прикрытием винтовок перейдет на ту сторону, и если все обойдется благополучно, тогда за ним последуют и остальные.

Челленджер сел на пенек срубленного дерева и застонал от нетерпения, но мы с Саммерли единодушно поддержали лорда Джона, считая, что когда дело доходит до практики, право руководства должно принадлежать ему. Взбираться по утесу теперь было гораздо легче, потому что в самом трудном месте нам помогал канат. Через час мы явились обратно с винтовками и дробовиком. Метисы, по распоряжению лорда Джона, перенесли наверх мешок со съестными припасами на тот случай, если наша первая

вылазка в Неведомую страну затянется. Патроны были у каждого при себе.

— Ну-с, Челленджер, если вы непременно хотите быть первым...— сказал лорд Джон, когда все приготовления были закончены.

— Премного вам обязан за столь милостивое разрешение! — злобно ответил профессор, не признающий никаких авторитетов, кроме своего собственного.— Если вы ничего не имеете против, я воспользуюсь вашей любезностью и выступлю на сей раз в роли пионера.

Он перебросил топорик за спину, сел на дерево верхом и, отталкиваясь обеими руками, быстро перебрался по стволу на ту сторону. А там стал на землю и вскинул вверх руки.

— Наконец-то! — крикнул он.— Наконец!

Я со страхом следил за ним, ожидая, какую же судьбу готовит ему эта зеленая завеса. Но кругом было тихо, только какая-то странная пестрая птица вспорхнула у профессора из-под ног и скрылась среди деревьев.

Вторым через пропасть перебрался Саммерли. Просто поразительно, сколько силы в этом тщедушном теле! Он пожелал непременно захватить с собой две винтовки, так что теперь оба профессора были вооружены. Потом наступил мой черед. Я старался не смотреть в разверзшуюся подо мной страшную бездну. Саммерли протянул мне приклад винтовки, а секундой позже я уже ухватил его за руку. Что касается лорда Джона, то он просто перешел по мосту — перешел без всякой поддержки! Железные нервы у этого человека!

И вот мы четверо в волшебной стране, в Затерянном мире, куда до сих пор проник один Мепл-Уайт! Настала минута величайшего торжества. Но кто мог подумать, что эта минута будет для нас началом величайших бедствий? Позвольте же мне рассказать в нескольких словах, как грянул над нами этот страшный удар.

Мы отошли от края пропасти и успели футов на пятьдесят пробраться сквозь густой кустарник, как вдруг позади раздался оглушительный грохот. Мы инстинктивно бросились назад. Нашего моста больше не существовало!

Заглянув вниз, я увидел на самом дне пропасти путаницу ветвей и щепок — все, что осталось от бука. Неужели край площадки не выдержал такой тяжести и осыпался под ней? Это была первая мысль, которая пришла нам в

голову. А потом из-за выступа пирамидального утеса медленно показалась чья-то коричневая физиономия. Это был наш метис Гомес. Но куда девалась его сдержанная улыбка и непроницаемость сфинкса? Лицо, смотревшее на нас, искажала ненависть, утоленная месть зажгла сумасшедшим восторгом его глаза.

— Лорд Рокстон! — крикнул он.— Лорд Джон Рокстон!

— Что нужно? — отозвался наш спутник.— Я здесь!

До нас донесся взрыв хохота.

— Да, ты там, английская собака, и тебе оттуда не выбраться! Я ждал, долго ждал, когда настанет мой час. Вам трудно было взбираться наверх, а спускаться вниз будет еще труднее. Эх, дурачье! Попались в ловушку? Все до одного попались!

Пораженные, мы не находили слов и молча смотрели на метиса. Большой сломанный сук, лежавший на траве, объяснил нам, что послужило ему рычагом, когда он сбрасывал наш мост. Его лицо исчезло в кустах, но через секунду появилось снова, еще более искаженное ненавистью.

— Мы чуть не убили вас камнем у пещеры,— крикнул он,— но так будет лучше! Медленная смерть страшнее. Побелеют ваши косточки, и никто не узнает, где они покоятся, никто не придет прикрыть их землей. Когда будешь издыхать, вспомни Лопеса, которого ты убил пять лет тому назад у реки Путумайо! Я его брат, и какая бы смерть ни настигла меня, я умру спокойно, потому что он отомщен!

Метис яростно погрозил нам кулаком и скрылся. Наступила тишина.

Если б Гомес утолил свою месть и тем и ограничился, все сошло бы ему с рук. Его погубила безрассудная страсть к драматическим эффектам, свойственная всем людям латинской расы, а Рокстон, прослывший «бичом божиим» в трех странах Южной Америки, не позволял с собой шутить. Метис уже спускался по противоположному склону утеса, но ему так и не удалось ступить на землю. Лорд Джон побежал по краю плато, чтобы не терять его из виду. Грянул выстрел, мы услышали пронзительный вопль и через секунду — глухой стук упавшего тела. Рокстон вернулся к нам; лицо у него было словно окаменевшее.

— Я слепец, простофиля! — с горечью сказал он.— Моя глупость погубила вас всех. Вольно же мне было

Грянул выстрел, мы услышали пронзительный вопль...

забыть, что эти люди не прощают кровных обид, что с ними всегда надо быть начеку.

— Зачем же вы пощадили другого метиса? Ведь без его помощи Гомес не справился бы с деревом.

— Я бы мог покончить и с ним, да пожалел. Может, он тут ни при чем. Но, пожалуй, вы правы. Лучше было бы пристрелить и его: он, наверно, помогал Гомесу.

Теперь, когда истинная подоплека этого предательства разъяснилась, мы начали вспоминать, что поведение метиса во многом было подозрительно. Все стало понятно: и его упорное стремление проникнуть в планы экспедиции, и ссора у хижины, когда Самбо помешал ему подслушать наш разговор, и полные ненависти взгляды, которые нам частенько приходилось перехватывать. Мы продолжали толковать обо всем этом, в то же время стараясь освоиться с новым поворотом событий, как вдруг внимание наше привлекла любопытная сцена, разыгравшаяся внизу, у подножия каменной гряды. Человек, одетый в белое — очевидно, оставшийся в живых метис,— во все лопатки бежал по равнине, словно удирая от настигающей его смерти. За ним огромными прыжками несся черный как смоль великан — наш преданный негр Самбо. У нас на глазах он нагнал беглеца, вскочил ему на спину и обхватил его руками за шею. Они покатились на землю. Минуту спустя Самбо поднялся на ноги, взглянул на распростертое перед ним тело и, радостно помахав нам руками, побежал к утесу. Неподвижная белая фигура так и осталась лежать посреди равнины.

Возмездие настигло обоих предателей, но содеянное ими было непоправимо. Мы не могли вернуться на утес. Когда-то нашим обиталищем был весь мир, теперь он сузился до размеров этого плато. То и другое существовало раздельно. Вот равнина, которая ведет к тому месту, где у нас спрятаны челны. А там, за лиловатой дымкой горизонта, река, обратный путь к цивилизации. Исчезло лишь одно-единственное связующее звено. Никакой изобретательности не хватит на то, чтобы перекинуть мост через пропасть, зияющую между нашим настоящим и прошлым. Достаточно было одного мига, и как все изменилось!

И тут я понял, из какого теста слеплены мои три товарища. Правда, вид у них был очень серьезный и сосредоточенный, но ничто не могло нарушить невозмутимое спокойствие этих людей. Нам не оставалось ничего другого,

как сидеть в кустах и терпеливо поджидать Самбо. И вскоре его добродушная черная физиономия выглянула из-за камней, и он стал на вершине утеса во весь свой могучий рост.

— Что я теперь сделать? — крикнул Самбо.— Вы мне говорить, и я все буду сделать.

Задать такой вопрос ничего не стоило, а ответить на него было трудно. Мы знали лишь одно: Самбо — наша единственная надежная связь с внешним миром. Только бы он не оставил нас!

— Нет, нет! — крикнул Самбо.— Я вас не оставит. Я всегда здесь. Индейцы хотел уходить. Самбо не может удержать индейцы. Они говорят, здесь живет Курупури, пойдем домой. Вас нет, а Самбо один не может уговорить индейцы.

Действительно, за последнее время индейцы не старались скрыть, что им хочется бросить нас и вернуться восвояси. Самбо говорил правду: удержать их теперь не было никакой возможности.

— Самбо! Уговори индейцев подождать до завтра! Тогда я пошлю с ними письмо! — крикнул я.

— Хорошо, сэр! Индейцы будут ждать завтра. Самбо дал слово.

Дел для нашего верного негра нашлось много, и он справился со всем как нельзя лучше. Прежде всего мы велели ему отвязать канат, обмотанный вокруг пня, и перебросить один его конец к нам. Канат был не толще бельевой веревки, но очень крепкий, и хотя в качестве моста он не годился, все же в нашем положении такая вещь была необходима. Потом Самбо привязал к своему концу мешок со съестными припасами, уже поднятый на утес, и мы перетащили его к себе. Этого нам должно было хватить по крайней мере на неделю, даже если не пополнять запасов охотой. Наконец, Самбо принес наверх еще два мешка, в которых были патроны и много других вещей. Все это мы перетащили на канате к себе. Был уже вечер, когда наш негр в последний раз спустился вниз, твердо заверив нас, что индейцы останутся до утра.

Вот почему почти всю эту ночь — нашу первую ночь на плато — я просидел с фонарем, записывая то, что произошло с нами.

Мы расположились на ночлег у самого края обрыва и тут же поужинали, запивая еду аполлинарисом, две

бутылки которого нашлись в одном из мешков с провизией. Отыскать воду — для нас вопрос жизни и смерти, но я думаю, что на сегодня приключений достаточно даже для лорда Джона, а другие и подавно не испытывают никакого желания отправиться на разведку в Неведомую страну. Костра мы решили не разжигать и вообще стараемся производить как можно меньше шума.

Завтра — вернее сегодня, потому что я досидел до рассвета — мы совершим первую вылазку в этот загадочный мир. Когда мне удастся продолжить свои записи — и удастся ли,— я не знаю. Пока что индейцы все еще здесь — мне видно их отсюда, и я уверен, что наш Самбо скоро явится за письмом. Очень надеюсь, что оно попадет по адресу.

P. S. Чем больше я раздумываю над нашим положением, тем безотраднее оно мне кажется. Надежды на возвращение у меня нет. Если бы у края плато росло высокое дерево, мы могли бы перебросить через пропасть новый мост, но ближе пятидесяти футов деревьев нет, а подтащить к обрыву такую тяжесть нам не удастся даже вчетвером. Канат же слишком короток, на нем не спустишься. Нет, наше положение безнадежно, безнадежно!

Глава X

«ВОТ ОНИ, ЧУДЕСА!»

С нами произошли и все еще происходят самые настоящие чудеса. Мои бумажные запасы состоят из пяти потрепанных блокнотов да кучи разрозненных листков, а стилографический карандаш у меня всего-навсего один. Но пока рука моя сохранит способность двигаться, я не перестану вести подробную запись всех наших приключений и, памятуя, что мы одни из всего рода человеческого являемся свидетелями этих чудес, поспешу описать их, пока они еще свежи у меня в памяти и пока нас не постигла злая участь, которой нам, повидимому, не избежать.

Сможет ли Самбо доставить мои письма к берегам Амазонки, привезу ли я их с собой в Лондон, чудесным образом вырвавшись отсюда, попадут ли они в руки какого-нибудь смельчака, который, быть может, доберется до плато на усовершенствованном моноплане,— ничего этого я не знаю, но, как бы там ни было, меня не покидает твердая уверенность, что эти записи станут классической повестью об истинных приключениях и что им суждено бессмертие.

На другой же день, после того как негодяй Гомес устроил нам ловушку на плато, мы.во многом пополнили свой жизненный опыт. Впрочем, первое испытание, выпавшее в то утро на мою долю, не внушило мне особых симпатий к месту, куда нас занесла судьба. Я заснул только с рассветом и, проснувшись, увидел у себя на икре что-то странное. Во время сна правая штанина у меня немного вздернулась, и теперь между ней и носком на

ноге сидела большая багрово-красная виноградина. Удивленный этим, я только дотронулся до нее, и вдруг, к моему величайшему ужасу и отвращению, виноградина лопнула у меня между пальцами, брызнув во все стороны кровью. На мой крик прибежали оба профессора.

— Чрезвычайно любопытно!— сказал Саммерли, нагнувшись надо мной.— Громадный клещ и, насколько мне известно, не занесенный ни в один определитель.

— Мы пожинаем первые плоды наших трудов,— назидательным тоном прогудел Челленджер.— Придется назвать его Ixodes Maloni *. Но, мой юный друг, что значит пустяк, как укус клеща, по сравнению с тем, что ваше имя будет начертано в славных анналах зоологии! К несчастью, вы раздавили этот великолепный экземпляр в момент его насыщения.

— Какая мерзость!— воскликнул я.

В знак протеста профессор Челленджер поднял свои мохнатые брови и успокоительно потрепал меня по плечу.

— Учитесь смотреть на вещи с научной точки зрения, развивайте в себе беспристрастность ученого,— сказал он.— Для человека с философическим складом мышления, вроде меня, например, этот клещ с его ланцетовидным хоботком и растягивающимся желудком является таким же прекрасным творением природы, как, скажем, павлин или северное сияние. Мне больно слышать, что вы отзываетесь о нем столь неодобрительно. При известном старании мы сможем раздобыть второй такой же экземпляр, в этом я не сомневаюсь.

— Я тоже в этом не сомневаюсь,— мрачно проговорил Саммерли,— ибо этот второй экземпляр только что залез вам за шиворот.

Челленджер так и подскочил на месте и, взревев, как бык, начал рвать на себе куртку и рубашку. Мною и Саммерли овладело такое веселье, что мы даже не могли помочь ему. Наконец, нам кое-как удалось обнажить могучий торс Челленджера (обхват груди пятьдесят четыре дюйма по мерке портного) и поймать клеща, который запутался в дебрях черных волос, покрывавших его грудь, и не успел причинить ему никакого вреда. Оказалось, что кругом все кусты кишат этой гадостью, и мы решили перенести стоянку на другое место.

Но сначала надо было еще договориться с нашим верным негром, который вскоре же появился на вершине

утеса с банками какао и пачками сухарей. Все это было переправлено к нам, а из оставшейся внизу провизии мы велели ему отложить себе запас месяца на два, остальное же раздать индейцам в награду за службу и в виде залога за доставку наших писем на Амазонку. Спустя несколько часов мы увидели, как они гуськом, каждый с узлом на голове, потянулись по равнине той самой дорогой, которой мы пришли сюда. Самбо устроился в нашей маленькой палатке у подножия пирамидального утеса и остался единственным звеном, связующим нас с внешним миром.

Теперь нам предстояло выработать план действий на ближайшее время. Мы перенесли стоянку из кишащего клещами кустарника на небольшую поляну, окруженную со всех сторон деревьями. Посредине поляны лежало несколько гладких больших камней, тут же поблизости был прекрасный источник, и мы, довольные чистотой и комфортом, принялись разрабатывать планы вторжения в неизведанную страну. В густой листве перекликались птицы — громче всех раздавался протяжный свист какой-то совсем незнакомой нам певуньи. Никаких других признаков жизни мы здесь не заметили.

Первое, что нам надо было сделать, это составить подробный инвентарь нашего имущества, чтобы твердо знать, на сколько времени можно считать себя обеспеченными. Оказалось, что запасов у нас вполне достаточно. Мы учли все: и принесенное с собой, и переправленное по канату негром. Но что было важнее всего — принимая во внимание те опасности, которых нам, вероятно, не миновать,— у нас имелись все четыре винтовки, тысяча триста патронов к ним, дробовик и около полутораста пуль среднего калибра. Провизии нам должно было хватить на несколько недель, табака хоть отбавляй. Был и кое-какой научный инструментарий, включая сильный телескоп и хороший полевой бинокль. Все это мы сложили на поляне, а в качестве первой меры предосторожности нарезали ножами колючих веток и соорудили из них изгородь ярдов пятнадцати в диаметре. На первое время эта площадка должна была служить нам штаб-квартирой, убежищем в случае какого-нибудь неожиданного нападения и складом всего имущества. Этот лагерь получил название Форт Челленджера.

Мы покончили с устройством на новом месте только к полудню, но жара не очень нас мучила. Вообще температура и характер растительности на плато ближе к умеренному поясу, чем в тропиках. Среди деревьев, кольцом окружавших поляну, были бук, дуб и даже береза. Огромный гингко, возвышавшийся над всеми своими соседями, затенял наш форт могучими ветвями с веерообразной листвой. Под его сенью мы и продолжали беседу, предоставив слово лорду Джону, который принял на себя командование экспедицией в эти решительные для нас часы.

— Пока нас не услышат и не увидят какие-нибудь живые существа — зверь или человек, безразлично,— мы в безопасности,— сказал он.— Но стоит только им проведать о нашем появлении на плато, и спокойная жизнь для нас кончилась. Пока что мы, кажется, не вызываем никаких подозрений. Поэтому на первое время надо затаиться и вести разведку очень осторожно. Не мешает исподволь присмотреться к соседям, прежде чем начинать обмен визитами.

— Но ведь нам надо продвигаться дальше,— неуверенно сказал я.

— Милый юноша, вы совершенно правы. Мы будем продвигаться в пределах, дозволенных здравым смыслом. Заходить слишком далеко я не советую, надо делать такие концы, чтобы в любую минуту можно было вернуться сюда, в наш форт. И, что самое важное,— ни одного выстрела, разве лишь в том случае, если от него будет зависеть ваша жизнь.

— Однако вы вчера выстрелили,— сказал Саммерли.

— Ну, знаете ли, выбирать мне не приходилось. Да и вряд ли звук отнесло далеко вглубь: вчера был сильный ветер со стороны плато. Кстати, как мы его назовем? Ведь это наше дело решать.

Было внесено несколько предложений, более или менее удачных, но последнее слово осталось за Челленджером.

— Тут долго думать нечего,— сказал он.— Плато будет названо в честь пионера, который его открыл: это Страна Мепл-Уайта.

Так мы и назвали плато, под этим именем оно занесено на карту, составление которой поручено мне; под этим именем, надеюсь, войдет и в будущие атласы.

Перед нами лежала неотложная задача — проникнуть мирным путем в Страну Мепл-Уайта. Мы успели убедиться собственными глазами, что в ней обитают какие-то странные существа, а зарисовки Мепл-Уайта сулили нам появление других, еще более страшных чудовищ. Наконец, у нас были все основания думать, что на плато есть и люди, о свирепости которых говорил скелет, пропоротый бамбуком.

Не питая никаких надежд на спасение, мы знали, что опасности подстерегают нас на каждом шагу, и решили принять все те меры предосторожности, которые подсказывал лорду Джону его опыт. Но разве мы могли долго задерживаться на пороге этого таинственного мира, если нас томило желание как можно скорее проникнуть в самое его сердце!

Итак, мы завалили кустами вход в лагерь и, оставив все наши запасы под защитой колючей изгороди, медленно и с величайшей осторожностью двинулись в Неведомое вдоль русла небольшого ручейка, который брал начало в источнике на поляне и должен был служить нам путеводной нитью при возвращении.

Не успев как следует отойти от лагеря, мы уже сразу наткнулись на первые признаки ожидающих нас чудес. В густом лесу было много деревьев, совершенно незнакомых мне, но наш ботаник Саммерли признал тут цикадеи и несколько видов хвойных, давно исчезнувших с лица земли. Пройдя лесом несколько сот ярдов, мы вышли к месту, где ручей разливался довольно широкой заводью. По краям ее рос густой высокий тростник, который профессор Саммерли отнес к разряду хвощей; тут же на ветру раскачивали верхушками и древовидные папоротники. Лорд Джон, шедший впереди, вдруг остановился и поднял руку.

— Смотрите! — сказал он.— Вот так след! Тут, наверное, ходил прародитель всех птиц!

На вязкой тине были четко видны огромные трехпалые следы. Они вели через болото к лесу. Мы остановились у этих чудовищных отпечатков. Если тут прошла действительно птица — а какое животное могло оставить такие следы?— то лапа у нее настолько больше, чем у страуса, что размеры этого гиганта даже трудно себе представить. Лорд Джон внимательно огляделся по сто-

ронам и вложил два патрона в свою крупнокалиберную винтовку.

— Ручаюсь честью охотника,— сказал он,— что следы совсем свежие. Это существо прошло здесь каких-нибудь десять минут назад. Видите — вода еще не успела заполнить вон ту ямку, где лапа глубже погрузилась в тину. Господи боже! А вот и след детеныша.

И действительно, параллельно большим следам шли такие же, но маленькие.

— А что вы скажете об этом? — торжествующе воскликнул профессор Саммерли, показывая след, похожий на отпечаток пятипалой человеческой руки.

— Вельд! — крикнул Челленджер, не помня себя от восторга.— Я видел такие отпечатки в вельдских слоях. Это существо передвигается на задних, трехпалых, конечностях, выпрямившись во весь рост, а передними, пятипалыми, помогает себе при ходьбе. Нет, дорогой мой Рокстон, это отнюдь не птица!

— Зверь?

— Нет, пресмыкающееся — динозавр. Это он, и никто другой! Девяносто лет назад такие следы сбили с толку одного весьма почтенного ученого из Сассекса. Но кто мог мечтать... кто мог мечтать... что нам придется увидеть...

Последние слова Челленджер договорил шепотом, а мы так и замерли от изумления. Следы увели нас от болота к густым зарослям кустáрника. За ним, среди деревьев, была большая прогалина, и по этой прогалине разгуливало пять необычайно странных существ — таких мне еще никогда не приходилось видеть. Мы притаились за кустами и долго-долго разглядывали их.

Как я уже сказал, они гуляли впятером — двое взрослых и три детеныша. Размеры их поразили нас. Даже маленькие были ростом со слона, а о взрослых уж и говорить не приходится. Их чешуйчатая, как у ящериц, кожа поблескивала на солнце аспидно-черными переливами. Все пятеро стояли на задних лапах, опираясь на широкие, толстые хвосты, а передними, пятипалыми, притягивали к себе зеленые ветки и обгладывали с них листья. Чтобы у вас было полное представление об этих чудовищах, скажу, что они напоминали гигантских, футов в двадцать высотой, кенгуру, покрытых черной крокодиловой кожей.

Размеры их поразили нас

Я не знаю, сколько времени мы простояли там, как зачарованные, глядя на это необычайное зрелище. Сильный ветер дул в нашу сторону, кусты служили хорошим укрытием, следовательно можно было не опасаться, что чудовища обнаружат нас. Время от времени детеныши принимались неуклюже резвиться, подпрыгивая и с глухим стуком шлепаясь на землю. Их родители, повидимому, обладали неслыханной силой, ибо один из них, не дотянувшись до листьев на верхушке довольно высокого дерева, обхватил его передними лапами и переломил ствол пополам, словно тоненькую ветку. Поступок этот свидетельствовал одновременно о двух вещах: о сильно развитой мускулатуре и недоразвитом мозге, так как дерево рухнуло чудовищу прямо на голову, и оно разразилось громкими воплями. Огромные размеры явно не соответствовали степени выносливости, дарованной ему от природы. Происшествие с деревом, очевидно, заставило его насторожиться, потому что оно медленно побрело в лес в сопровождении своей пары и трех гигантских детенышей. Некоторое время мы видели, как их аспидно-черные спины поблескивали в чаще, а головы ныряли вверх и вниз высоко над кустарником. Потом они исчезли среди деревьев.

Я посмотрел на своих товарищей. Лорд Джон стоял, держа палец на спусковом крючке, а глаза его так и горели охотничьим азартом. Чего бы он только не дал за то, чтобы повесить одну такую голову над камином у себя в комнате рядом с двумя скрещенными веслами! И все-таки благоразумие взяло в нем верх, ибо он знал, что мы только в том случае сможем проникнуть в тайны этой неведомой страны, если ее обитатели не будут и подозревать о нашем существовании.

Оба профессора словно онемели от радости. Забыв обо всем на свете, они бессознательно схватились за руки и так замерли на месте, словно двое маленьких ребяти-

шек, безмолвно глазеющих на какое-нибудь чудо из чудес. На губах Челленджера играла ангельская улыбка, отчего щеки его вздулись яблочками; желчная гримаса исчезла с лица Саммерли, уступив место выражению благоговейного восторга.

— Nuns dimittis![1]— воскликнул он, наконец.— Что же скажут об этом в Англии?

— Дорогой мой Саммерли, по секрету могу вам сообщить, что именно будет сказано в Англии,— ответил Челленджер.— Там скажут, что вы отъявленный лжец и шарлатан, не имеющий никакого отношения к науке. То же самое, что вы и вам подобные говорили обо мне.

— А если мы предъявим фотографические снимки?

— Подделка, Саммерли! Грубая подделка!

— А если мы предъявим вещественные доказательства?

— А! Вот тогда они от нас не отвертятся! Мелоун и его банда с Флит-стрит еще будут петь нам хвалу. Запомните! Двадцать восьмого августа мы видели в Стране Мепл-Уайта пять живых игуанодонов*. Сделайте соответствующую запись в своей книжечке, мой юный друг, и сообщите об этом в ваш жалкий газетный листок.

— И приготовьтесь к тому, что редактор вас вышвырнет,— добавил лорд Джон.— На тех широтах, где стоит Лондон, все выглядит несколько по-иному, дорогой мой юноша. Мало ли есть людей, которые никогда не рассказывают о своих приключениях из боязни, что им не поверят! Кто их осудит за это! Пройдет месяц-другой, и нам самим все будет казаться сном. Как вы их назвали, этих чудовищ?

— Игуанодоны,— сказал Саммерли.— Отпечатки их ног найдены в гастингских* песчаниках, в Кенте, в Сассексе. Они водились во множестве в южной Англии, пока там не было недостатка в зелени, которой они питаются. А потом условия изменились, и звери мало-помалу вымерли. Здесь, повидимому, все осталось как было, потому что игуанодоны продолжают существовать до сих пор.

— Если мы когда-нибудь выберемся отсюда живыми, я без такой головы домой не вернусь,— сказал лорд Джон.— Подождите, африканские охотнички, вы еще у меня позеленеете от зависти! Однако, друзья, не знаю,

---

[1] Ныне отпущаеши!

как вам, а мне все время кажется, что мы того и гляди наткнемся на какую-нибудь серьезную неприятность.

То же самое ощущение грозной тайны было и у меня. В лесном сумраке таились ужасы, и сердце невольно сжималось от страха, когда мы вглядывались в эту густую зеленую чащу. Правда, исполинские игуанодоны были совершенно безобидные увальни и они не могли причинить нам особого вреда, но почем знать, не сохранились ли в этом мире чудес другие исполины, которые таятся сейчас в своих логовищах среди скал и кустарника и только выжидают минуты, чтобы броситься на нас. Я имею весьма смутное представление о доисторической жизни, но, помнится, мне как-то попала в руки одна книга, где говорилось о зверях, для которых наши львы и тигры были такой же легкой добычей, как мышь для кошки. Что, если такие чудовища живут в лесных дебрях Страны Мепл-Уайта?

В то утро — наше первое утро в неизведанной стране — мы убедились, что опасности подстерегают нас здесь на каждом шагу. Приключение это было просто отвратительное, и мне даже неприятно говорить о нем. Если лорд Джон прав и прогалину, где паслись игуанодоны, мы будем вспоминать, как сон, то болото с птеродактилями останется у нас в памяти страшным кошмаром. Сейчас расскажу, как все это было.

Мы шли по лесу очень медленно, отчасти потому, что лорд Джон в качестве разведчика не позволял нам догонять себя, отчасти из-за обоих профессоров, которые то и дело приходили в экстаз от какого-нибудь неизвестного им вида цветка или насекомого. Мили через три-четыре деревья вдоль правого берега ручья поредели, и перед нами открылась еще одна прогалина. За густой каймой кустарника громоздились каменные глыбы — они встречаются на плато повсюду. Мы медленно двинулись туда через кусты, доходившие нам до пояса, и вдруг услышали где-то совсем близко звуки — не то курлыканье, не то шипенье,—сливавшиеся в невнятный гул, от которого дрожал воздух. Лорд Джон подал нам знак остановиться и, пригибаясь на бегу, бросился к камням. Он посмотрел поверх них, вздрогнул и, видимо, забыв о нашем существовании, долго стоял, поглощенный открывшимся перед ним зрелищем. Наконец, он поманил нас к себе, показывая знаками, что необходимо соблюдать осторожность.

Я понял по его виду, что за каменными глыбами скрывается какое-то чудо, а может быть, и серьезная опасность.

Подкравшись к лорду Джону, мы заглянули вниз. Перед нами зияла глубокая котловина, вероятно, один из тех небольших кратеров, каких много на плато. На дне этой котловины, ярдах в ста от того места, где мы лежали, за кромкой камыша поблескивали подернутые зеленью стоячие лужи. Место было мрачное само по себе, но, глядя на его обитателей, мне невольно вспомнились сцены из седьмого круга дантова «Ада». Здесь гнездились птеродактили — сотни и сотни птеродактилей! Котловина так и кишела ими — детеныши ползали у воды, а их отвратительные мамаши высиживали на отмели яйца в твердой желтоватой пленке. Вся эта копошащаяся, бьющая крыльями масса омерзительных ящеров сотрясала воздух криками и распространяла вокруг себя такое страшное зловоние, что у нас тошнота подступала к горлу. А повыше, каждый на своем камне, восседали огромные серые самцы, похожие на иссохшие чучела, восседали совершенно неподвижно, как мертвые, и только поводили налившимися кровью глазами да изредка щелкали клювом вслед пролетавшим стрекозам. Их гигантские перепончатые крылья, согнутые в предплечьях, были прижаты к бокам, и от этого в облике их мне мерещилось что-то человеческое — они напоминали старух, кутающихся в мерзкие, цвета паутины шали, из которых выглядывали только хищные птичьи головы. Считая и больших и маленьких, в котловине было не меньше тысячи этих гнусных тварей.

Оба наших профессора так обрадовались возможности изучать вблизи жизнь доисторического мира, что охотно просидели бы здесь весь день. Они показывали нам дохлую рыбу и птиц, валявшихся среди камней и, очевидно, служивших пищей птеродактилям, и поздравляли друг друга с тем, что внесут, наконец, ясность в вопрос, почему кости этих летающих ящеров в таком количестве встречаются в ряде мест, например в кембриджских песчаниках. Теперь уже не подлежит сомнению, говорили они, что птеродактили, подобно пингвинам, жили стаями.

В конце концов, желая доказать коллеге какой-то свой тезис, Челленджер высунул голову из-за камней и

чуть не навлек гибель на всех нас. Ближайший к нам самец вдруг пронзительно зашипел, взмахнул перепончатыми двадцатифутовыми крыльями и поднялся в воздух. Самки с детенышами сбились в кучу поближе к воде, а часовые один за другим взмыли в небо. Удивительное зрелище представляли собой эти отвратительные твари, которые сотнями парили над нами, быстро, словно ласточки, разрезая воздух крыльями. Впрочем, мы вскоре поняли, что любование этим зрелищем к добру не приведет. Сначала птеродактили кружили высоко в небе, видимо проверяя, насколько велика опасность. Потом, постепенно сжимая круг, стали опускаться все ниже и ниже, наконец сухой шелест их аспидно-черных крыльев достиг такой силы, что мне невольно вспомнился Хендонский аэродром в дни состязаний.

— Берегитесь! — крикнул лорд Джон, хватая винтовку за дуло.— Бегите прямо к лесу, держитесь все вместе!

Но круг над нами уже сомкнулся. Птеродактили почти задевали нас крыльями по лицу. Мы били их прикладами, но удары приходились во что-то мягкое и не причиняли им никакого вреда. И вдруг из этого аспидно-черного блестящего круга высунулась длинная шея: свирепый клюв целился прямо в нас. За ним еще и еще один. Саммерли вскрикнул и закрыл руками окровавленное лицо. Я почувствовал сильный толчок в затылок и чуть не потерял сознание от боли. Челленджер упал, я нагнулся помочь ему и повалился на него, сраженный еще одним ударом сзади. В ту же минуту лорд Джон выстрелил. Я поднял голову и увидел, что один из птеродактилей бьется на земле с перебитым крылом, брызжет слюной из разверстого клюва и яростно вращает выпученными, налитыми кровью глазами — ни дать ни взять дьявол с картины какого-нибудь средневекового художника! Его собратья, испуганные звуком выстрела, взмыли кверху и стали кружить у нас над головой.

— Теперь спасайтесь! — крикнул лорд Джон.

Мы побежали напролом сквозь кустарник, но у самой опушки гарпии снова настигли нас. Саммерли был сбит с ног, мы подняли его и бросились под деревья. В лесу опасность миновала, потому что птеродактилям с их огромными крыльями негде было развернуться между ветвей.

Мы возвращались в лагерь в довольно жалком состоянии, а они еще долго провожали нас, паря кругами в голубом небе на такой высоте, что снизу их можно было принять за самых обыкновенных голубей. Погоня прекратилась лишь тогда, когда нас скрыла лесная чаща, и больше птеродактили не показывались.

— Необычайно интересное и поучительное происшествие,— сказал Челленджер, обмывая в ручье распухшее колено.— Теперь, Саммерли, мы с вами прекрасно знаем, как ведут себя разъяренные птеродактили.

Саммерли в это время вытирал кровь, лившуюся из ссадины на лбу, а я перевязывал довольно глубокую рану на шее. Лорд Джон отделался легче нас — чудовище только оцарапало ему плечо и разорвало рубашку.

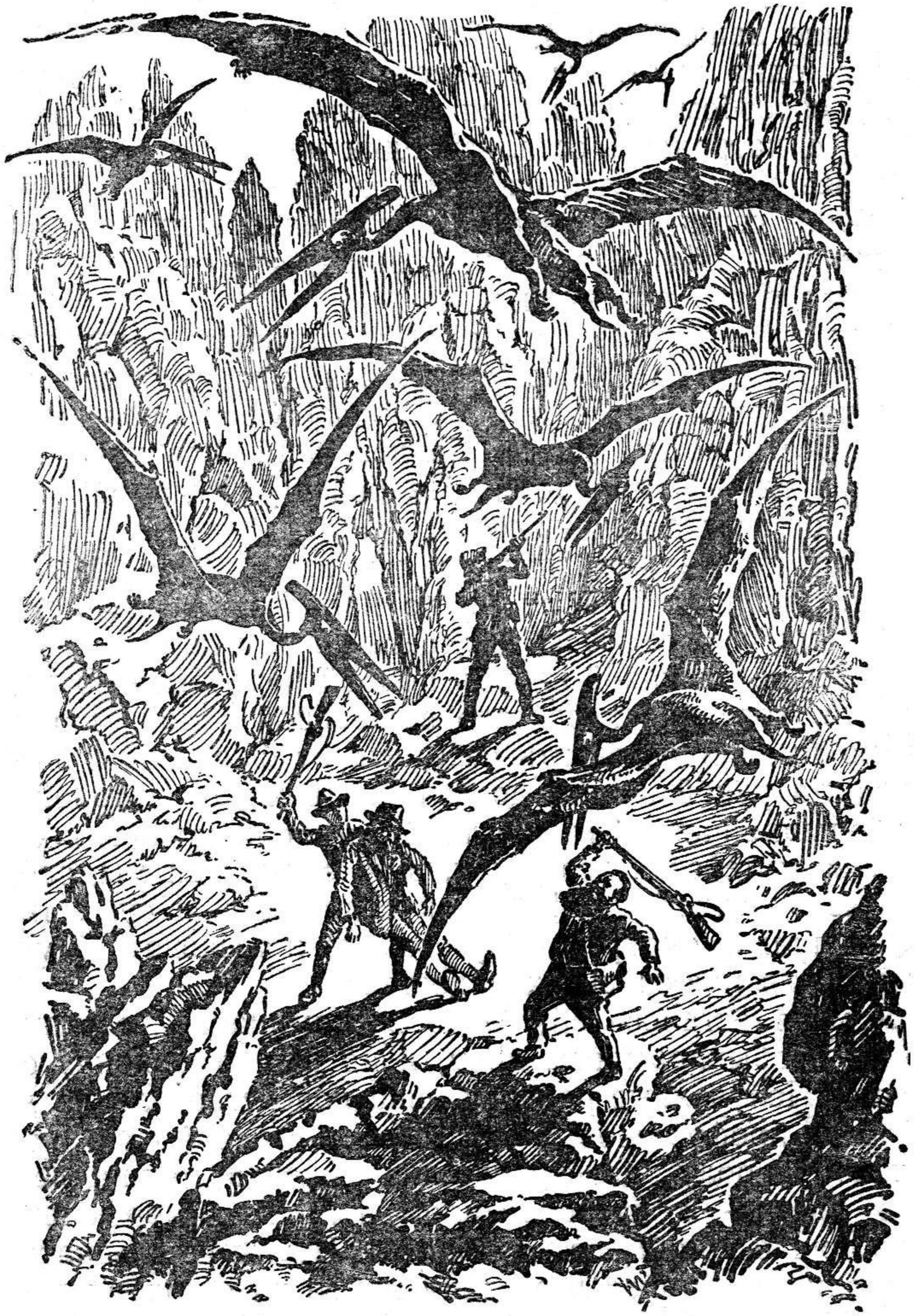
— Следует отметить,— продолжал Челленджер,— что наш юный друг получил колотую рану, а вырвать такой клок из рубашки лорда Джона можно было только зубами. Меня же били крылья по голове. Таким образом, мы познакомились с разнообразнейшими методами нападения птеродактилей.

— Еще немного, и нам пришел бы конец,— серьезным тоном проговорил лорд Джон.— Более гнусную смерть трудно себе представить — пасть жертвой этих мерзких тварей! Мне очень не хотелось стрелять, но выбора не было.

— Мы бы не сидели сейчас у ручейка, если б не ваш выстрел,— убежденно проговорил я.

— Будем надеяться, что моя пальба делу не повредит,— сказал лорд Джон.— В здешних лесах, наверное, часто раздаются звуки, не менее громкие: то отломится ветка, то рухнет целое дерево. Однако на сегодня сильных ощущений хватит. Пойдемте-ка лучше к лагерю, поищем в нашей аптечке карболки. Кто этих гадин знает — может быть, их укусы ядовиты.

Но, с тех пор как стоит мир, вряд ли на долю человека выпадало столько приключений за один день. Нас поджидала новая неожиданность. Мы вышли по берегу ручья на поляну и, увидев колючую изгородь, окружавшую наш форт, решили, что на сей раз испытания наши кончились. Однако отдыхать нам не пришлось. Вход в Форт Челленджера был завален попрежнему, изгородь была цела, а все же мы сразу поняли, что в наше отсутствие здесь кто-то побывал. Непрошенный гость не оставил на земле

Мы били их прикладами, но удары приходились во что-то мягкое и не причиняли им никакого вреда

никаких следов, и только нависшая над лагерем огромная ветка дерева гингко выдавала его с головой. Что же касается его силы и дерзости, то об этом ясно говорило состояние нашего склада. Все вещи были раскиданы по поляне, одна жестянка с мясом раздавлена — очевидно, таким способом он пытался извлечь ее содержимое. От ящика с патронами остались одни щепки, а подле него валялась смятая в лепешку гильза. Смутный страх снова сжал нам сердце, и мы стали испуганно вглядываться в густые тени под деревьями, ожидая, что оттуда вот-вот появится нечто чудовищное.

Какое же облегчение мы испытали, когда услышали в эту минуту голос Самбо и, подойдя к краю плато, увидели на вершине утеса его ухмыляющуюся физиономию!

— Все хорошо, мистер Челленджер! Все хорошо! — крикнул он.— Самбо здесь. Не бойся! Когда позовешь Самбо, он всегда будет здесь.

Глядя на честного негра и на необъятную равнину, простиравшуюся чуть ли не до притоков Амазонки, мы вспомнили, что это все же двадцатый век, что мы живем на Земле, а не на какой-нибудь полной первобытного хаоса планете, куда нас перенесло волшебной силой. Но как трудно было представить себе, что от фиолетовой линии горизонта рукой подать до великой реки, по которой ходят большие пароходы, что люди там толкуют о своих маленьких житейских делишках, в то время как мы, заброшенные в первобытный мир, к первобытным существам, можем только смотреть в ту сторону и тосковать о мире, полном для нас стольких радостей.

У меня осталось еще одно воспоминание, связанное с этим необыкновенным днем, и на нем я закончу свое письмо. Полученные ранения явно подействовали на нервы обоих профессоров, и они затеяли горячий спор о том, к какому роду доисторических ящеров принадлежат наши враги — к птеродактилям или к диморфодонам. Дело дошло до обмена колкостями. Чтобы не слышать их перепалки, я отошел в сторону и, сев на ствол упавшего дерева, машинально закурил трубку. Через несколько минут передо мной выросла фигура лорда Джона.

— Слушайте, Мелоун,— сказал он,— вы хорошо запомнили то место, где гнездятся эти твари?

— Конечно, запомнил.

— Нечто вроде вулканического кратера, правда?

— Совершенно верно,— сказал я.
— А какая там почва, вы обратили внимание?
— Одни скалы, камни.
— Нет, возле самой воды, где растет тростник?
— Что-то синеватое, вроде глины.
— Вот именно... Вулканический кратер и синяя глина.
— А почему это вас интересует? — спросил я.
— Да нет, это я так,— ответил лорд Джон и неторопливо зашагал туда, где все еще раздавались голоса наших ученых спорщиков — напряженный, резкий тенор Саммерли и зычный бас Челленджера.

Я, вероятно, позабыл бы слова лорда Джона, но в ту ночь мне пришлось услышать их от него еще раз: «Синяя глина... синяя глина в вулканическом кратере...». Это было последнее, с чем я, измучившись за день, погрузился в крепкий сон.

Глава XI

Я СТАНОВЛЮСЬ ГЕРОЕМ ДНЯ

Опасения лорда Джона Рокстона оправдались: укусы напавших на нас чудовищ были ядовитыми. На следующее утро после нашего первого приключения на плато у меня и у Саммерли начались сильные боли и озноб, а у Челленджера так распухло колено, что он едва мог ступить на больную ногу. Поэтому мы провели весь день в лагере, стараясь по мере сил помогать лорду Джону, который занимался укреплением колючей изгороди — нашей единственной защиты от врагов. Помню, как сейчас, меня с самого утра преследовало тогда странное ощущение: мне все казалось, что за нами внимательно следят, но кто и откуда, этого я не мог сказать.

Я не утерпел и поделился своими опасениями с Челленджером, который не замедлил приписать их умственному расстройству, будто бы вызванному моим лихорадочным состоянием. Как бы там ни было, но я то и дело продолжал озираться по сторонам, готовясь увидеть что-то и ничего не видя, кроме темной груды веток, из которых была сложена наша колючая изгородь, да сумрачных сводов зелени, венчавших стволы огромных деревьев. И все же уверенность, что какой-то недоброжелательный наблюдатель прячется в двух шагах от нас, не только не покидала меня, но становилась все сильнее и сильнее. Я вспомнил суеверный страх индейцев перед грозным Курупури, таящимся в лесной глуши, и уже был готов поверить, что этот злобный дух лишает покоя тех смельчаков, которые вторгаются в тайная тайных его священной обители.

В эту ночь — нашу третью ночь в Стране Мепл-Уайта— одно событие произвело на нас очень тяжелое впечатление и заставило лишний раз поблагодарить лорда Джона, не пожалевшего трудов, чтобы укрепить Форт Челленджера. Мы спали возле потухающего костра, как вдруг нас разбудил, вернее буквально поднял на ноги, неистовый рев и визг. Я не знаю, с чем можно сравнить эти крики, раздававшиеся где-то совсем рядом с нашим лагерем,— мне не приходилось слышать ничего более страшного. Они раздирали воздух, словно паровозный свисток, не обладая ни чистотой, ни четкостью этого звука. Мы зажали уши, стараясь не слышать густых вибрирующих раскатов, полных беспредельного ужаса и муки. Нервы не выдерживали такого напряжения. Я весь покрылся холодным по́том, сердце замерло у меня в груди. Казалось, все горести жизни, все ее неисчислимые страдания — все, в чем она может обвинить небеса, слилось воедино в этом страшном, мучительном крике. И, слов'но аккомпанируя звенящим воплям, словно оттеняя их, там же рокотал чей-то прерывистый, низкий смех, чье-то ликующее гортанное рычанье. Этот кошмарный дуэт длился м'инуты три-четыре; он переполошил всех птиц, спавших на деревьях, и так же внезапно стих. Мы долго молчали, потрясенные слышанным. Потом лорд Джон подбросил хвороста в костер. Красноватые отблески огня осветили напряженные лица моих товарищей и заиграли в листве у нас над головой.

— Что это было? — шепотом спросил я.

— Утром узнаем,— сказал лорд Джон.— Это где-то совсем близко, не дальше той прогалины.

— Мы удостоились чести подслушать издали доисторическую трагедию, разыгравшуюся в тростниках у лагуны юрского периода, когда крупный ящер приканчивал в тине своего более слабого собрата! — провозгласил Челленджер с необычной даже для него торжественностью.— Да, человек много выиграл, появившись на Земле несколько позднее. На заре мироздания ему пришлось бы встретиться с такими чудовищами, которые не устрашились бы ни его мужества, ни его изобретательности. Разве помогли бы ему стрелы, праща и копье при столкновении с теми силами, которые разгулялись сегодня ночью? Даже современная винтовка не даст вам перевеса при встрече с таким сильным чудовищем.

— Тем не менее я ставлю на моего милого дружка,— сказал лорд Джон, поглаживая дуло своего «экспресса».— Но не спорю, у этого страшилища были бы немалые шансы на победу.

Саммерли поднял руку.

— Тсс! — прошептал он.— Мне что-то послышалось.

Мертвую тишину нарушил глухой, мерный топот. Какое-то животное пробиралось в чаще, осторожно ступая тяжелыми лапами. Оно медленно обошло наш форт и остановилось у входа. Мы услышали его свистящее дыхание. Только легкая изгородь отделяла нас от этого ночного чудища. Мы схватились за винтовки, а лорд Джон, вытащив куст из колючей изгороди, проделал в ней нечто вроде амбразуры.

— Бог мой! — шепнул он.— Я, кажется, вижу его!

Я заглянул в амбразуру поверх плеча лорда Джона. Да, верно! В густой тени под деревом виднелась тень, еще более густая. Дикая мощь и свирепость чувствовались в этом припавшем к земле первобытном звере. Ростом он был не выше лошади, но его грузные контуры говорили о необычайной силе. Только у сверхмощного организма могло быть такое дыхание — наполненное, ровное, как у парового котла. Чудовище шевельнулось, и я увидел его страшные, блеснувшие зеленым огнем глаза. И тут же послышался шорох — оно медленно двинулось вперед.

— Сейчас прыгнет! — сказал я и взвел курок.

— Не стреляйте! — шепнул лорд Джон.— Разве можно стрелять в такую тихую ночь? Звук отнесет на несколько миль. Приберегите это напоследок.

— Если оно перемахнет через изгородь, мы пропали,— сказал Саммерли с нервным смешком.

— Перемахнуть мы ему не дадим! — крикнул лорд Джон.— Но стреляйте только в самом крайнем случае. Может быть, я и так с ним справлюсь. Надо попробовать.

Трудно представить себе более смелый поступок, чем тот, который совершил лорд Джон. Он нагнулся над костром, выхватил из огня горящую ветку и в одно мгновение проскользнул сквозь узкое отверстие, проделанное в изгороди. Чудовище с грозным рычаньем двинулось вперед. Не колеблясь ни минуты, лорд Джон быстро и легко подбежал к нему и ткнул горящей веткой в самую его морду. Передо мной всего лишь на секунду мелькнула

Чудовище с грозным рычанием двинулось вперед

отвратительная маска гигантской жабы — бородавчатая, словно изъеденная проказой кожа и огромный рот, весь в крови. И тут же следом в кустах послышался треск, и наш страшный гость исчез в лесной чаще.

— Я так и думал, что он испугается огня,— со смехом сказал лорд Джон, вернувшись за ограду и швырнув ветку в костер.

— Вы рисковали жизнью! — хором воскликнули мы.

— А что мне оставалось делать? Если б это чудовище очутилось среди нас, мы бы уложили друг друга в перестрелке. Стрелять через ограду тоже не имело смысла: тогда оно наверняка перемахнуло бы сюда, а такая пальба выдала бы нас с головой, и больше ничего. В общем, по-моему, мы легко отделались. Но что это за зверь?

Наши ученые мужи нерешительно переглянулись.

— Я не берусь сколько-нибудь точно определить это существо,— сказал Саммерли, раскуривая трубку у костра.

— Такая осторожность свойственна людям с истинно научным складом мышления.— Челленджер снизошел даже до комплиментов! — Я тоже ограничусь лишь общим утверждением, что сегодня ночью мы столкнулись с одним из видов плотоядного динозавра *. О возможности их существования на плато вы уже от меня слышали.

— Ведь о многих доисторических видах до нас не дошло никаких сведений,— сказал Саммерли.— С нашей стороны было бы опрометчиво думать, что мы сможем назвать каждое живое существо, которое нам встретится здесь.

— Вы совершенно правы. Наши возможности ограничиваются самой приблизительной классификацией. Подождем до завтра, там будет виднее, а пока что давайте-ка лучше вернемся к прерванному сну.

— Но при условии, что один из нас останется дежурить,— решительно сказал лорд Джон.— В такой стране шутки плохи, друзья. Впредь предлагаю установить ночные дежурства, по два часа в смену.

— Тогда первым часовым буду я, мне как раз хочется докурить трубку,— сказал профессор Саммерли.

И с этих пор мы никогда не ложились спать без охраны.

Утром причина неистовых криков, разбудивших нас, разъяснилась. Прогалина, где мы видели игуанодонов,

стала ареной настоящего побоища. Глядя на эти лужи крови и огромные куски мяса, разбросанные по зеленой траве, можно было предположить, что здесь полегло немало зверей, но при ближайшем рассмотрении все эти останки оказались частью туши одного игуанодона, буквально растерзанного на клочки другим зверем, если не более крупным, то более свирепым, наверное.

Оба профессора погрузились в научный спор, тщательно осматривая каждый кусок, носивший на себе отметины безжалостных клыков и огромных когтей.

— Делать сейчас какие-либо выводы преждевременно,— сказал профессор Челленджер, глядя на лежавший у него на коленях кусок беловатого мяса.— Судя по некоторым данным, нападающим был тигр с саблевидными клыками *. Скелеты таких тигров находят среди конгломератов в пещерах, но зверь, которого мы видели собственными глазами, гораздо крупнее и похож скорее на пресмыкающееся. Я лично склонен думать, что это был аллозавр *.

— Или мегалозавр *,— сказал Саммерли.

— Может быть. Словом, любой из крупных плотоядных динозавров. Среди них попадаются самые страшные чудовища, которые когда-либо оскверняли наш земной шар или служили украшением музеев.— Челленджер захохотал над собственной остротой. Обладая весьма примитивным чувством юмора, он радовался каждой своей шутке, даже самой грубой.

— Чем меньше мы будем шуметь, тем лучше! — резко осадил его лорд Джон.— Почем знать, кто здесь бродит поблизости? Если этот молодчик вздумает вернуться сюда завтракать и наткнется на нас, тогда будет не до смеха. Кстати, что это за пятно?

На чешуйчатой тусклочерной коже игуанодона чуть повыше плеча ясно выступала темная нашлепка, похожая по цвету на асфальтовую. Никто из нас не мог определить это пятно, хотя Саммерли вспомнил, что два дня назад он видел точно такое же на одном из молодых игуанодонов. Челленджер сидел надутый и хранил многозначительное молчание, выражая всем своим видом: вот, знаю, да не скажу! Лорду Джону не оставалось ничего другого, как обратиться с тем же вопросом непосредственно к нему.

— Если ваша милость разрешит мне открыть рот, я буду счастлив высказать свое мнение,— с нарочитым

сарказмом начал Челленджер.— Мне впервые в жизни приходится выслушивать такие нотации. Я не подозревал, что без вашего разрешения нельзя даже посмеяться невиннейшей шутке.

И только после того как лорд Джон принес свои извинения нашему обидчивому другу, тот соблаговолил сменить гнев на милость. Когда же волнение его окончательно улеглось, он влез на ствол упавшего дерева и обратился к нам с длинной и, как всегда, необычайно торжественной речью, словно перед ним была не наша маленькая группа из трех человек, а тысячная аудитория, ожидающая от профессора драгоценных сведений.

— Что касается вышеупомянутого пятна,— начал Челленджер,— то я склонен присоединиться к мнению моего друга и коллеги профессора Саммерли, который утверждает, что это асфальт. Страна Мепл-Уайта явно вулканического происхождения, асфальт же, как известно, принадлежит к глубинным образованиям и, несомненно, имеется здесь в жидком состоянии, следовательно он мог оказаться на коже игуанодонов *. Впрочем, сейчас перед нами стоит другой вопрос, гораздо более важный: каким образом здесь могут существовать плотоядные хищники, один из которых посетил эту прогалину и оставил на ней такие страшные следы? Мы знаем, что по своим размерам плато не больше среднего графства у нас в Англии. На этом замкнутом со всех сторон пространстве в течение многих веков живут некоторые виды, давно исчезнувшие с лица земли. Казалось бы — для меня это не подлежит сомнению,— что плотоядные животные, беспрепятственно размножаясь, должны были бы давно уничтожить предоставленные им природой запасы пищи и в силу этого либо умереть с голоду, либо перейти с мяса на какой-нибудь другой корм. Как видим, ни того, ни другого не случилось. Следовательно, остается предположить, что ограничение числа этих свирепых хищников, без чего немыслимо равновесие в природе, достигается здесь какими-то иными способами. Каковы эти способы и как они применяются — вот одна из многих интереснейших проблем, которые ждут своего разрешения. Я позволю себе выразить надежду, что нам еще представится случай наблюдать плотоядных динозавров с более короткой дистанции.

— А я позволю себе выразить надежду, что такого случая нам не представится,— сказал я.

В ответ на это профессор поднял брови, словно школьный учитель, услыхавший неуместное замечание озорного ученика.

— Может быть, профессору Саммерли угодно высказать свои соображения по этому вопросу? — предложил он.

И оба ученых воспарили к горным высям науки, в разреженной атмосфере которых только и можно было обсуждать такие проблемы, как связь между борьбой за существование и понижением рождаемости при неуклонном уменьшении кормов.

В то утро мы отправились к востоку от ручья, чтобы не выходить опять к болоту с птеродактилями, и нанесли небольшую часть плато на карту. В этой стороне подлесок в чаще был такой густой, что нам приходилось буквально продираться сквозь него.

До сих пор я рассказывал только об ужасах Страны Мепл-Уайта, но это несправедливо по отношению к ней, ибо все то утро мы бродили среди чудесных цветов, главным образом двух оттенков — белого и желтого. По словам Челленджера и Саммерли, первобытная гамма этими двумя красками и ограничивается. Во многих местах земля была сплошь покрыта цветами, и наши ноги по щиколотку уходили в этот великолепный мягкий ковер, распространявший вокруг такое сильное и сладостное благоухание, что от него кружилась голова. Повсюду жужжали пчелы, совсем такие же, как у нас в Англии. Ветви деревьев низко сгибались под тяжестью плодов, отчасти известных нам, отчасти совсем незнакомых. Мы выбирали надклеванные птицами и, не боясь отравиться, вносили приятное разнообразие в свое меню. В этой части джунглей всюду бежали тропы, проложенные дикими зверями, а болотистые низины были испещрены множеством следов; среди них попадались и следы игуанодонов. В одной из лесных прогалин паслось небольшое стадо этих исполинов, и лорд Джон рассмотрел в бинокль, что у них тоже есть асфальтовые пятна на теле, хотя не в тех местах, что у растерзанного игуанодона. Как объяснить это странное явление, никто из нас не знал.

По пути нам то и дело попадались мелкие животные — дикобразы, чешуйчатый муравьед, пегий кабан с длинными, закрученными кверху клыками *. Как-то раз в просвете между деревьями мы увидели вдали зеленый

склон холма, по которому быстро взбегал какой-то крупный зверь серовато-коричневой масти. Он промелькнул так стремительно, что мы не успели разглядеть его. Но если это был олень, как утверждал лорд Джон, то размерами он не уступал тем гигантским лосям, скелеты которых до сих пор еще находят в болотах моей родной Ирландии.

После загадочного посещения мы стали с опаской возвращаться к себе в лагерь. Однако больше ничего такого не случилось. В тот вечер у нас завязался горячий спор о планах на будущее. Изложу его подробно, ибо он повлиял на наш дальнейший образ действий и помог нам в несколько дней ознакомиться со Страной Мепл-Уайта гораздо лучше, чем это можно было сделать за долгие недели.

Прения открыл Саммерли. Он еще с утра был чем-то недоволен, и когда лорд Джон заговорил о планах на завтрашний день, профессор не выдержал и вскипел.

— И сегодня, и завтра, и послезавтра нам надо искать выхода из этой мышеловки,— сказал он.— Вы все ломаете себе голову, как бы пробраться вглубь страны, а, по-моему, нам надо думать только о том, как бы выбраться отсюда.

— Я просто поражаюсь, сэр, что человек науки может пасть столь низко! — загудел Челленджер, поглаживая свою пышную бороду.— Вы попали в страну, полную таких соблазнов для любознательного натуралиста, равных которым нет и не было с тех пор, как стоит мир! И вы предлагаете покинуть этот заповедник, предлагаете нам ограничиться лишь самым поверхностным знакомством с ним и с его обитателями! Я не ожидал от вас этого, профессор Саммерли!

— Не забывайте, пожалуйста,— сердито заговорил тот,— что в Лондоне меня ждет большая группа студентов, которые оставлены на попечение моего весьма бестолкового заместителя. У меня несколько иное положение, чем у вас, профессор Челленджер, ибо, насколько мне известно, вам никто и никогда не поручал такой ответственной работы, как обучение молодежи.

— Совершенно верно,— согласился Челленджер.— Зачем загружать пустяками ум, способный на творческие искания высшего порядка? По-моему, это кощунство! Вот

почему я всегда самым решительным образом отказываюсь от подобных предложений.

— От каких же это? — с язвительной усмешкой осведомился Саммерли.

Но тут лорд Джон поспешил перевести разговор на другую тему.

— Должен вам сказать,— начал он,— что я считаю просто позором возвращаться в Лондон, не ознакомившись как следует с этой страной.

— А у меня не хватит духа перешагнуть порог редакции и показаться на глаза нашему старику Мак-Ардлу,— вставил я. (Вы не будете сердиться, сэр?) — Он мне не простит, если я пренебрегу таким материалом. Но, по-моему, эти споры излишни: ведь мы при всем желании не можем спуститься вниз.

— Примитивный здравый смысл в какой-то степени возмещает нашему юному другу недостаток умственного развития,— сказал Челленджер.— Нам, разумеется, нет никакого дела до его презренных профессиональных интересов, но что правда, то правда: мы не можем спуститься вниз, следовательно нечего зря тратить силы на бессмысленные споры.

— А по-моему, все, что вы задумали, будет тоже бессмысленной тратой силы,— пробурчал Саммерли, не вынимая трубки изо рта.— Разрешите вам напомнить, что мы приехали сюда с совершенно определенной целью, поставленной перед нами научным собранием Лондонского зоологического института. Цель эта — проверить утверждения профессора Челленджера. Должен сказать, что мы уже вполне можем подтвердить их правильность. Следовательно, миссия наша выполнена. Что же касается детального изучения плато и его обитателей, то эта огромная задача будет под силу только большой, специально снаряженной экспедиции. Если мы возьмемся за это сами, тогда кто же доставит в Англию добытые нами сведения, которые являются ценным вкладом в науку? Профессор Челленджер изобрел способ подняться на это неприступное с виду плато. Давайте же попросим его еще раз пустить в ход присущую ему изобретательность и вернуть нас в тот мир, откуда мы пришли.

Доводы Саммерли показались мне в высшей степени разумными. Челленджер, и тот призадумался, сообразив, что ему не удастся посрамить своих врагов, если

подтверждение его правоты не дойдет до тех, кто сомневался в ней.

— Проблема спуска с плато на первый взгляд кажется неразрешимой,— сказал он,— но я не сомневаюсь, что человеческий интеллект найдет выход и из этого положения. Уважаемый коллега, повидимому, прав: нам не следует затягивать свое пребывание в Стране Мепл-Уайта, пора подумать о том, как вернуться домой. Однако я наотрез отказываюсь покинуть плато до тех пор, пока мы не обследуем его и не составим хоть какой-нибудь карты.

Профессор Саммерли нетерпеливо фыркнул.

— У нас ушло уже целых два дня на разведку,— сказал он,— и это почти ничего не дало. Мы попрежнему не имеем никакого представления о топографии плато. Выяснилось только одно: Страна Мепл-Уайта покрыта густыми лесами. Но ведь на более подробное обследование потребуются месяцы! Другое дело, если б здесь была какая-нибудь возвышенность. Однако плато имеет уклон к центру, значит сколько бы мы ни забирались вглубь, его общий вид все равно перед нами не откроется.

И тут на меня нашло вдохновение. Я случайно остановился взглядом на огромном узловатом дереве гингко, простиравшем над нами свои могучие ветви. Такого мощного ствола не было ни у одного из других деревьев, следовательно оно должно быть и выше их. Если плато действительно поднимается по краям, то почему бы этому гиганту не послужить нам наблюдательной вышкой для обозрения всей Страны Мепл-Уайта? Я еще в мальчишеские годы славился своим искусством лазить по деревьям. Мои спутники лучше меня карабкаются по скалам, но тут им за мной не угнаться. Только бы поставить ногу на нижнюю ветку, а все остальное пустяки — доберусь и до вершины!

Моя идея была принята восторженно.

— Наш юный друг способен проделывать акробатические трюки, немыслимые для людей с более массивной и в то же время более представительной фигурой,— сказал Челленджер, и его щеки надулись двумя румяными яблочками.— Я приветствую такое решение.

— Юноша, да вы просто гениальны! — воскликнул лорд Джон, хлопнув меня по спине.— Не понимаю, как это нам раньше не пришло в голову! До захода солнца остался какой-нибудь час, но вы еще успеете набросать план местности, хотя бы самый примитивный. Лезьте туда прямо с

блокнотом. Сейчас мы подставим под дерево три ящика один на другой, и уж я как-нибудь подсажу вас.

Лорд Джон взобрался на ящики и стал осторожно помогать мне, но тут в дело вмешался Челленджер. Он подбежал к нам и буквально подбросил меня кверху одним движением своей мощной длани. Я ухватился за толстый сук и, перебирая ногами по стволу, сначала подтянулся до половины туловища, а потом стал на сук коленями. Три нижние ветки послужили мне настоящими ступеньками, другие, потоньше, тоже облегчили подъем, и я так быстро взобрался по ним кверху, что вскоре земля совсем скрылась у меня из глаз.

Время от времени случались задержки, один раз пришлось даже подниматься по лиане футов в десять длиной, но, в общем, все шло хорошо, и мне уже казалось, что густой бас Челленджера скоро совсем перестанет доноситься сюда. Но дерево было гигантской высоты; я вглядывался в зеленую листву у себя над головой и не замечал, чтобы она начинала хоть сколько-нибудь редеть.

Вскоре на моем пути встретилась ветка, на которой сидел плотный зеленый клубок — вероятно, какое-нибудь паразитическое растение. Я вытянул шею, стараясь заглянуть за него, и, потрясенный тем, что неожиданно предстало моим глазам, чуть не свалился с дерева.

На меня смотрело чье-то лицо — какие-нибудь два фута отделяли нас друг от друга. Существо, которому оно принадлежало, пряталось за зеленым клубком и высунуло из-за него голову одновременно со мной. Лицо было человеческое, во всяком случае более человеческое, чем у любой обезьяны. Длинное, белесое, все в прыщах, приплюснутый нос, массивная нижняя челюсть, на подбородке и скулах жесткая щетина, совсем как бакенбарды. Чудовище ощерило пасть и зарычало, словно изрыгая проклятия по моему адресу, и я увидел острые, загнутые книзу собачьи клыки. Свирепые глаза под нависшими бровями метнули на меня взгляд, полный ненависти и угрозы, и мгновенно помертвели от беспредельного страха. Чудовище камнем ринулось вниз. Раздался громкий треск ломающихся ветвей, рыжее волосатое, как у свиньи, тело на секунду мелькнуло у меня перед глазами и исчезло в вихре взметенной листвы.

— В чем дело? — послышался снизу голос лорда Рокстона.— Что-нибудь случилось?

— Вы видели? — крикнул я, весь дрожа от волнения и крепко держась обеими руками за сук.

— Слышали какой-то шум, подумали, что вы оступились. А в чем все-таки дело?

Внезапное появление этой странной человекообезьяны так взволновало меня, что я уже хотел спуститься с дерева и рассказать о случившемся моим спутникам. Но до вершины оставалось совсем немного, и мне было стыдно возвращаться вниз, не выполнив взятой на себя задачи.

Поэтому я сделал долгую остановку, отдышался и полез дальше. Раз как-то нога моя ступила на подгнивший сук, и я удержался только на руках, но, в общем, подъем был нетрудный. Мало-помалу листва стала редеть, в лицо мне пахнуло ветром, а это значило, что гингко уже поднялось над окружающими деревьями.

Но я лез все выше и выше, твердо решив не смотреть по сторонам до тех пор, пока не доберусь до самой вершины. Наконец, ветки стали гнуться под моей тяжестью. Тогда я выбрал надежный развилок, уселся в нем поудобнее и глянул вниз на изумительную панораму этой таинственной страны, в которую нас занесла судьба.

Солнце уже спустилось к самой линии горизонта, но вечер был такой ясный и тихий, что плато, раскинувшееся подо мной, виднелось от края до края. Оно представляло собой овал длиной миль в тридцать, шириной — в двадцать и имело форму неглубокой воронки, так как поверхность его шла под уклон к центру, где было довольно большое озеро, миль десяти в окружности. По берегам этого прекрасного озера рос густой тростник, сквозь зеленоватую воду кое-где проступали желтые песчаные отмели, отливавшие золотом в мягких лучах солнца. На отмелях виднелось множество каких-то черных предметов. Для аллигаторов они были слишком велики, для челнов — слишком длинны. Я разглядел в бинокль, что это живые существа, но какие, так и не догадался.

С той стороны плато, где был наш лагерь, лесистые склоны, изрезанные кое-где прогалинами, тянулись миль на шесть по направлению к центральному озеру. Почти у самых своих ног я различил прогалину игуанодонов, а дальше, среди редеющих деревьев, виднелся проход к болоту птеродактилей. Зато по другую сторону озера облик плато резко менялся. Там поднимались точно такие же красноватые базальтовые скалы, какие мы видели снизу, с

равнины. Эта гряда была футов в двести вышиной, и у подножия ее рос лес. В нижней части красноватых скал, немного выше земли, я разглядел в бинокль ряд темных отверстий, служивших, повидимому, входами в пещеры. У одной из этих пещер что-то белело, но что именно, мне так и не удалось разобрать.

Я бросил свою работу только после захода солнца, когда уже ничего не было видно, и спустился к товарищам, с нетерпением ожидавшим меня под деревом. Вот когда я стал героем дня! Этот замысел принадлежал мне, и я сам привел его в исполнение. Вот она, карта, которая сбережет нам месяц времени и избавит от необходимости блуждать вслепую по Неведомой стране. Последовал обмен торжественными рукопожатиями. Но прежде чем показывать товарищам карту, надо было рассказать им и о моей встрече с человекообезьяной.

— Она была там все время,— сказал я.

— Откуда вы это знаете? — спросил лорд Джон.

— Меня не оставляло ощущение, что за нами следят чьи-то злобные глаза. Помните, профессор Челленджер? Я говорил вам об этом.

— Действительно, нечто подобное я слышал. Наш юный друг обладает той впечатлительностью, которая характерна для представителей кельтской расы.

— Теория телепатии *...— начал было Саммерли, набивая трубку.

— Это чересчур сложная проблема, не будем ее обсуждать сейчас,— решительно прервал его Челленджер.— Скажите лучше вот что,— обратился он ко мне с величественным видом, словно епископ, экзаменующий ученика воскресной школы: — вы не заметили, может это существо прижать большой палец к ладони?

— Вот уж чего не заметил, того не заметил.

— Хвост у него есть?

— Нет.

— Задние конечности хватательные?

— По всей вероятности, иначе он не смог бы так быстро скакать с ветки на ветку.

— Если память мне не изменяет, в Южной Америке насчитывается до тридцати шести видов обезьян... профессор Саммерли, прошу вас воздержаться от замечаний... но человекообразных среди них нет. Теперь не подлежит сомнению, что здесь они водятся, но это какая-то другая

разновидность, а не те волосатые гориллообразные обезьяны, которые встречаются только в Африке и на Востоке. (У меня чуть было не сорвалось с языка, что родича этих гориллоподобных я видел и в Кенсингтоне.) Для здешней разновидности характерны наличие растительности на лице и белый цвет кожи, последнее же объясняется тем, что эти обезьяны живут на деревьях, среди густой листвы. Перед нами стоит вопрос: к кому же больше приближается здешняя разновидность — к обезьяне или к человеку? В последнем случае она, видимо, представляет собой то, что зовется в просторечии «недостающим звеном». Наш долг — немедленно приступить к разрешению этой проблемы...

— Возражаю! — резко оборвал его Саммерли.— Теперь, когда у нас есть карта, а этим мы обязаны сообразительности и энергичному образу действий мистера Мелоуна (я вынужден привести его слова), наш единственный долг — принять все меры, чтобы немедленно же выбраться здравыми и невредимыми из этого ужасного места.

— Блага цивилизации не дают вам спать! — простонал Челленджер.

— Да, сэр! И самым большим благом цивилизации я считаю чернила, сэр! Мы должны отчитаться во всем, что видели здесь, а дальнейшим исследованием пусть занимаются другие. Вы же сами с этим согласились до того, как мистер Мелоун показал нам свою карту.

— Хорошо,— сказал Челленджер.— Мне тоже сразу полегчает, когда я буду окончательно уверен, что результаты экспедиции дойдут до сведения наших друзей. Но пока что я понятия не имею, как нам отсюда выбраться. Впрочем, Джорджу Эдуарду Челленджеру еще не приходилось сталкиваться с проблемами, которые были бы не под силу его изобретательному уму, и он обещает вам завтра же заняться этим вопросом вплотную.

На этом спор был закончен. А в тот же вечер при свете костра и единственной свечи мы вычертили по моему наброску первую карту Затерянного мира. Детали, только намеченные мною с вершины дерева, были занесены на соответствующие места. Карандаш Челленджера задержался над большим белым пятном, изображавшим озеро.

— Как же мы его назовем? — спросил он.

— Почему бы вам не воспользоваться случаем увеко-

вечить свое имя? — с обычной язвительностью сказал Саммерли.

— Я уверен, сэр, что у потомства найдутся более веские основания, чтобы запомнить Челленджера. И эти основания будут покоиться на его личных заслугах,— сурово ответил профессор.— Каждый невежда может навязать свое имя какой-нибудь реке или горной вершине. Мне таких монументов не нужно.

Саммерли криво улыбнулся, готовясь к новому выпаду, но лорд Джон поспешил прервать спорщиков.

— Милый юноша, окрестить озеро должны вы,— сказал он.— Вы первый его увидели, и если вам захочется проставить на карте «озеро Мелоун», перечить вам никто не будет.

— Конечно, конечно! Пусть наш юный друг даст название озеру,-- поддержал его Челленджер.

— В таком случае,— сказал я и сам почувствовал, что краснею,— пусть оно зовется озером Глэдис.

— А вам не кажется, что «Центральное» даст более ясное понятие о его местоположении? — спросил Саммерли.

— Нет, пусть будет озеро Глэдис.

Челленджер бросил на меня сочувственный взгляд и с шутливой укоризной покачал головой.

— Ах, молодость, молодость! — сказал он.— Ну что же, Глэдис так Глэдис!

Глава XII

«КАК СТРАШНО БЫЛО В ЛЕСУ!»

В предыдущем письме уже упоминалось... а может, и нет? — последнее время память играет со мной злые шутки,— что я был сам не свой от гордости, когда трое таких незаурядных людей, как мои спутники, с благодарностью пожали мне руку. По их словам, я спас или по крайней мере значительно облегчил наше положение. Будучи самым младшим членом экспедиции и уступая моим товарищам во всем, что касалось опыта и твердости характера, я с первых же дней нашего путешествия оставался в тени. Но теперь настал и мой час. Увы! Гордыня к добру не приводит. Чувство самодовольства и новая для меня уверенность в своих силах привели к тому, что в ту же ночь мне пришлось выдержать такое испытание, о котором я до сих пор не могу вспомнить без ужаса.

Вот как это случилось. Взбудораженный сверх всякой меры своим удачным подъемом на вершину дерева гингко, я никак не мог уснуть. В ту ночь первым дежурил Самерли. В неярком свете костра виднелась его нелепая, угловатая фигура. Он сидел сгорбившись, положив винтовку на колени, и так клевал носом, что его козлиная бородка то и дело вздрагивала. Лорд Джон лежал, завернувшись в свое южноамериканское одеяло — пончо, и его совсем не было слышно. Зато густой и громкий храп Челленджера разносился по всему лесу.

Полная луна светила ярко; ночной воздух так и пробирал холодком. Какая ночь для прогулки! И вдруг меня осенило: а почему бы и в самом деле не прогуляться? Что если я тихонько выйду из лагеря, найду дорогу к цен-

тральному озеру и утром вернусь с целым ворохом новостей? Ведь тогда акции мои поднимутся еще выше! И если Саммерли заставит нас найти какой-нибудь способ выбраться отсюда, мы вернемся в Лондон с самыми точными сведениями о центральной части Страны Мепл-Уайта, где, кроме меня, не побывает никто. Я вспомнил Глэдис... «Человек — сам творец своей славы», прозвучало у меня в ушах. Вспомнил и Мак-Ардла. Какой материал для газеты — на целую полосу! Какая карьера ждет меня впереди! Начнется война, и, может быть, меня пошлют корреспондентом на театр военных действий. Я схватил первую попавшуюся винтовку — патроны были у меня в карманах — и, разобрав завал у входа в форт, проскользнул за его ограду. Оглянувшись напоследок, я увидел нашего горе-часового Саммерли, который попрежнему дремал у затухающего костра, мерно, словно китайский болванчик, покачивая головой.

После первых же ста ярдов мне стало ясно, сколько безрассудства в моем поступке. Я, кажется, уже упоминал на страницах этой хроники, что пылкость воображения мешает мне стать по-настоящему смелым человеком, упоминал и о том, что больше всего на свете боюсь прослыть трусом. Вот эта боязнь и толкала меня вперед. Я просто не мог бы вернуться в лагерь с пустыми руками. Если б товарищи и не хватились меня и не узнали бы о моем малодушии, все равно я не нашел бы себе места от жгучего стыда. А в то же время меня то и дело кидало в дрожь, и я готов был отдать все, лишь бы найти достойный выход из этого нелепого положения.

Как страшно было в лесу! Деревья стояли такой плотной стеной, листва у них была такая густая, что лунный свет почти не проникал сюда, и лишь самые верхние ветки филигранным узором сквозили на фоне звездного неба. Привыкнув мало-помалу к темноте, глаза мои начали кое-что различать в ней. Некоторые деревья все же виднелись в этом мраке, другие совсем тонули в угольно-черных провалах, от которых я в ужасе шарахался, так как порой они казались мне входами в какие-то пещеры. Я вспомнил отчаянный вопль обреченного на гибель игуанодона, разнесшийся по всему лесу. Вспомнил и бородавчатую, окровавленную морду, мелькнувшую передо мной при свете факела лорда Джона. Безыменное страшное чудовище охотится в этих самых местах. Оно может в любую

минуту броситься на меня из лесной тьмы. Я остановился, вынул из кармана патрон и открыл затвор винтовки. И вдруг сердце замерло у меня в груди. Это была не винтовка, а дробовик.

И я снова подумал: «Уж не вернуться ли?». Повод вполне достаточный, никто не посмеет сомневаться в причинах моей неудачи. Но глупая гордость восставала даже против одного этого слова. Нет, я не хотел, я не мог допустить, чтобы меня постигла неудача. Если уж на то пошло, так перед лицом тех опасностей, которые мне здесь, по всей вероятности, угрожают, винтовка окажется столь же бесполезным оружием, сколь и охотничье ружье. Возвращаться в лагерь и исправлять ошибку не имеет смысла — второй раз мне не удастся уйти оттуда незамеченным. Придется объяснять свои намерения, и тогда инициатива уйдет у меня из рук. После недолгих колебаний я все же собрался с духом и двинулся дальше, держа бесполезное ружье подмышкой.

Лесная тьма пугала меня, но на прогалине игуанодонов, залитой ровным лунным светом, мне стало еще страшнее. Я внимательно оглядел ее, спрятавшись в кустах. Чудовищ не было видно. Трагедия, злополучным героем которой стал один из игуанодонов, вероятно, застала остальных уйти с этого пастбища. Туманная серебристая ночь была безмолвна — ни шороха, ни звука. Набравшись храбрости, я быстро перебежал прогалину и по ту ее сторону опять вышел к ручью, служившему мне путеводной нитью. Этот веселый спутник бежал, болтая и журча, словно тот дорогой моему сердцу ручей в родной стороне, где я еще мальчиком ловил по ночам форель. Если итти вниз по течению, он выведет меня к озеру; если подыматься вверх — вернешься обратно в лагерь. Ручей то и дело терялся среди кустов, но его неумолчное журчание все время стояло у меня в ушах.

Чем ниже под уклон, тем больше и больше редел лес, постепенно уступая место зарослям кустарника, среди которых лишь кое-где поднимались высокие деревья. Итти становилось легче, и теперь я мог смотреть по сторонам, оставаясь незамеченным. Мой путь проходил мимо болота птеродактилей, и оттуда навстречу мне с сухим шелестом и свистом взмыл в воздух один из этих гигантов, размах крыльев которого был футов в двадцать по меньшей мере. Вот он заслонил диск луны, и перепончатые крылья, про-

низанные ослепительно белым тропическим сиянием, темным контуром скелета выступили у меня над головой. Я кинулся в кусты, зная по опыту, что достаточно этому чудовищу подать голос, и на меня тучей налетят его омерзительные собратья. И только после того как птеродактиль опустился в чащу кустов, я осторожно двинулся дальше.

Ночь была на редкость тихая, но вот эту тишину нарушил глухой, ровный рокот, с каждым моим шагом становившийся все громче и громче. Наконец, я остановился совсем рядом с источником, из которого исходил этот звук, напоминавший клокотанье кипятка в котле, и понял, в чем тут дело. Посередине небольшой лужайки виднелось озеро, вернее большая лужа, ибо в диаметре она была не больше водоема в Трафальгар-сквере. Ее черная, как деготь, поверхность непрестанно вздувалась пузырями, которые лопались, выделяя газ. Воздух над лужей дрожал от жара, а земля вокруг была до того горячая, что, коснувшись ее ладонью, я тут же отдернул руку. Повидимому, мощный вулканический процесс, много веков назад вздыбивший плато над земной поверхностью, еще не закончился. Нам уже приходилось видеть здесь, среди пышной зелени, черные обломки скал и застывшую лаву, но этот резервуар с жидким асфальтом был первым неоспоримым доказательством того, что древний вулкан продолжает действовать и по сию пору. К сожалению, мне надо было спешить, чтобы вернуться в лагерь до рассвета, и я не стал задерживаться здесь.

До конца дней своих я не забуду этого страшного пути. Освещенные луной прогалины я обходил по самым краям, стараясь держаться в густой тени. В джунглях то и дело замирал от страха, слыша треск веток, сквозь которые пробирался какой-нибудь зверь. Огромные тени возникали передо мной и снова исчезали, бесшумно скользя на мягких лапах. Я часто останавливался с твердым намерением повернуть обратно, и всякий раз гордость побеждала страх и гнала меня вперед к намеченной цели.

Наконец (на моих часах было начало второго), в просвете между деревьями блеснула вода, и минут через десять я уже стоял в камышах, на берегу центрального озера. Меня давно мучила жажда, и я лег ничком и припал к воде; она оказалась холодной и очень свежей на вкус. В этом месте к берегу вела широкая, испещренная

множеством следов тропинка — очевидно, звери приходили сюда на водопой. У самой воды огромной глыбой поднималась застывшая лава. Я взобрался на нее, лег и осмотрелся по сторонам.

Первое, что предстало моему взору, поразило меня своей неожиданностью. Описывая вид, открывавшийся с вершины дерева гингко, я упоминал о темных пятнах на скалистой гряде, которые можно было принять за входы в пещеры. Взглянув теперь в ту сторону, я увидел множество круглых отверстий, светящихся ярким красноватым огнем, словно иллюминаторы океанского парохода в ночной темноте. Сначала я подумал, что это отблеск лавы, бурлящей в непотухшем вулкане, но тут же отказался от такого предположения. Лава бурлила бы где-нибудь внизу, а не высоко среди скал. Тогда что же это значит? Невероятно, но, повидимому, другого объяснения не подыщешь: эти красноватые пятна — не что иное, как отблески костров, горящих в пещерах, костров,. разжечь которые могла только человеческая рука. Следовательно, на плато есть люди. Какие блестящие результаты дала моя ночная прогулка! Уж с такими известиями нам не стыдно будет вернуться в Лондон.

Я долго смотрел на эти красные мерцающие отблески. Меня отделяло от них не меньше десяти миль, но даже на таком расстоянии можно было разглядеть, как они то затухали, то вспыхивали ярче, то совсем исчезали у меня из глаз, когда их заслоняли чьи-то тени. Чего бы я только не дал, чтобы подобраться к этим пещерам, заглянуть в них и потом поведать моим спутникам о внешнем облике и образе жизни человеческой расы, населяющей этот таинственный уголок земного шара! Сейчас об этом нечего было думать, но вряд ли кто-нибудь из нас захочет покинуть плато, не узнав толком, что скрывается в этих пещерах.

Озеро Глэдис — мое озеро! — сверкало передо мной, словно ртуть, а в самом центре его отражался светлый лик луны. Оно было неглубокое: из воды в нескольких местах проглядывали песчаные отмели. Гладкая поверхность озера жила своей жизнью — на ней появлялись то круги, то легкая рябь; вот рыба блеснула серебряной чешуей, вот показалась горбатая аспидно-черная спина какого-то чудовища. Странное существо, похожее на огромного лебедя с длинной гибкой шеей, прошло по краю желтой отмели,

потом грузно плюхнулось в озеро и поплыло. Его изогнутая шея и юркая голова долго виднелись над водой. Потом оно нырнуло и больше уже не показывалось *.

Вскоре я устремил все свое внимание на то, что происходило почти у самых моих ног. На берегу появилось два зверя, похожих на крупных армадиллов *. Они припали к воде и быстро заработали длинными красными лентами языков. Вслед за ними на водопой явился огромный ветвисторогий олень с самкой и двумя оленятами. Такого царственного существа, наверное, больше нигде не найдешь, кроме как в Стране Мепл-Уайта; и лось и американский олень были бы ему по плечо. Все семейство мирно пило воду, но вдруг самец предостерегающе фыркнул, и они мигом исчезли в камышах. Армадиллы тоже заковыляли прочь. На тропинке появилось какое-то новое существо — настоящее чудовище.

У меня пронеслось в голове: где же я видел этого урода с крутой спиной, усаженной треугольными зубцами, с маленькой птичьей головкой, опущенной почти до самой земли? И вдруг вспомнил. Это же стегозавр, которого Мепл-Уайт запечатлел на страницах своего альбома, то чудовище, которым прежде всего заинтересовался Ленджер. Вот он передо мной — может быть, тот самый зверь, что повстречался американскому художнику. Земля содрогалась под его страшной тяжестью, воду он лакал так громко, что эти звуки, казалось, будили ночь. Минут пять стегозавр стоял совсем рядом со мной. Стоило мне протянуть руку, и я бы коснулся этих отвратительных зубцов, вздрагивавших при каждом его движении. Напившись, чудовище побрело прочь и скрылось среди камней.

Я вынул часы — была половина третьего, самое время возвращаться в лагерь. Обратный путь не вызывал у меня никаких сомнений, так как я шел сюда, держась левого берега ручья, а ручей вливался в центральное озеро в нескольких шагах от моего наблюдательного пункта. Итак, я в самом лучшем расположении духа зашагал к лагерю, гордясь результатами своей ночной прогулки и тем ворохом новостей, которые преподнесу товарищам. Конечно, самая важная новость — это освещенные изнутри пещеры, где, по всей вероятности, живет какое-то племя троглодитов *. Но мои наблюдения над центральным озером тоже кое-чего стоят. Я могу удостоверить, что оно полно живых существ, и, кроме того, опишу несколько новых ви-

дов доисторических сухопутных животных, не встречавшихся нам до сих пор. Не много найдется людей на свете, думал я, которые за одну ночь — и какую необычайную ночь! — смогли бы внести столь ценный вклад в сокровищницу человеческих знаний.

Поглощенный своими мыслями, я медленно поднимался вверх по склону и уже был примерно на полпути к лагерю, когда послышавшиеся сзади странные звуки вернули меня к действительности. Это было нечто среднее между храпеньем и ревом — глухим, низким и необычайно грозным. Повидимому, вблизи появился какой-то зверь, но в темноте ничего нельзя было разглядеть. Я прибавил шагу и, пройдя еще с полмили, снова услышал те же звуки. На сей раз они были гораздо громче и страшнее. Сердце замерло у меня в груди при мысли, что за мной кто-то гонится. Я весь похолодел и почувствовал, как волосы встали дыбом у меня на голове. Пусть эти чудовища рвут друг друга на куски, такова борьба за существование, но чтобы они нападали на современного человека, охотились за владыкой мира — с этой страшной мыслью я не мог примириться. Передо мной снова возникло это страшное видение из дантова «Ада» — залитая кровью морда, освещенная на миг горящей веткой лорда Джона. Я стоял, глядя во все глаза назад, на залитую луной тропинку, и колени у меня подгибались от страха. Такое может только присниться: тишина, серебристые лунные блики на прогалинах, черные пятна кустов. И вдруг эту грозную тишину снова прорезало то же низкое, гортанное рычанье. Оно звучало еще громче, еще ближе. Сомнений быть не могло: меня кто-то выслеживал, и расстояние между мной и моим преследователем сокращалось с каждой минутой.

Я стоял, словно пригвожденный к месту, и не мог отвести глаз от тропинки. И вдруг оно показалось. В дальнем конце прогалины, которую я только что прошел, дрогнули кусты. Что-то большое, темное отделилось от них и одним прыжком вымахнуло на залитую луной прогалину. Я умышленно говорю о прыжке, ибо чудовище передвигалось, как кенгуру, вытянувшись во весь рост и отталкиваясь от земли сильно развитыми задними ногами; передние были прижаты у него к брюху. Размеры и мощь этого зверя поразили меня — настоящий слон, вставший на дыбы. И при всем том какая необычайная

Минут пять стегозавр стоял совсем рядом со мной

Что мне было делать?

подвижность! В первую минуту у меня еще мелькнула надежда: может быть, это лишь безобидный игуанодон? Но, несмотря на все свое невежество, я понял, что ошибаюсь. У трехпалого травоядного игуанодона голова была маленькая, как у лани, а у этого страшилища широкая, плоская — словом, точная копия той жабьей морды, обладатель которой так напугал нас минувшей ночью. Свирепый рев и настойчивость, с какой он преследовал меня, свидетельствовали о том, что это плотоядный динозавр, один из самых страшных зверей, которые когда-либо водились на земле. Чудовище то и дело припадало на передние лапы и тыкалось носом в землю, вынюхивая мои следы. Иногда они терялись, но динозавр находил их и снова огромными прыжками пускался по тропинке следом за мной *.

Даже теперь, при одном лишь воспоминании об этом кошмаре, холодный пот проступает у меня на лбу. Что мне было делать? У меня в руках был дробовик, но какой от него толк сейчас? Я с отчаянием огляделся по сторонам, ища глазами какое-нибудь прикрытие — скалу или дерево, но здесь, в чаще кустарника, были только молодые деревца, а моему преследователю ничего не стоило бы переломить, как тростинку, и большое дерево. Надо было обращаться в бегство, ничего другого не оставалось. Но как бежать по неровному, каменистому откосу? К счастью, я во-время заметил хорошо утоптанную тропинку, пересекавшую мой путь. Во время своих разведок мы видели немало таких троп, проложенных дикими зверями. Если броситься по ней, может быть мне и удастся уйти от преследования, тем более что бегаю я хорошо и сейчас нахожусь в форме. И, отшвырнув в сторону бесполезное ружье, я показал такой класс спринта, какой не показывал ни до, ни после этой ночи. Ноги мои подкашивались, грудь разрывалась, дыхание спирало в горле, но я все бежал и бежал вперед, подгоняемый ужасом. Наконец, когда сил уже больше не стало, я остановился. На секунду мне показалось, что преследование кончилось — на

тропинке никого не было. И вдруг снова треск сучьев, топот исполинских лап, свистящее дыхание могучих легких... Зверь настигал меня. Он уже совсем близко! Спасения нет!

Безумец! Зачем я так долго раздумывал, прежде чем обратиться в бегство? Сначала динозавр полагался только на свой нюх, а это замедляло погоню. Но как только я побежал, он заметил меня и с той минуты уже не терял из виду. Еще несколько прыжков — и чудовище показалось из-за поворота тропинки. В ярком свете луны блеснули огромные выпученные глаза, пасть с двумя рядами страшных зубов и острые когти на коротких передних лапах. Я дико вскрикнул и опрометью бросился вперед. Прерывистое хриплое дыханье слышалось все ближе и ближе. Тяжелый топот настигал меня. Еще секунда — и чудовище вцепится мне в спину. И вдруг — оглушительный треск, я лечу в бездну, а дальше тьма и пустота забвения...

Когда я очнулся от обморока — думаю, что на это потребовалось всего несколько минут,— мне ударило в нос ужасающее, совершенно невыносимое зловоние. Я пошарил в темноте и одной рукой нащупал что-то вроде огромного куска мяса, другой — тяжелую кость. Высоко вверху в правильном овале светили звезды. Следовательно, я лежал на дне какой-то глубокой ямы. Я с трудом поднялся и ощупал себя с головы до ног. Все тело у меня ныло, но кости были целы, никаких повреждений не обнаруживалось. Когда в моем затуманенном мозгу всплыли обстоятельства, предшествовавшие этому падению в яму, я с ужасом взглянул вверх в полной уверенности, что темная голова динозавра вот-вот появится на фоне бледнеющего неба. Но все было тихо, спокойно. Тогда я медленно, ощупью обошел дно ямы, стараясь понять, куда же меня сверг счастливый случай. Яма была глубокая, с отвесными краями и ровным дном футов двадцати в поперечнике. На дне валялись совершенно разложившиеся куски мяса, от которых шел невыносимый смрад. Ступая по этой падали и то и дело спотыкаясь о нее, я вдруг наткнулся на что-то твердое — это был деревянный кол, вбитый в самой середине ямы. Я ощупал его, моя рука скользнула по чему-то липкому, но до верхушки кола так и не дотянулась.

Вдруг я вспомнил, что у меня в кармане есть восковые спички и, чиркнув одну, сразу понял назначение этой ямы.

Сомневаться не приходилось: это была западня, вырытая руками человека. Вбитый посредине заостренный кол высотою футов в девять весь почернел от крови животных, которые напарывались на него. Валявшиеся на дне куски гнилого мяса были, повидимому, срезаны с кола, чтобы очистить место для следующих жертв.

Я вспомнил Челленджера, утверждавшего, что человек с его слабыми средствами защиты не может существовать на плато, населенном такими чудовищами. Но теперь способы его борьбы с ними стали ясны мне. Пещеры с узкими входами служили надежным убежищем для их обитателей, кто бы они ни были. Умственное превосходство этих человеческих существ над огромными ящерами было, повидимому, настолько велико, что позволяло им устраивать на звериных тропах прикрытые ветками ловушки, в которых их враги гибли, несмотря на всю свою мощь и ловкость. Человек и здесь властвовал над миром.

Чтобы выбраться по откосам ямы наверх, особенной ловкости не требовалось, но я долго не решался на это, боясь попасть в лапы чудовища, которое едва не растерзало меня. Почем знать, может быть динозавр подкарауливает свою жертву, притаившись в кустах? Но я вспомнил один разговор Челленджера и Саммерли о повадках этих исполинских пресмыкающихся и немного осмелел. Оба профессора сходились на том, что в крохотной черепной коробке динозавра нет места разуму и что по существу это совершенно безмозглые животные, исчезнувшие с лица земли именно из-за полного неумения приспосабливаться к меняющимся условиям существования.

Прежде чем подкарауливать меня, динозавр должен был понять, что со мной произошло, но для этого требовалось умение устанавливать связь между причиной и следствием. Гораздо более вероятно, что глупое животное, действующее лишь по велениям хищнического инстинкта, сначала опешило в недоумении, а потом отправилось на поиски новой добычи.

Я долез до края ямы и огляделся по сторонам. Звезды гасли, небо начинало бледнеть, и предутренний ветерок приятной прохладой пахнул мне в лицо. Мой враг никак не давал о себе знать. Я медленно выбрался из ямы и сел на землю, готовясь при малейшей тревоге спрыгнуть в свое убежище. Потом, несколько успокоенный полной тишиной, которая царила вокруг, и наступлением утра, со-

брался с духом и, крадучись, пошел назад по той же тропинке. Через несколько минут я увидел свое ружье, подобрал его, вышел к ручью, служившему мне путеводной нитью, и быстро зашагал к лагерю, то и дело оборачиваясь и бросая по сторонам испуганные взгляды.

И вдруг ветер принес мне напоминание о моих товарищах. Тишину спокойного утра нарушил далекий звук ружейного выстрела. Я остановился и прислушался — все было тихо. «Не случилось ли чего с ними?» пронеслось у меня в голове. Но я тут же успокоился, найдя более простое и более естественное объяснение этому выстрелу. Уже совсем рассвело. Мое отсутствие, конечно, успели заметить. Товарищи, вероятно, решили, что я заблудился в лесу, и дали выстрел, чтобы помочь мне добраться до лагеря. Правда, стрельба была у нас запрещена, но если они думали, что мне грозит опасность, вряд ли это остановило бы их. Надо как можно скорее вернуться в лагерь и унять тревогу.

Я устал, измучился за ночь и при всем желании не мог итти быстро. Но вот, наконец-то, начались знакомые места. Слева болото птеродактилей, а скоро будет прогалина игуанодонов. Теперь только узкая полоса леса отделяла меня от Форта Челленджера. Я весело крикнул, торопясь успокоить товарищей. Ответа не было. Кругом стояла зловещая тишина. Сердце у меня сжалось. Я ускорил шаги, потом побежал. Вот и ограда — она цела, но завала у входа нет. Я бросился внутрь. Страшное зрелище предстало моим глазам в холодном свете раннего утра. Наши вещи в беспорядке валялись по всей поляне; моих спутников нигде не было, а возле потухшего костра краснела на траве большая лужа крови.

Я был так потрясен этой неожиданностью, что первое время вообще потерял способность соображать. Припоминаю только как тяжелый кошмар свои метания по лесу вокруг опустевшего лагеря, отчаянные призывы, обращенные к товарищам. Но лесная чаща безмолвствовала. Меня сводили с ума страшные мысли. Что, если я больше не увижу их? Что, если я останусь один в этом ужасном месте и никогда не смогу вернуться в мир? Что, если судьба обречет меня жить и умереть здесь? Мне хотелось рвать на себе волосы и биться головой о землю в припадке отчаяния. Только теперь я понял, какой опорой были для

меня товарищи — и Челленджер с его безмятежной самоуверенностью, и властный, хладнокровный лорд Рокстон, никогда не теряющий чувства юмора. Без них я был как слабый, беспомощный ребенок, оставшийся один в темноте. Куда мне податься, что делать, с чего начать?

Некоторое время я сидел совершенно подавленный, потом мало-помалу пришел в себя и стал раздумывать, какая же злая участь постигла моих спутников. Разгром, учиненный в лагере, свидетельствовал о том, что они подверглись нападению, очевидно, в ту самую минуту, когда я услышал выстрел. Но выстрел был только один, значит все кончилось мгновенно. Винтовки лежали тут же на земле, а в затворе одной из них, принадлежавшей лорду Джону, был стреляный патрон. Судя по брошенным у костра одеялам Челленджера и Саммерли, беда настигла их во время сна. Ящики с патронами и провизией валялись по всей поляне; тут же я увидел наши фотографические аппараты и коробки с пластинками. Все это было цело, зато съестные припасы, вынутые из ящиков, исчезли, а их, помнится, было изрядное количество. Следовательно нападение на лагерь произвели не люди, а звери, ибо в противном случае тут, вероятно, ничего бы не осталось.

Но если это действительно звери или какое-нибудь одно чудовище, то что же сталось с моими спутниками? Хищники, конечно, растерзали бы их, но где же останки? Правда, лужа крови достаточно красноречиво говорила о случившемся, а динозавр, который преследовал меня ночью, мог бы унести свою жертву с такой же легкостью, с какой кошка уносит мышь. В таком случае оставшиеся двое, вероятно, бросились за ним вдогонку. Но почему же они не взяли с собой винтовок? Мой усталый, измученный мозг отказывался разгадать эту загадку. Поиски в лесу тоже ничего не дали. Я заплутался и только благодаря счастливой случайности снова вышел к лагерю, потратив на это не меньше часа.

И тут в голову мне пришла одна мысль, в которой было кое-какое утешение. Все-таки я не совсем один здесь. У подножия скал остался верный Самбо. Он услышит мой голос. Я подошел к обрыву и заглянул вниз. Ну, конечно, вон он сидит на одеяле у костра! Но там есть кто-то еще. Кто же это? Сердце екнуло у меня от радости. Может быть, один из моих товарищей как-то ухит-

рился спуститься вниз? Но стоило мне присмотреться повнимательнее, и надежда угасла. Кожа человека, сидевшего напротив Самбо, отливала красным в лучах восходящего солнца. Это был индеец. Я громко крикнул и замахал носовым платком. Самбо вскинул голову, махнул рукой мне в ответ и побежал к утесу. Прошло несколько минут, и он уже стоял на его вершине, совсем близко от меня, и в горестном молчании слушал мой рассказ.

— Их унес дьявол, мистер Мелоун,— сказал Самбо.— Вы пришли в страну дьявола, и он всех вас возьмет к себе. Слушайте, что говорит Самбо, сэр: поскорей спускайтесь вниз, а то и вам будет беда.

— Как же я спущусь, Самбо?

— Рубите лианы с деревьев, мистер Мелоун. Бросайте их сюда. Я привяжу лианы к пеньку, и будет мост.

— Мы сами об этом думали. Но лианы нас не выдержат.

— Пошлите за веревками, мистер Мелоун.

— Кого же я пошлю и куда?

— Пошлите в индейский поселок, сэр. В индейском поселке много веревок из кожи. Внизу есть индеец, пошлите его.

— Откуда он взялся?

— Это наш индеец. У него все отняли, а самого побили. Он вернулся. Теперь возьмет письмо, принесет веревки — все сделает.

Возьмет письмо... Что ж, это мысль! Может быть, кто-нибудь придет нам на помощь? А если нет, открытия, которыми мы обогатили науку, дойдут до наших друзей, и мир узнает, что мы погибли не зря. Два письма были у меня уже готовы. За сегодняшний день напишу третье, в котором ход событий будет доведен до последней минуты. Индеец доставит мои письма туда, в мир.

Я приказал Самбо подняться на утес еще раз, ближе к вечеру, и весь этот унылый день посвятил описанию того, что произошло со мной минувшей ночью. К письмам я присовокупил также коротенькую записку, которую индеец должен будет вручить первому попавшемуся белому-торговцу или капитану какого-нибудь судна. В записке было сказано, что наша жизнь зависит от того, пришлют нам канаты или нет. Вечером я переправил Самбо все письма и свой кошелек с тремя фунтами стерлингов.

Деньги предназначались индейцу, а за канаты ему была обещана вдвое бóльшая сумма.

Теперь, дорогой мистер Мак-Ардл, вы поймете, каким образом мои письма дошли до вас, и узнаете всю правду о своем неудачливом корреспонденте, в случае если он больше не напишет вам ни строчки. Сейчас я слишком измучен и слишком подавлен, чтобы строить какие-нибудь планы. Завтра подумаю о дальнейшем и, не теряя связи с лагерем, начну поиски моих несчастных товарищей.

Глава XIII

«ЭТОГО ЗРЕЛИЩА МНЕ НИКОГДА НЕ ЗАБЫТЬ»

В тот грустный день на закате солнца я увидел внизу уходившего индейца — нашу последнюю надежду на спасение — и до тех пор провожал глазами его одинокую крохотную фигурку, пока она не скрылась в розовом вечернем тумане, медленно вставшем между мной и далекой Амазонкой.

Было уже совсем темно, когда я побрел к нашему разгромленному лагерю, бросив напоследок еще один взгляд на костер Самбо — на этот единственный луч света, доходивший до меня из огромного мира и так же ласкавший мой взгляд, как присутствие верного негра ласкало мою омраченную душу. Но теперь, впервые после постигшей меня беды, я немного приободрился, утешая себя мыслью, что мир узнает о наших делах и сохранит в памяти наши имена, связав их навеки с теми открытиями, которые, быть может, достанутся нам ценой жизни.

Мне было страшно устраиваться на ночь в этом злополучном лагере, а джунгли пугали меня еще больше. Однако приходилось выбирать между тем и другим. Благоразумие требовало, чтобы я был настороже, но истомленному телу трудно было бороться с дремотой. Забравшись на дерево гингко, я тщетно искал такого местечка на его нижних ветвях, где можно было бы уснуть, не рискуя сломать себе шею при неминуемом падении.

Пришлось слезть и решать, как быть дальше. После долгих раздумий я завалил кустами вход в лагерь, разжег три костра, расположив их треугольником, сытно поужинал

и уснул крепким сном, который был прерван на рассвете самым неожиданным и самым приятным образом.

Ранним утром чья-то рука легла мне на плечо. Я вскочил, весь дрожа, схватился за винтовку и вдруг радостно вскрикнул, узнав лорда Джона, склонившегося ко мне в сером рассветном сумраке.

Да, это был он, но какая перемена произошла в нем! Последний раз я видел лорда Джона спокойным, сдержанным, в чистом белом костюме. Сейчас он стоял передо мной бледный, глаза его дико блуждали по сторонам, грудь тяжело вздымалась, как после долгого и стремительного бега, голова была непокрыта, худое лицо исцарапано и все в крови, костюм порван в клочья. Я смотрел на него, пораженный этим зрелищем, но он не дал мне даже открыть рта и принялся подбирать раскиданные по поляне вещи, бросая мне короткие, отрывистые фразы:

— Скорее, юноша, скорей! Дорога каждая минута. Возьмите винтовки — обе. Остальные у меня. Как можно больше патронов. Набейте ими карманы. Теперь — провизия. Шести банок хватит. Вот так. Ни о чем не спрашивайте, не рассуждайте. Ну, бежим, не то будет поздно.

Еще не проснувшись как следует, не соображая, что все это значит, я помчался по лесу за лордом Джоном с двумя винтовками подмышкой и с шестью консервными банками в руках. Он выбирал самые густые, с трудом проходимые заросли и, наконец, вывел меня к высоким кустам. Мы кинулись туда, не обращая внимания на колючки. Лорд Джон упал ничком на землю и потянул меня за собой.

— Ну вот! — еле выговорил он.— Теперь, кажется, мы в безопасности. Они нагрянут на лагерь, это как пить дать, и просчитаются.

— Что случилось? — спросил я, отдышавшись.— Где оба профессора? И кто на нас охотится?

— Человекообезьяны! — громким шепотом сказал лорд Джон.— Господи боже, что это за чудовища! Говорите тише. У них тонкий слух, зрение тоже, зато обоняние никуда не годится, насколько я мог заметить. По следам они до нас не доберутся. Где вы пропадали, юноша? Вам повезло, благодарите свою судьбу, что не попали в эту переделку.

Я шепотом поведал ему о своих приключениях.

— Да, плохи наши дела! — сказал лорд Джон, услы-

хав о динозавре и западне.— Здесь вам не курорт. Но все же полное представление о прелестях здешних мест я получил в ту минуту, когда на нас напали эти дьяволы. Мне однажды пришлось побывать в лапах у людоедов-папуасов, но они настоящие ангелы по сравнению с этими чудовищами.

— Расскажите, как все было,— попросил я.

— Это случилось на рассвете. Наши ученые друзья только продрали глаза и даже не успели сцепиться. И вдруг откуда ни возьмись обезьяны. Просто посыпались на нас, как яблоки с яблони. Они, наверное, еще затемно облепили высокое дерево, на которое вы лазали. Одной я тут же всадил пулю в брюхо, однако тем дело и кончилось — нас мигом уложили на обе лопатки. Я называю этих дьяволов обезьянами, но они размахивали палками, швыряли в нас камнями, тараторили между собой на своем языке и в довершение всего связали нам руки лианами. Это человекообезьяны, и по развитию они стоят выше всех зверей, которых мне приходилось встречать во время своих странствований, а я, слава богу, много шатался по белу свету. Как говорится, «недостающее звено». Ну, недостает, и черт с ним, обошлись бы и без него! А дальше дело было так. Они подхватили своего раненого сородича, из которого кровь хлестала, как из прирезанной свиньи, и унесли его куда-то, а потом уселись около нас кружком. Морды свирепые, того и гляди растерзают. Ростом они, пожалуй, с человека, но немного шире, коренастее. Сидят и смотрят, смотрят на нас... Брови рыжие, нависшие, глаза какие-то странные, будто из мутного стекла. Уж на что Челленджер не трус, а ему тоже стало не по себе. Как вскочит да как закричит: «Приканчивайте нас, нечего тянуть!» У него, верно, от всего этого в голове помутилось — уж очень он буйствовал. Пожалуй, будь на месте обезьян его заклятые враги репортеры, им и то меньше бы досталось.

— Ну, а обезьяны что?

Я с жадностью вслушивался в шепот лорда Джона, который рассказывал мне об этих поразительных происшествиях, а сам внимательно поглядывал по сторонам, не отнимая руки от винтовки со взведенным курком.

— Я уже думал: ну, конец нам! Но ничуть не бывало. Обезьяны затараторили, закричали. Потом одна подошла к Челленджеру и стала рядом с ним. Вы сейчас рас-

смеетесь, юноша, но до чего же они были похожи — как близкие родственники! Я бы сам не поверил, да глаза не лгут. Эта старая человекообезьяна, повидимому вожак племени, оказалась точной копией Челленджера, только что масть другая — рыжая. А все прочие очаровательные приметы нашего друга были налицо, правда несколько утрированные. Квадратный торс, широкие плечи, грудь колесом, полное отсутствие шеи, длинная рыжая борода, мохнатые брови и такой же заносчивый вид — пойдите, мол, вы все к черту! Словом, полное сходство. Когда это чудовище стало рядом с Челленджером и положило ему лапу на плечо, эффект получился потрясающий. Саммерли, настроенный несколько истерически, хохотал до слез, глядя на них. Обезьяны сначала тоже смеялись, если такое кудахтанье можно назвать смехом, а потом схватили нас и поволокли в лес. Винтовки и другие вещи они не тронули, видно побоялись, а вот провизию, вынутую из ящиков, всю забрали с собой. Дорогой нам с Саммерли здорово досталось — полюбуйтесь на мою физиономию и на эти лохмотья. Они тащили нас сквозь заросли, не разбирая пути, а им самим хоть бы что — у них шкура дубленая. Зато Челленджер нисколько не пострадал. Четыре обезьяны подняли его на плечи и понесли, как римского триумфатора. Тсс! Что это?

Откуда-то издали до нас донеслось странное потрескивание, напоминающее мелкую дробь кастаньет.

— Это они! — шепнул мой товарищ, закладывая патроны во вторую двустволку «экспресс».— Заряжайте обе винтовки, юноша, живьем мы не сдадимся, об этом не мечтайте. Слышите, как верещат?.. Значит, чем-то взволнованы. Подождите, голубчики, попробуйте только сунуться к нам, и вы еще не так заволнуетесь.

— Они где-то очень далеко.

— Эта банда до нас не доберется, но у них, наверно, по всему лесу рыщут разведчики. Ну, ладно, вернемся к моему скорбному повествованию. Так вот, эти дьяволы притащили нас в большую рощу у самого обрыва. У них там настоящий город на деревьях — до тысячи хижин из ветвей и листьев. Это в трех-четырех милях отсюда. Мерзкие твари! Мне кажется, я после них никогда не отмоюсь. Они меня всего перещупали своими грязными лапами. В городе нас связали уже по рукам и ногам, и я попался такому ловкачу, которому только бы морские узлы вя-

На страже поставили здоровенную обезьянищу с дубинкой

зать,— что твой боцман. Так вот, связали нас и положили под деревом, а на страже поставили здоровенную обезьянищу с дубинкой. Я все говорю «нас» да «нас», но это относится только ко мне и к Саммерли. Что же касается Челленджера, то он сидел на дереве, ел какие-то фрукты и наслаждался жизнью. Впрочем, нам от него тоже кое-что перепало, а главное — он ухитрился расслабить нам путы. Вы, наверно, не удержались бы от смеха, глядя, как наш профессор восседает на дереве, чуть не в обнимку со своим близнецом, и распевает густым басом: «О, звонкий колокол!». Музыка, видите ли, настраивала обезьян на миролюбивый лад. Да, вы бы рассмеялись, а нам было не до смеху. Челленджеру разрешалось делать все что угодно, разумеется в известных пределах, но для нас режим был установлен куда строже. Единственное, чем мы все утешались,— это мыслью, что вы на свободе и сбережете все наши записи и материалы.

А теперь, милый юноша, слушайте и удивляйтесь. Вы утверждаете, что, судя по некоторым признакам — костры, ловушки и тому подобное,— на плато существуют люди. А мы этих людей видели. И надо сказать, что бедняги

являют собой весьма печальное зрелище. Жалкий, запуганный народец! Да это и неудивительно. Повидимому, людское племя занимает ту часть плато, где пещеры, а обезьянье — другую, и между обоими племенами идет борьба не на жизнь, а на смерть. Вот так здесь обстоят дела, если мне удалось правильно в них разобраться.

Вчера человекообезьяны захватили в плен двенадцать туземцев и приволокли их к себе в город. Это сопровождалось такими криками и верещаньем, что я просто ушам своим не верил. Туземцы — краснокожие, совсем низкорослые. Дорóгой это зверье так их отделало когтями и зубами, что они еле передвигали ноги. Двоих тут же прикончили, причем у одного чуть не оторвали руку. В общем, зрелище было омерзительное. Эти несчастные держались молодцами, даже не пискнули, а мы просто не могли смотреть на них. Саммерли упал в обморок, Челленджер, и тот еле-еле выдержал... Ну, кажется, ушли.

Мы долго прислушивались к глубокой тишине леса, но ее ничто не нарушало, кроме щебетанья птиц. Лорд Джон снова вернулся к своему рассказу:

— Вам здорово повезло, юноша! Обезьяны так увлеклись индейцами, что о нас перестали и думать. Но не будь этого, второе нападение на лагерь было бы неминуемо. Вы оказались совершенно правы: они все время наблюдали за нами с дерева и прекрасно поняли, что одного человека не хватает. Но потом им стало уже не до вас. Вот почему своим пробуждением вы обязаны мне, а не стае обезьян. Бог мой, что нам пришлось испытать потом! Это какой-то кошмар! Вы помните бамбуковые заросли, где мы нашли скелет американца? Так вот, они приходятся как раз под обезьяньим городом, и обезьяны сбрасывают туда своих пленников. Я уверен, что там горы этих скелетов, надо только поискать как следует. Над обрывом у них расчищен настоящий плац для подобных церемоний. Несчастных пленников заставляют прыгать в пропасть поодиночке, и весь интерес заключается в том, разобьются ли они в лепешку или напорются на острый бамбук. Все обезьянье племя выстроилось над обрывом, и нас тоже потащили полюбоваться на это зрелище. Первые пятеро индейцев прыгнули вниз, и бамбук прошел через их тела, словно вязальные спицы через масло. Я теперь не удивляюсь, вспоминая скелет бедного янки. Да, зрелище страшное... Но вместе с тем захватывающее. Мы, как зачарованные,

смотрели на эти прыжки, хотя каждый из нас думал: сейчас настанет моя очередь.

Однако до этого не дошло. Пятерых индейцев приберегли на сегодня, но бенефициантами в этом спектакле, вероятно, были бы мы — Саммерли и я. Челленджер, по-видимому, вывернется. Понять обезьян не так уж трудно, потому что они изъясняются главным образом знаками. И вот, следя за их переговорами, я решил: пора действовать. Кое-какие планы у меня уже были. Но приходилось полагаться только на свои силы — от Саммерли толку никакого, Челленджер немногим лучше. Им удалось сойтись вместе на каких-нибудь несколько минут, и они тут же затеяли яростный спор по поводу научной классификации этих рыжих дьяволов, которые держали нас в своей власти. Один утверждал, что это яванские дриопитеки*, другой называл их питекантропами*. Просто рехнулись оба! Но у меня было совсем иное на уме. Прежде всего я обратил внимание, что по ровной местности эти твари бегают хуже человека, так как ноги у них короткие, кривые, а туловище грузное. Челленджер, и тот дал бы фору самому лучшему их бегуну, а мы с вами настоящие чемпионы против них. Затем еще одно немаловажное наблюдение: они понятия не имеют об огнестрельном оружии. По-моему, им было даже невдомек, что случилось с той обезьяной, которую я ранил. Словом, только бы нам добраться до своих винтовок, а там мы им покажем.

И вот сегодня на рассвете я дал своему часовому здоровенного пинка в брюхо, примчался в лагерь, захватил вас, винтовки... А дальнейшее вам известно.

— Но как же будет с нашими профессорами? — в ужасе воскликнул я.

— Надо выручать их. Бежать со мной они не могли — Челленджер сидел на дереве, а у Саммерли не хватило бы сил, поэтому я решил, что прежде всего надо достать винтовки, а уж потом спасать остальных. Правда, обезьяны могут укокошить их в отместку. Челленджера они вряд ли тронут, но за Саммерли не ручаюсь. Впрочем, ему так или иначе грозила бы смерть. В этом я совершенно уверен. Так что мое бегство не могло ухудшить положения. Но теперь честь обязывает нас или спасти товарищей, или разделить с ними их участь. А посему, дорогой мой юноша, кайтесь в грехах, очищайте душу, ибо к вечеру ваша судьба будет решена.

Не знаю, удалось ли мне передать здесь характерную для лорда Рокстона манеру выражаться — отрывистость, энергичность его фраз, насмешливую бесшабашность тона. Этот человек был прирожденным вождем. Чем ближе надвигалась на нас опасность, тем красочнее становилась его речь, тем ярче разгорались его холодные глаза, тем больше и больше топорщились длинные, как у Дон-Кихота, усы. Он любил рисковать, наслаждался драматичностью, присущей истинным приключениям, особенно когда это касалось его самого, считал, что во всякой опасности есть своего рода спортивный интерес — интерес жестокой игры человека с судьбой, где ставкой служит жизнь. Все это делало лорда Джона незаменимым товарищем в трудные минуты жизни. Если б не страх за друзей, я бы не испытывал ничего, кроме радости, идя за таким человеком на опасное дело.

Мы уже хотели выбраться из своего убежища, как вдруг лорд Джон схватил меня за руку.

— Смотрите! — шепнул он.— Идут!

С нашего места открывался вид на узкую прогалину между деревьями, ветви которых сплетались вверху, образуя сплошной зеленый свод. На этой прогалине показался отряд человекообезьян. Сутулые, кривоногие, они бежали гуськом, озираясь по сторонам, и то и дело касались земли своими длинными руками. Сутулость уменьшала их рост, но, прикинув на взгляд, я определил его футов в пять, не меньше. Многие из них были вооружены дубинками, и на расстоянии эти широкогрудые существа сильно смахивали на обросших волосами уродливых людей. С минуту я видел их совершенно отчетливо. Потом они скрылись за кустами.

— Нет, сейчас еще рано,— сказал лорд Джон, опуская винтовку.— Лучше затаиться, пока они не перестанут рыскать по лесу. А потом посмотрим, может быть пробе-ремся к ним в город и застанем их врасплох. Дадим им еще час на поиски и тогда пойдем.

Воспользовавшись этой отсрочкой, мы вскрыли одну из захваченных с собой банок и принялись завтракать. Лорд Рокстон ничего не ел с утра, если не считать нескольких плодов, и сейчас с жадностью накинулся на еду. Когда же завтрак был окончен, мы взяли в обе руки по винтовке и с полными карманами патронов двинулись на выручку друзей. Прежде чем выйти из зарослей, лорд Джон сделал не-

сколько зарубок на кустах, чтобы запомнить, в какой стороне находится Форт Челленджера, и в случае нужды сразу отыскать это место. Мы молча пробрались сквозь чащу и вышли на край обрыва, неподалеку от нашей первой стоянки. Здесь лорд Джон остановился и посвятил меня в свои планы.

— В густом лесу это зверье может сделать с нами все что угодно,— сказал он.— Они нас будут видеть, а мы их нет. Но на открытом месте дело другое, потому что бегаем мы гораздо быстрее. Следовательно, будем держаться открытых пространств, покуда это возможно. Вдоль края плато лес реже, оттуда мы и начнем наступление. Идите не спеша, смотрите в оба и держите винтовку наготове. А главное — помните: живьем в руки не даваться, отстреливайтесь до последнего патрона. Вот вам мой последний совет, юноша.

Когда мы вышли к обрыву, я заглянул вниз и увидел нашего доброго негра, который покуривал трубку, сидя на камнях. Как мне хотелось окликнуть его и рассказать ему, что с нами случилось! Но это было рискованно — нас могли услышать. Лесная чаща, казалось, так и кишела человекообезьянами; их своеобразное пронзительное верещанье то и дело долетало до нашего слуха. Мы бросались в кусты и отлеживались там до тех пор, пока эти звуки не затихали вдали. Это очень задерживало наше продвижение вперед, и нам понадобилось по меньшей мере два часа, чтобы добраться до обезьяньего города. Теперь он был близко — я понял это по той осторожности, с какой шел лорд Джон. Вот он махнул мне рукой, приказывая лечь, а сам пополз дальше, но вскоре повернул обратно. Лицо его подергивалось от волнения.

— Скорей! — шепнул он.— Скорей! Только бы не опоздать! — Дрожа всем телом, я подполз к нему и выглянул из-за кустов на открывающуюся за ними поляну.

Этого зрелища мне никогда не забыть. Оно было так фантастично, так невероятно, что я не знаю, как описать его, чтобы вы поверили мне. Может быть, нам все же удастся выбраться отсюда живыми; пройдет несколько лет... я буду попрежнему сидеть в гостиной клуба «Дикарь» и смотреть в окно на скучную, не вызывающую сомнений в своей реальности набережную Темзы... Так вот, поверю ли тогда я сам, что все это происходило у меня на глазах? Не покажется ли мне, что это был дикий кошмар, что я при-

нимал горячечные видения за действительность? Вот почему я хочу записать все это как можно скорее, пока события свежи у меня в памяти, пока хотя бы один человек — тот, что лежит рядом со мной в сырой траве, сможет подтвердить каждое написанное здесь слово.

Перед нами расстилалась поляна шириной ярдов в сто, покрытая вплоть до самого обрыва густой зеленой травой и невысоким папоротником. Эту поляну полукругом обступали деревья, усаженные в несколько ярусов странного вида домиками, свитыми из веток и листьев. Представьте себе грачевник, где вместо гнезд домики, и вы поймете, о чем я говорю. У входов в них и на ближних ветках сидели обезьяны,— судя по их небольшим размерам, самки и детеныши обезьяньего племени. Все они с любопытством следили за тем, что происходило внизу и от чего мы сами не могли отвести глаз.

На открытом месте недалеко от края плато столпилось несколько сотен этих лохматых рыжих существ. Среди них возвышались настоящие гиганты, и все они без исключения были омерзительны. Обезьяны держались все вместе, очевидно соблюдая какой-то порядок. Перед ними стояло несколько низкорослых, но очень пропорционально сложенных индейцев, кожа которых отливала бронзой в ярких лучах солнца. В этой маленькой кучке выделялась высокая, худая фигура белого человека. Понурая голова, сложенные на груди руки — все выражало ужас и полное отчаяние. Мы сейчас же узнали в нем профессора Саммерли.

Вокруг несчастных пленников было расставлено несколько человекообезьян, которые зорко следили за ними, готовясь пресечь всякую попытку к бегству. Правее, у самого края плато, стояли особняком еще две фигуры, такие нелепые — при других обстоятельствах их можно было бы назвать даже комическими,— что, увидев эту пару, я уже не мог оторвать от нее глаз. Один из них был наш товарищ, профессор Челленджер. Жалкие лохмотья, оставшиеся от куртки, все еще держались на нем, но рубашка исчезла, словно ее и не было, и его борода сливалась с густой поросльюю на могучей груди; волосы, сильно отросшие за время наших странствований, черной гривой развевались по ветру. Достаточно было одного дня, чтобы превратить этот высший продукт современной цивилизации в последнего дикаря Южной Америки.

Рядом с Челленджером стоял его владыка — царек человекообезьяньего племени. Лорд Джон не преувеличивал: это была точная копия нашего профессора с поправкой лишь на рыжую масть. Та же приземистая фигура, те же массивные плечи и длинные руки, та же кудлатая борода, спускающаяся на волосатую грудь. Разница сказывалась лишь в следующем: низкий приплюснутый лоб человекообезьяны представлял собой полный контраст великолепному черепу европейца. Что же касается всего остального, то обезьяний царек был настоящей карикатурой на профессора.

На бумаге это описание занимает очень много места, но тогда я охватил всю картину в один миг и тут же отвлекся от нее, поглощенный драмой, которая разыгрывалась у нас на глазах. Две человекообезьяны схватили одного индейца и поволокли его к обрыву. Царек взмахнул рукой — это был сигнал. Чудовища подняли человека за руки и за ноги и, раскачав, швырнули его в пропасть. Сила взмаха была так велика, что несчастный описал дугу в воздухе, прежде чем камнем полететь вниз. Вся обезьянья толпа, за исключением часовых, бросилась к обрыву, замерла там в напряженном молчании и вдруг разразилась ликующими криками. Обезьяны скакали, как одержимые, размахивали длинными волосатыми руками и выли от восторга. Потом они отхлынули от обрыва и построились прежним порядком в ожидании следующей жертвы.

На этот раз настала очередь Саммерли. Двое часовых схватили его за руки и грубо толкнули вперед. Он трепыхался и бился, как цыпленок, которого тащат из курятника. Челленджер отчаянно жестикулировал, обращаясь к обезьяньему царьку. Он просил, умолял, заклинал пощадить его товарища. Но обезьяна бесцеремонно оттолкнула своего двойника и замотала головой. Это было ее последнее сознательное движение: щелкнул выстрел, и рыжий царек мешком повалился на землю.

— Стреляй в толпу! Не жалей пуль, сынок! — крикнул мне лорд Джон.

В душе каждого, даже самого заурядного человека таятся неведомые ему бездны. Я всегда славился своим мягкосердечием; стоны раненого зайца не раз исторгали у меня горькие слезы из глаз. Но теперь меня обуяла жажда крови. Я вскочил на ноги, я выпускал пулю за пулей сначала из одной винтовки, потом из другой. Щелкал

затворами, перезаряжая их, и все время кричал, не помня себя от какого-то яростного восторга. Вдвоем, стреляя из четырех винтовок, мы произвели страшное опустошение в рядах обезьян. Оба часовых, приставленных к Саммерли, валялись мертвые, а он шел, пошатываясь, как пьяный, и, видимо, не сознавал, что его освободили. Наши враги растерянно метались по поляне, ничего не понимая, не зная, куда деваться от неожиданно налетевшего на них вихря смерти. Они размахивали руками, визжали, падали, спотыкаясь о трупы. Потом, повинуясь инстинкту, толпой ринулись под защиту деревьев, и поляна, усеянная телами убитых обезьян, опустела. Посередине ее стояла только маленькая кучка пленников.

Быстрый ум Челленджера мигом оценил положение. Он схватил ошеломленного Саммерли за руку и, таща его за собой, побежал к нам. Двое часовых метнулись было за ними, но лорд Джон мигом уложил сначала одного, потом другого, не потратив лишней пули. Мы выбежали из кустов навстречу нашим друзьям и сунули каждому в руки по заряженной винтовке. Но тут Саммерли совершенно обессилел. Он едва передвигал ноги. Между тем человекообезьяны уже успели оправиться от страха. Они рассыпались среди кустов, видимо собираясь отрезать нам путь. Мы с Челленджером подхватили Саммерли под руки, а лорд Джон прикрывал наше отступление, посылая пулю за пулей в страшные, оскаленные морды, то и дело выглядывавшие из кустарника. Примерно с милю, а то и больше эти твари с оглушительным визгом преследовали нас по пятам. Потом стали отставать, убедившись в нашем превосходстве и не желая больше попадать под меткие пули лорда Джона. Добравшись, наконец, до лагеря, мы оглянулись назад и убедились, что теперь нас оставили в покое. По крайней мере так нам казалось, но это была ошибка. Мы успели только завалить вход в лагерь, пожать друг другу руки и в изнеможении растянуться у источника посреди поляны, как вдруг за оградой послышались чьи-то быстрые шаги и сейчас же вслед за этим тихие жалобные всхлипывания. Лорд Джон подбежал с винтовкой к завалу и выглянул наружу. За оградой, уткнувшись лицом в землю, лежали четыре медно-красные фигурки оставшихся в живых индейцев. Они дрожали от страха, но это не мешало им молить нас о защите. Один из них встал, выразительно повел руками, очевидно желая сказать, что

На этот раз настала очередь Саммерли. Двое часовых схватили его за руки и грубо толкнули вперед

Оплот науки сидел, зажав между коленями открытую консервную банку

лес вокруг нашего лагеря полон опасностей, потом упал лорду Джону в ноги и прижался лицом к его коленям.

— Это еще что такое? — воскликнул наш предводитель, в замешательстве теребя усы.— Нет, в самом деле, как же нам быть с этой публикой? Вставай, дружок, вставай, оставь мой сапог в покое.

— О них тоже надо позаботиться,— сказал Саммерли, набивая трубку.— Вы всех нас вырвали из когтей смерти. Как это было сделано! Я просто восхищаюсь вами.

— Изумительно! — воскликнул Челленджер.— Изумительно! Не только мы лично, но и весь ученый мир Европы останется у вас в неоплатном долгу. Скажу, не колеблясь, что гибель профессора Саммерли и профессора Челленджера пробила бы весьма заметную брешь в современной науке. Вы и наш юный друг заслуживаете всяческой похвалы.

Отеческая улыбка заиграла на губах Челленджера, но как бы удивился ученый мир Европы, если б он узрел в эту минуту свое любимое детище, свою надежду! Всклокоченные волосы, голая грудь, лохмотья. Оплот науки сидел, зажав между коленями открытую консервную банку, и пальцами отправлял в рот большой кусок австралийской баранины. Индеец взглянул на него, вскрикнул и снова припал к ногам лорда Джона.

— Не бойся, малыш,— сказал наш предводитель, поглаживая черную голову, жавшуюся к его коленям,— Челленджер, ваш вид привел индейца в ужас. И я не нахожу в этом ничего удивительного. Успокойся, дружок, это человек, такой же, как мы.

— Однако, сэр! — вскричал Челленджер.

— Ничего, профессор, вы должны благодарить судьбу, что она наградила вас не совсем обычной внешностью. Если б не ваше большое сходство с обезьяньим царьком...

— Довольно, лорд Джон Рокстон! Вы слишком много себе позволяете!

— Факт остается фактом.

— Прошу вас, сэр, переменить тему разговора! Ваши замечания совершенно неуместны и к делу не относятся. Нам надо решить, что делать с этими индейцами. Повидимому, придется доставить их домой. Но где они живут? Вот вопрос.

— На этот счет можете не сомневаться,— сказал я.— Индейцы живут в пещерах по ту сторону центрального озера.

— Ах, вот как! Нашему юному другу известно, где находится их жилье. Это, вероятно, не так близко отсюда?

— Миль двадцать, не меньше,— ответил я.

Саммерли застонал:

— Я-то во всяком случае туда не доберусь. Вы слышите? Эти твари все еще рыщут по нашим следам.

И действительно, из темной лесной чащи до нас донеслось далекое верещанье человекообезьян. Индейцы снова начали подвывать от страха.

— Надо уходить отсюда, и как можно скорее,— сказал лорд Джон.— Юноша, вы поможете Саммерли. Индейцы понесут вещи. Ну, пошли, пока они нас не заприметили.

Меньше чем за полчаса мы добежали до нашего убежища в кустах и спрятались там. Взволнованные крики человекообезьян весь день доносились до нас со стороны нашего форта, но сюда никто из них не добрался, и усталые беглецы — и белые и краснокожие,— наконец, погрузились в долгий, крепкий сон.

Вечером я почувствовал сквозь дремоту, что кто-то тянет меня за рукав, и, открыв глаза, увидел перед собой Челленджера.

— Мистер Мелоун, насколько мне известно, вы ведете дневник и рассчитываете со временем опубликовать его,— начал он весьма торжественным тоном.

— Меня послали сюда в качестве репортера,— ответил я.

— Вот именно. Вы, вероятно, слыхали глупые намеки лорда Джона Рокстона, что... что будто бы... есть некоторое сходство между...

— Да, слыхал.

— Мне незачем вам говорить, что опубликование подобного вздора... и вообще малейшая вольность в изложении событий будут для меня чрезвычайно оскорбительны.

— Я обещаю строго придерживаться фактов.

— Лорд Джон склонен предаваться всяким фантазиям, и ему ничего не стоит как-нибудь по-своему объяснить то уважение, которое даже самые некультурные расы питают к человеческому достоинству. Вам ясна моя мысль?

— Вполне.

— Так я полагаюсь на ваш такт,— сказал Челленджер и после долгой паузы добавил: — А этот обезьяний царек был весьма незаурядным существом... необычайно внушительная внешность и такой разумный! Не правда ли?

— Весьма достойная личность,— ответил я.

И профессор, видимо успокоившись, снова улегся спать.

Глава XIV

«ЭТО БЫЛА НАСТОЯЩАЯ ПОБЕДА»

Мы воображали, что наши преследователи, человекообезьяны, не подозревают о существовании этого убежища в кустах, однако вскоре нам пришлось убедиться в своей ошибке. В лесу стояло полное безмолвие — ни звука, ни шелеста листьев... И все-таки прежний опыт должен был подсказать нам, с какой хитростью и с каким терпением эти твари выслеживают свою добычу и выжидают удобного случая для нападения. Не знаю, что мне сулит судьба в дальнейшем, но вряд ли я буду когда-нибудь так близок к смерти, как в то утро. Сейчас расскажу все по порядку.

Сон не помог нам восстановить силы после страшных волнений и голодовки предыдущего дня. Саммерли был так слаб, что еле держался на ногах, но с присущим ему упорством и мужеством не хотел признаться в этом. Мы созвали военный совет и решили посидеть здесь еще часа два, подкрепиться завтраком, что было крайне необходимо, а потом отправиться в путь через все плато и выйти к пещерам на тот берег центрального озера, где, по моим наблюдениям, жили люди. Мы надеялись, что спасенные нами индейцы замолвят за нас доброе слово, и рассчитывали на хороший прием со стороны их соплеменников.

После такого путешествия Страна Мепл-Уайта еще больше приоткроет перед нами свои тайны, и, выполнив возложенную на нас миссию, мы сосредоточим все свои помыслы на том, как нам выбраться отсюда и снова вернуться в мир. Даже сам Челленджер признавал, что цель нашей экспедиции будет достигнута и что после этого долг обяжет нас как можно скорее поведать всему

цивилизованному миру о сделанных нами удивительных открытиях.

Теперь мы могли повнимательнее приглядеться к спасенным индейцам. Они были небольшого роста, мускулистые, ловкие, незлобивые на вид, с правильным овалом лица, лишенного всякой растительности, и с гладкими черными волосами, схваченными на затылке кожаным ремешком. Одежда их состояла лишь из повязки на бедрах, тоже кожаной. Разорванные кровоточащие мочки свидетельствовали о том, что в ушах у них были какие-то украшения, которые остались в лапах их врагов — обезьян. Индейцы живо переговаривались между собой на незнакомом нам языке, но мы все же поняли, что их племя называется «аккала». Они произнесли это слово несколько раз подряд, показывая друг на друга, потом замахали стиснутыми кулаками в сторону леса и, дрожа от страха и ненависти, крикнули: «дода! дода!» — так, очевидно, именовались у них человекообезьяны.

— Что вы о них скажете, Челленджер? — спросил лорд Джон.— Для меня ясно только одно: вон тот юноша с выбритым лбом — их вождь.

И действительно, этот индеец держался особняком, а остальные обращались к нему со знаками глубочайшего уважения, несмотря на то, что все они были старше его. Гордость и независимость сквозили в каждом движении юноши, и когда Челленджер положил свою огромную лапищу ему на голову, он отпрянул от него, как пришпоренный конь, и, гневно сверкнув черными глазами, отошел назад. Потом приложил ладонь к груди и, весь преисполненный достоинства, несколько раз повторил слово «Маретас».

Профессор, нимало не смутившись, схватил за плечо другого индейца и, поворачивая его из стороны в сторону, словно наглядное пособие, начал читать нам лекцию.

— Развитый череп, лицевой угол и некоторые другие признаки говорят о том, что это племя не может быть отнесено к низшей расе,— загудел он своим звучным басом.— В расовой шкале мы должны отвести ему место впереди многих других племен Южной Америки. Я твердо уверен, что здесь, на плато, возникновение и развитие этого племени было бы невозможно. Но ведь и человекообезьян отделяет огромная пропасть от сохранившихся здесь доисторических животных. Следовательно, они тоже не могли появиться и эволюционировать в Стране Мепл-Уайта.

— Откуда же они взялись? С неба что ли свалились? — спросил лорд Джон.

— Этот вопрос, несомненно, вызовет горячие споры среди ученых Европы и Америки,— ответил профессор.— Мое собственное толкование его — правильное или неправильное (при этих словах он выпятил грудь и с необычайным высокомерием повел вокруг глазами) — заключается в следующем: в здешних, весьма своеобразных условиях эволюция достигла стадии позвоночных, причем старые формы продолжали жить и развиваться бок о бок с новыми. Вот почему наряду с формами юрского периода здесь уживаются и современный тапир — животное с весьма почтенной родословной, и крупный олень, и муравьед. Пока все ясно. Но вы спросите: а человекообезьяны, а индейцы? Как научная мысль должна отнестись к их пребыванию на плато? На мой взгляд, объяснение может быть только одно: они проникли сюда извне. Очень возможно, что какие-то человекообразные обезьяны, существовавшие в Южной Америке, перебрались сюда еще в незапамятные времена и в результате своей эволюции дали тот вид человекообезьян, отдельные представители которого (тут Челленджер посмотрел на меня в упор) обладают столь внушительной и благообразной внешностью, что при наличии разума они могли бы украсить собой даже человеческую расу. Что же касается индейцев, то это племя иммигрировало сюда с равнины в более поздние времена под влиянием либо голода, либо преследований врага. Столкнувшись здесь с невиданными доселе чудовищами, они укрылись в пещерах, о которых рассказывал наш юный друг. Однако им, несомненно, приходилось бороться не на жизнь, а на смерть с дикими зверями, в частности с обезьянами, кои не желали примириться с вторжением человека и вели с ним беспощадную войну, пуская в ход всю свою хитрость, а в этом они могут поспорить с любыми, более крупными существами. Вот чем объясняется, на мой взгляд, немногочисленность индейского племени. Итак, джентльмены, что вы теперь скажете? Правильно я разгадал эту загадку или у вас имеются какие-нибудь возражения по существу?

Но профессору Саммерли было не до споров, и он только отчаянно замотал головой в знак протеста. Лорд Джон поскреб свою лысеющую макушку и отказался принять вызов Челленджера, мотивируя это тем, что он борец

другого веса и другой категории. Я же остался верен себе и перевел беседу в более прозаический план, объявив, что один из индейцев куда-то запропастился.

— Он ушел,— сказал лорд Рокстон.— Мы дали ему банку из-под консервов и отправили за водой.

— В старый лагерь? — спросил я.

— Нет, к ручью. Это недалеко, вон за теми деревьями. Каких-нибудь сто ярдов. Но этот малый, видно, не торопится.

— Пойду посмотрю, что он там делает,— сказал я и, захватив винтовку, пошел в лес, предоставив друзьям заниматься приготовлениями к скудному завтраку.

Вам покажется опрометчивым с моей стороны, что я даже на такой короткий срок решился покинуть наше надежное убежище в кустах, но ведь обезьяний город был далеко, ведь враги потеряли наши следы, а кроме того, у меня была при себе винтовка. Но, как оказалось в дальнейшем, я недооценивал коварства и силы человекообезьян.

Ручей журчал где-то совсем близко, но густые заросли деревьев и кустарника скрывали его от меня. Я уже довольно далеко отошел от товарищей, как вдруг в глаза мне бросилось что-то красное.

К моему ужасу, это оказался труп посланного за водой индейца. Несчастный лежал скорчившись, и голова у него была так неестественно вывернута, будто он смотрел вверх, через плечо. Я крикнул, предупреждая друзей об опасности, подбежал к индейцу и нагнулся над ним... Вероятно, мой ангел-хранитель был где-то совсем близко в эту минуту, ибо инстинкт, а может статься, и шорох листьев заставили меня взглянуть вверх. Из густой зеленой листвы, нависшей над самой моей головой, ко мне медленно тянулись две длинные мускулистые руки, покрытые рыжими волосами. Еще секунда, и жадные пальцы сомкнулись бы вокруг моей шеи. Я отскочил назад, но эти руки оказались еще проворнее. Правда, прыжок спас меня от мертвой хватки, но одна лапа вцепилась мне в затылок, другая в лицо, а потом, когда я закрыл горло ладонями,— в пальцы.

Я почувствовал, что отделяюсь от земли, что голову мне отгибают назад с непреодолимой силой... Казалось, еще секунда, и шейные позвонки не выдержат. Мозг начинал затуманиваться, но я не отпускал этой страшной руки и,

наконец, оторвал ее от подбородка. Надо мной склонилась омерзительная морда с холодными светлоголубыми глазами, беспощадный взгляд которых сковывал меня гипнотической силой. Бороться не было сил. Как только чудовище почувствовало, что я слабею, в его омерзительной пасти сверкнули два белых клыка, и оно еще сильнее стиснуло лапу, все больше запрокидывая мне голову. Перед глазами у меня поплыли мутные круги, в ушах зазвенели серебряные колокольчики. Где-то вдали послышался выстрел, я ударился о землю, почти не ощутив при этом боли, и потерял сознание.

Очнувшись, я увидел, что лежу на траве в нашем убежище, среди кустов. Кто-то уже успел сбегать к ручью, и лорд Джон смачивал мне голову водой, а Челленджер и Саммерли заботливо поддерживали меня с двух сторон. Увидев перед собой их встревоженные лица, я впервые понял, что наши профессора не только мужи науки, но и люди, способные на простые человеческие чувства. Никаких телесных повреждений на мне не было. Повидимому, мой обморок был вызван только сильным потрясением, ибо через полчаса я уже окончательно пришел в себя, если не считать боли в затылке и в шее.

— Ну, дорогой мой юноша, на сей раз вы были на волосок от смерти,— сказал лорд Джон.— Когда я бросился на ваш крик и увидел, что это чудовище откручивает вам голову и вы уже подняли все четыре лапки кверху, у меня прежде всего мелькнула мысль: ну, нашего полку убыло! Я даже промахнулся впопыхах, но все-таки эта тварь бросила вас и сразу же удрала. Эх, черт! Дали бы мне сюда пятьдесят человек с ружьями, мы бы живо навели здесь порядок — и следа бы не оставили от этой нечисти.

Теперь было совершенно ясно, что человекообезьяны каким-то образом прознали о нашем убежище и не спускают с него глаз. Днем их можно было не бояться, но что будет ночью? Они наверняка нагрянут сюда. Значит, надо уходить, и чем скорее, тем лучше. С трех сторон нас окружала лесная чаща, где на каждом шагу можно было нарваться на засаду, но с четвертой начинался пологий склон, спускавшийся к центральному озеру, и там рос низкий кустарник с редкими деревьями, перемежающийся кое-где открытыми прогалинами. По этому склону я и шел один в ту ночь, и он вел прямо к пещерам индейцев. Следовательно, сюда нам и надо было держать путь.

Единственное, о чем мы жалели,— это о нашем лагере, и не столько из-за брошенных там запасов, сколько из-за негра Самбо, последнего связующего звена между внешним миром и нами. Впрочем, винтовки были при нас, недостатка в патронах тоже не ощущалось, так что некоторое время мы могли обойтись и этим, а дальше, надо думать, представится возможность вернуться на старое место и снова установить связь с нашим негром. Самбо твердо обещал не бросать нас, и мы не сомневались, что он сдержит свое слово.

Рано утром наша партия двинулась в путь. Впереди в качестве проводника шел молодой вождь, с негодованием отказавшийся нести какую-нибудь поклажу. За ним, взвалив на спину все скудное имущество экспедиции, шагали два уцелевших индейца. Наша четверка с ружьями наперевес замыкала шествие. Как только мы вышли из кустарника, безмолвная доселе лесная чаща вдруг наполнилась диким воем человекообезьян, которые не то ликовали, не то злорадствовали по поводу нашего ухода. Оглядываясь назад, мы ничего не видели, но этот протяжный вой ясно говорил, сколько врагов скрывалось за сплошной стеной зелени, обступившей нас со всех сторон. Однако гнаться за нами обезьяны, повидимому, не собирались, и, выйдя на более открытое место, мы совсем перестали бояться их.

Я шел самым последним и невольно улыбался, глядя на своих товарищей. Неужели это блистательный лорд Джон Рокстон, который не так давно принимал меня в розовом великолепии своих апартаментов в Олбени, устланных персидскими коврами и увешанных по стенам картинами? Неужели это тот самый профессор, который так величественно восседал за огромным письменным столом в Энмор-Парке? И, наконец, куда девался тот суровый, чопорный ученый, что выступал на заседании Зоологического института? Да разве у бродяг, встречающихся на проселочных дорогах Англии, бывает такой жалкий, унылый вид! Мы провели на плато всего лишь неделю, но наше запасное платье осталось внизу, а неделя эта была не из легких, хотя мне как раз не приходилось особенно жаловаться, ибо я не попал в лапы к обезьянам в ту ночь. Оставшись без шляп, все мои товарищи повязали головы платками; одежда висела на них лохмотьями, а слой грязи и небритая щетина меняли их почти до неузнаваемости. Саммерли и Челленджер сильно хромали, я тоже еле

волочил ноги, еще не оправившись как следует от утреннего потрясения, и с трудом ворочал шеей, одеревеневшей после мертвой хватки обезьяны. Да, мы представляли собой весьма печальное зрелище, и меня нисколько не удивляло, что наши спутники-индейцы то и дело оглядывались назад, взирая на нас с недоумением и даже с ужасом.

Было далеко за полдень, когда мы вышли из зарослей к берегам озера. Индейцы увидели его широкую гладь и с радостными возгласами замахали руками, показывая нам на воду. Картина была в самом деле изумительная. Прямо к тому месту, где мы стояли, неслась целая флотилия легких челнов. Они были далеко, за несколько миль, но это расстояние так быстро сокращалось, что вскоре гребцы разглядели, кто стоит на берегу. Оглушительные вопли громовым раскатом пронеслись над озером. Вскочив с мест, индейцы замахали веслами и копьями. Потом снова принялись грести и в мгновение ока пролетели оставшееся расстояние, вытащили челны на отлогий песчаный берег и с приветственными криками распростерлись ниц перед молодым вождем. Вслед за этим из толпы выступил пожилой индеец с ожерельем и браслетом из крупных блестящих стекляшек и в наброшенной на плечи великолепной пятнистой шкуре, отливающей янтарем. Он подбежал к юноше, нежно обнял его, потом посмотрел в нашу сторону, спросил что-то и, подойдя к нам, без всякого подобострастия, с большим достоинством обнял всех нас по очереди. По одному его слову остальные индейцы в знак уважения склонились перед нами до земли. Мне лично было не по себе от такого раболепия, лорда Джона и Саммерли оно, повидимому, тоже смутило, зато Челленджер расцвел, как цветок, согретый солнцем.

— Может быть, эти туземцы недалеко ушли вперед в своем развитии,— сказал он, поглаживая бороду и оглядывая распростертые перед нами тела,— но кое-кому из просвещенных европейцев следовало бы поучиться у них, как вести себя в присутствии высших существ. Подумать только, до чего безошибочен инстинкт первобытного человека!

Судя по всему, индейцы выступили в боевой поход, ибо, кроме копий из длинного бамбука с костяными наконечниками, каждый из них имел при себе лук и стрелы, дубинку или каменный топор у пояса. Мрачные, злобные взгляды, которые они кидали в сторону леса, откуда мы

вышли, и частое повторение слова «дода» свидетельствовали о том, что целью этого похода было либо выручить сына старого вождя (мы догадались об их родстве), либо отомстить за его смерть. Теперь все они расселись на корточках в кружок и держали военный совет, а мы поместились поодаль на базальтовой глыбе и стали наблюдать за происходящим. Первыми говорили воины, а потом к своему племени с горячим словом обратился и наш юный друг. Речь его сопровождалась столь красноречивой мимикой и жестикуляцией, что мы поняли ее всю, словно этот язык был знаком нам.

— Стоит ли возвращаться сейчас домой? — говорил он.— Рано или поздно мы должны будем пойти на это. Наши братья убиты. Что из того, что я остался жив и невредим, когда другие погибли? Кто из вас может быть спокоен за свою жизнь? Сейчас мы все в сборе.— Он показал на нас: — Эти пришельцы — наши друзья. Они великие воины и так же, как и мы, ненавидят обезьян. Им повинуются громы и молнии.— Тут он воздел руку к небу.— Представится ли когда-нибудь другой такой случай? Пойдемте же вперед и либо умрем, либо завоюем себе спокойную жизнь, и тогда нам не стыдно будет вернуться к нашим женщинам.

Маленькие краснокожие воины жадно слушали своего вождя, а когда он кончил, разразились восторженными криками и все как один взметнули копья в воздух. Его отец спросил нас о чем-то, показывая в сторону леса. Лорд Джон знаком предложил ему подождать и обратился к нам.

— Ну, решайте каждый сам за себя,— сказал он.— Я лично непрочь свести счеты с этими обезьянками, и если дело кончится тем, что они будут стерты с лица земли, то эта самая земля только похорошеет после такой операции. Я пойду с нашими новыми друзьями и не оставлю их до победного конца. А вы что скажете, юноша?

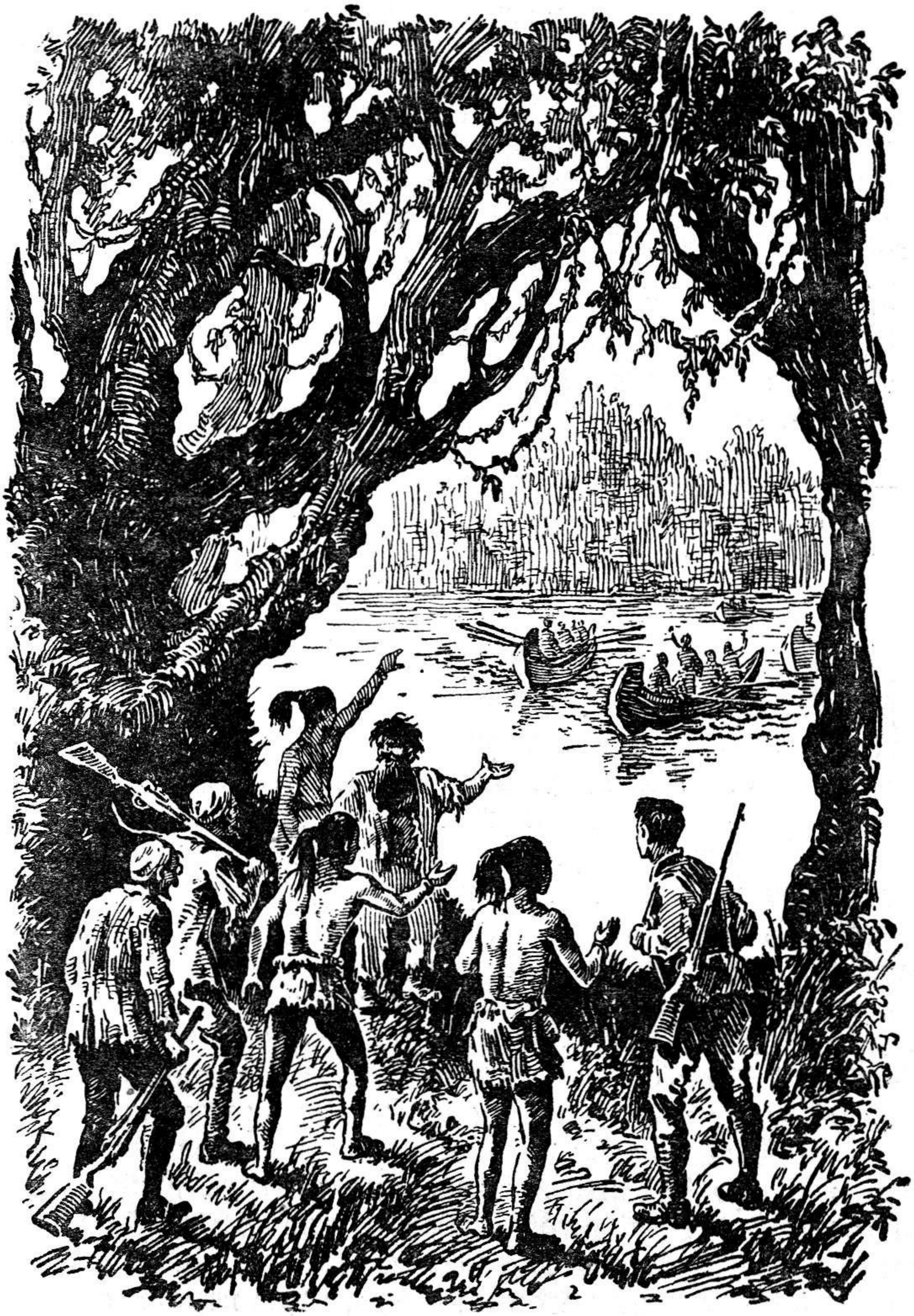
— Конечно, я с вами!

— А вы, Челленджер?

— Можете рассчитывать на мою помощь.

— А вы, Саммерли?

— Мы все дальше и дальше отклоняемся от цели нашей экспедиции, лорд Джон. Уверяю вас, я вовсе не для того покинул профессорскую кафедру в Лондоне, чтобы

Прямо к тому месту, где мы стояли, неслась целая флотилия легких челнов

Огромные игуанодоны являются собственностью туземцев

возглавлять набег краснокожих на колонию человекообразных обезьян.

— Да, в самом деле, как мы низко пали! — с улыбкой сказал лорд Джон.— Но ничего не поделаешь, так уж вышло. Ну, мы ждем вашего ответа.

— Это весьма сомнительное предприятие,— не сдавался Саммерли,—но если вы все уйдете, мне не остается ничего другого, как следовать за вами.

— Значит, решено,— сказал лорд Джон и, повернувшись к старому вождю, утвердительно кивнул и похлопал ладонью по винтовке.

Старик пожал всем нам руки, а его соплеменники разразились еще более восторженными криками.

Выступать в поход было уже поздно, и индейцы наскоро разбили лагерь. Повсюду загорелись, задымили костры. Небольшая группа ушла в джунгли и вернулась, гоня перед собой молодого игуанодона, у которого тоже сидела асфальтовая нашлепка на плече. Один индеец подошел к нему и распорядился, чтобы его прирезали, и мы только тогда поняли, что огромные игуанодоны являются собственностью туземцев, все равно как у нас рогатый скот. Следовательно, загадочные асфальтовые пятна были всего-навсего чем-то вроде клейма, или тавра. Эти тупые травоядные существа, наделенные крохотным мозгом, отличаются такой беспомощностью, несмотря на свои огромные размеры, что с ними может справиться и ребенок. Не прошло и нескольких минут, как игуанодона освежевали, и куски мяса уже поджаривались на кострах вместе с какой-то крупночешуйчатой рыбой, которую индейцы наловили в озере, пустив в ход копья, вместо острог.

Саммерли лег на песок и заснул, а мы втроем отправились бродить по берегу озера, горя желанием узнать как можно больше об этой необычайной стране. Раза два на нашем пути попадались ямы с такой же синей глиной, как на болоте птеродактилей. Эти недействующие вулканические кратеры почему-то страшно интересовали лорда

Джона. Челленджер тоже нашел нечто достойное его внимания — это был сильно бивший грязевой гейзер, струи которого так и кипели пузырьками, выделявшими какой-то неведомый нам газ. Челленджер опустил в гейзер полую тростинку, поднес к ней спичку и, точно школьник, закричал от радости, когда подожженный газ взорвался и запылал синим огнем. Потом он приладил к тростинке кожаный кисет, наполнил и его газом и запустил в воздух. Этот эксперимент привел профессора в еще больший восторг.

— Горючий газ! Да какой — легче воздуха! Теперь я уверен, что в нем содержится значительное количество свободного водорода. Подождите, друзья мои! Джордж Эдуард Челленджер еще не исчерпал всех своих возможностей. Великий ум всегда заставляет природу служить себе. Вы еще убедитесь в этом собственными глазами! — Он горделиво выпятил грудь, но так и не поделился с нами своими тайными замыслами.

Что касается меня, то берег казался мне мало интересным по сравнению с самим озером. Появление индейцев и шум стоянки распугали все живое в его окрестностях, и ничто не нарушало тишины, стоявшей вокруг нашего лагеря, если не считать нескольких птеродактилей, которые парили высоко в небе, высматривая падаль. Но розоватые воды центрального озера жили своей жизнью. Чьи-то огромные аспидно-черные спины и зубчатые плавники то и дело взметали серебряные брызги над водой и снова исчезали в глубине. Песчаные отмели кишели какими-то уродливыми существами — не то огромными черепахами, не то ящерицами, и среди них нам особенно бросилось в глаза одно чудовище — плоское, словно лоскут кожи, оно подергивалось всей своей поверхностью, отливавшей жирными бликами, и медленно ползло по песку. Время от времени из воды вдруг вырастали головы каких-то змееподобных существ, которые, грациозно извиваясь, плыли словно в воротничке из пены и с таким же пенящимся шлейфом позади. Но, как оказалось, это были совсем не змеи. Одно такое существо вылезло на песчаную отмель недалеко от нас, и мы увидели, что длинная шея переходит у него в цилиндрическое туловище с огромными перепончатыми плавниками. Челленджер и Саммерли, уже присоединившийся к нам, себя не помнили от восторга и удивления.

— Плезиозавр! Пресноводный плезиозавр *! — воскликнул Саммерли.— И я вижу его собственными

Но, как оказалось, это были совсем не змеи

глазами! Мой дорогой Челленджер, кто из зоологов может похвалиться таким счастьем?

Наступила ночь, костры наших краснокожих союзников уже зардели в темноте, когда нам, наконец, удалось увести обоих профессоров от околдовавшего их первобытного озера. Но даже лежа на берегу далеко от воды, мы продолжали слышать всплески и фырканье исполинских чудовищ, обитавших в его глубинах.

С первыми рассветными лучами весь лагерь был уже на ногах, и час спустя мы выступили в наш беспримерный поход. Я часто мечтал дожить до той минуты, когда меня пошлют военным корреспондентом на фронт. Но какой мечтатель мог бы представить себе кампанию, подобную той, которую судьба послала на мою долю! Итак, приступаю к своему «первому донесению с театра военных действий».

За ночь наши силы пополнились новыми отрядами туземцев, так что к утру у нас насчитывалось уже до четырехсот-пятисот воинов. Вперед были высланы разведчики, а за ними сомкнутой колонной двигались главные силы. Мы поднялись по отлогому склону, поросшему кустарником, и вышли к джунглям. Копьеносцы и лучники рассыпались неровной цепью вдоль опушки. Рокстон и Челленджер заняли места на правом фланге, я и Саммерли — на левом. Итак, мы, вооруженные по последнему слову оружейной техники, вели в бой дикую орду каменного века.

Противник недолго заставил себя ждать. Лесная чаща огласилась пронзительным воем, и свора человекообезьян, вооруженных камнями и дубинками, ринулась в самый центр наступающих индейцев. Это был смелый, но довольно бессмысленный маневр, ибо неуклюжие, кривоногие твари не могли тягаться с ловкими, как кошки, туземцами. Страшное зрелище предстало нашим глазам: разъяренные обезьяны с пеной у рта, бешено сверкая белками, бросались на своих изворотливых врагов, стрелявших в

них из луков. Мимо меня с ревом пронеслось огромное чудовище, грудь и бока которого были утыканы стрелами. Я сжалился над ним и выстрелил — оно рухнуло замертво среди кустов алоэ. Но больше мне не пришлось стрелять, так как атака была направлена в самый центр цепи и индейцы отбили ее без нашей помощи. Из тех обезьян, которые участвовали в этой вылазке, вряд ли хоть одна убралась живая под защиту деревьев.

Но когда мы вступили в лес, дело приняло более серьезный оборот. Отчаянный бой продолжался час с лишним, и временами мне казалось, что наша песенка спета. Обезьяны выскакивали из чащи и укладывали своими дубинками сразу по три, по четыре индейца, не дав им даже времени пустить в ход копья. Удары их тяжелейших дубинок были сокрушительны. Один из них пришелся по винтовке Саммерли, и от нее остались одни щепы. Еще минута — и такая же участь постигла бы и его голову, но вовремя подоспевший индеец пронзил копьем замахнувшегося на Саммерли врага. Обезьяны, забравшиеся на деревья, швыряли в нас камнями и огромными сучьями, некоторые прыгали вниз, в самую гущу свалки, и дрались с ожесточением, до последней капли крови. Индейцы дрогнули, и если б не огонь наших винтовок, наносивший огромный урон противнику, ничто не удержало бы их от бегства. Однако вождь снова собрал своих воинов и с такой стремительностью повел их в атаку, что теперь уже приходилось отступать человекообезьянам. Саммерли был обезоружен, но я выпускал пулю за пулей, а с правого фланга тоже доносилась непрерывная стрельба.

Наконец, обезьян обуяла паника. Визжа и воя, они бросились врассыпную, а наши союзники с дикими воплями погнались за ними.

Этот день должен был вознаградить человека за все распри, не затихающие из века в век, за все жестокости и преследования, которыми только и была богата его убогая история. Отныне он становился господином плато, а человекозверь должен был раз и навсегда занять положенное ему подчиненное место.

Как ни мчались побежденные, ничто не могло спасти их от дикарей, и лесная чаща то и дело оглашалась победными кликами, звоном тетивы и глухим стуком падающих с деревьев тел.

Я бежал вслед за всеми и вдруг наткнулся на лорда Джона и Челленджера, которые отыскивали нас.

— Ну, кончено! — сказал лорд Джон.— Заключительную часть можно предоставить индейцам. Зрелище будет не из приятных. Чем меньше мы увидим, тем спокойнее будем спать.

Глаза Челленджера горели воинственным огнем.

— Друзья мои! На нашу долю выпало счастье присутствовать при одной из тех битв, которые определяют дальнейший ход истории, решают судьбы мира! — провозгласил он, с горделивым видом прохаживаясь перед нами.— Что значит победа одного народа над другим? Ровно ничего. Она не меняет дела. Но жестокие битвы на заре времен, когда пещерные жители одолевали тигров или когда слон впервые узнавал, что у него есть властелин,— вот это были подлинные завоевания, подлинные победы, которые оставляли след в истории.

Какую же надо было иметь веру в конечную целесообразность подобных побоищ, чтобы оправдывать их жестокость!

Идя по лесу, мы на каждом шагу встречали трупы обезьян, пронзенных копьями и стрелами индейцев. Изуродованные человеческие тела отмечали места особенно жарких схваток, когда враг дорого продавал свою жизнь. Впереди все время слышались крики и рев, и по ним мы следили за направлением погони. Человекообезьян оттеснили к их городу, там они собрали последние силы, но были сломлены, и теперь мы подоспели как раз во-время, чтобы присутствовать при страшной заключительной сцене. На ту самую поляну у края обрыва, которая два дня назад была свидетельницей наших подвигов, индейцы выгнали около сотни уцелевших в битве обезьян. Мы подошли в ту минуту, когда победители с копьями наперевес взяли эту кучку в полукольцо. Все было кончено в несколько секунд. Тридцать-сорок обезьян полегли тут же на месте. Остальные визжали, отбивались, но это ничему не помогло. Их сбросили в пропасть, и они разделили участь своих прежних жертв, напоровшихся на острый бамбук, который рос внизу, на глубине шестисот футов.

Челленджер был прав — отныне человек навсегда утвердил свое господство в Стране Мепл-Уайта. Самцы обезьяньего племени были истреблены все до одного, обезьяний город разрушен, самки и детеныши угнаны в

неволю. Последний кровавый бой положил конец вековой междоусобице человека и обезьяны.

Эта победа была нам сильно наруку. Мы вернулись в свой лагерь к брошенным там запасам и установили связь с нашим негром, который был досмерти напуган страшным зрелищем, когда обезьяны градом посыпались в пропасть.

— Уходите оттуда, уходите! — кричал он, и глаза лезли у него на лоб от страха.— Там дьявол, он вас погубит!

— Устами негра глаголет истина,— убежденно проговорил Саммерли.— Довольно с нас приключений, тем более что они по своему характеру совершенно не подобают людям нашего положения. Челленджер, напоминаю вам ваши слова. Отныне вы должны думать только о том, как вызволить нас из этой ужасной страны и вернуть в цивилизованный мир.

Глава XV

«ГЛАЗА НАШИ НЕ ПЕРЕСТАВАЛИ ДИВИТЬСЯ»

Я веду свой дневник изо дня в день и все жду той минуты, когда можно будет написать, что тучи, нависшие над нами, рассеялись и сквозь них глянуло солнце. Мы до сих пор не знаем, как выбраться отсюда, и горько сетуем на судьбу. И все же я совершенно ясно представляю себе, что когда-нибудь мы с благодарностью будем вспоминать об этой вынужденной задержке на плато, которая дала нам возможность наблюдать все новые и новые чудеса Страны Мепл-Уайта и жизнь ее обитателей.

Победа индейцев над племенем человекообезьян круто изменила наше положение. С тех пор мы стали подлинными хозяевами плато, ибо туземцы взирали на нас со страхом и благодарностью, помня, что наша чудодейственная сила помогла им расправиться с их исконными врагами. Они, вероятно, ничего не имели бы против, если б такие могущественные и загадочные существа совсем покинули плато, но спуск к равнине был неизвестен им. Насколько нам удалось понять по их знакам, плато соединялось раньше с равниной туннелем, нижний конец которого мы видели при обходе каменной гряды. В незапамятные времена этим путем поднялись на плато человекообезьяны и индейцы, а не так давно им же воспользовался Мепл-Уайт со своим товарищем. Но год назад здесь произошло сильное землетрясение, и верхнюю часть туннеля наглухо завалило обломками скал. Когда мы выражали свое желание спуститься вниз, на равнину, индейцы только пожимали плечами и отрицательно качали головой. То ли они действительно не могли помочь нам, то ли не хотели, сказать трудно.

После победоносного похода индейцы перегнали уцелевших обезьян в другую часть плато (боже, как они выли дорогой!) и поселили их неподалеку от своих пещер. И с этого дня обезьянье племя перешло в полное рабство к человеку.

Среди ночной тишины часто раздавались протяжные вопли какого-нибудь первобытного Иезекииля, оплакивающего свою былую славу и былое величие обезьяньего города. Отныне покоренные обезьяны должны были довольствоваться скромной ролью дровосеков и водоносов при своем властелине — человеке.

Через два дня после битвы мы снова пересекли плато и расположились лагерем у подножия красных скал. Индейцы предлагали нам устроиться в пещерах, но лорд Джон не согласился на это, считая, что если они замыслят что-нибудь против нас, то мы будем всецело в их власти.

Поэтому мы предпочли сохранить свою независимость и, поддерживая с нашими союзниками самые лучшие отношения, все же держали оружие наготове. Нам часто приходилось бывать в их пещерах, но мы так и не выяснили, кому индейцы обязаны этим замечательным жильем — самим себе или природе. Пещеры были вырыты на одном уровне в какой-то рыхлой породе, залегавшей между красноватым базальтом вулканического происхождения и твердым гранитом, который служил основанием скал.

Ко входам в них, находившимся примерно на высоте восьмидесяти футов от земли, вели каменные ступени, такие узкие и крутые, что по ним не могло бы подняться ни одно крупное животное. Внутри было тепло и сухо. Пещеры уходили в толщу кряжа на различную глубину; по их гладким серым стенам тянулись нарисованные обугленными палочками великолепные изображения животных, населяющих плато. Если б в Стране Мепл-Уайта не осталось ни одного живого существа, будущий исследователь нашел бы на стенах этих пещер исчерпывающие сведения о ее диковинной фауне, ибо здесь было все — и динозавры, и игуанодоны *, и ихтиозавры.

Узнав, что огромные игуанодоны считаются у индейцев ручным скотом, или, вернее, чем-то вроде ходячей мясной кладовой, мы вообразили, будто человек даже при наличии столь несовершенного оружия, как луки и копья, полностью установил свое господство на плато. Однако нам

вскоре пришлось убедиться, что это неверно и что пока его здесь только терпят.

Драма разыгралась на третий день после того, как мы поселились возле пещер. Челленджер и Саммерли с утра отправились к озеру, где туземцы вылавливали для них гарпунами крупных ящериц. Мы с лордом Джоном остались в лагере; неподалеку от нас, на травянистом склоне перед пещерами, расхаживали индейцы, занятые своими делами. И вдруг сотни голосов пронзительно закричали: «Стоа! Стоа!» Взрослые и дети бросились со всех сторон к пещерам и, тесня друг друга, стали карабкаться вверх по каменным ступенькам.

Добравшись до своих убежищ, они замахали руками, приглашая нас поскорее присоединиться к ним. Мы схватили винтовки и побежали выяснить, что случилось, а навстречу нам из небольшой рощи уже неслись что было сил десять-пятнадцать индейцев, преследуемых по пятам двумя чудовищами — точно такими, как непрошенный гость, явившийся в наш старый лагерь, и как мой ночной преследователь. Они передвигались прыжками и были похожи на омерзительных жаб невероятных размеров. До сих пор нам приходилось видеть этих исполинов только в темноте, так как они охотятся ночью, а днем выходят из своих берлог лишь в том случае, если их потревожат, как было на сей раз. Мы стояли, пораженные зрелищем, открывшимся нашим глазам. Пятнистая бородавчатая кожа этих чудовищ отливала на солнце всеми цветами радуги и поблескивала, словно рыбья чешуя. Впрочем, наблюдать нам пришлось недолго, ибо эти исполинские жабы в несколько прыжков нагнали несчастных индейцев... И тут началось нечто страшное. Прием у них был такой: обрушившись всей своей тяжестью на ближайшую жертву, они оставляли ее, раздавленную, изуродованную, и кидались за следующей. Дико крича, индейцы неслись к пещерам, но не могли уйти от своих преследователей. Они гибли один за другим, и к тому времени, когда мы с лордом Джоном подоспели на помощь, от всей их группы осталось не больше пяти-шести человек. Впрочем, мы не только не помогли им, но и сами чуть не погибли. Пуля за пулей впивалась в шкуры этих тварей, производя такой же эффект, как если б наши винтовки были заряжены бумажными шариками. А ведь стрельба велась с каких-нибудь двухсот ярдов! Организм громадных пресмыкающихся не

Дико крича, индейцы неслись к пещерам

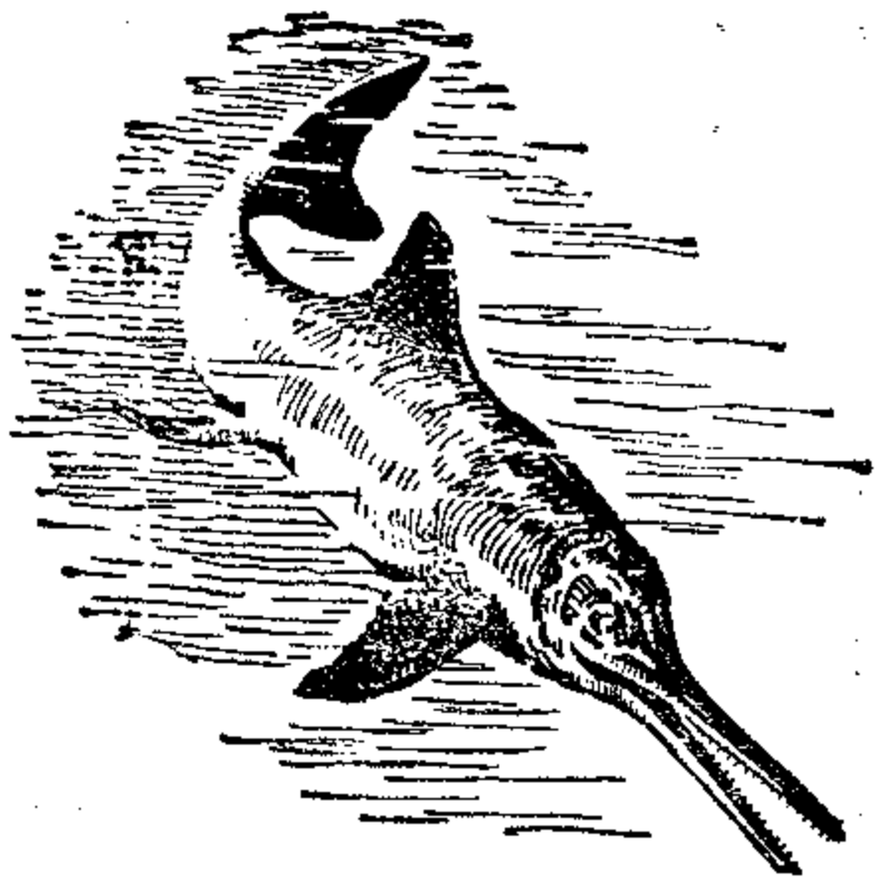
боялся ранений, а отсутствие центрального мозгового аппарата делало даже самое современное оружие бесполезным в борьбе с ними. Единственное, что нам удалось сделать,— это отвлечь их внимание треском выстрелов и вспышками огня и таким образом дать возможность и себе и индейцам добежать до спасительных ступеней *.

Но там, где конические разрывные пули двадцатого века оказывались бессильными, приходилось полагаться на отравленные стрелы дикарей, вымоченные в настое строфанта * и смазанные трупным ядом. Такие стрелы бесполезны на охоте, ибо кровообращение у доисторических чудовищ настолько вяло, что они обычно успевают настичь и растерзать свою жертву до того, как почувствуют действие яда. Но теперь положение было иное: как только наши преследователи очутились у каменных ступеней, ведущих в пещеры, из каждой расщелины в горном кряже со свистом полетели стрелы. Чудовища обросли ими, как перьями, но, повидимому, в первые минуты боль не ощущалась, так как они продолжали в бессильной ярости карабкаться вверх по ступенькам, не желая упускать добычу. Они с трудом одолевали несколько ярдов и тотчас срывались вниз. Но вот яд начал действовать. Один зверь глухо заревел и уткнулся огромной плоской головой в землю. Второй пронзительно взвыл, сделал несколько нелепых прыжков, потом в корчах повалился рядом с первым и вскоре тоже затих. Тогда индейцы толпой высыпали из пещер и с ликующими криками закружились вокруг трупов, торжествуя победу над двумя опаснейшими врагами.

Есть это мясо было нельзя, так как яд продолжал действовать, и индейцы в ту же ночь разрезали обе туши на куски и отнесли их в лес, чтобы не заражать здесь воздух. Около пещер остались только два огромных сердца, каждое величиной с подушку; они жили самостоятельной жизнью, медленно и ритмично сокращаясь и расширяясь, и эта омерзительная пульсация продолжалась день, другой и затихла только на третьи сутки.

Когда-нибудь, когда у меня будет настоящий стол, а не заменяющая его консервная банка, и лучшие письменные принадлежности, чем огрызок карандаша, и один-единственный истрепанный блокнот, я подробно опишу индейцев племени аккала, опишу нашу жизнь среди них и волшебную Страну Мепл-Уайта, мало-помалу открывавшую пе-

ред нами свои чудеса. Память не изменит мне; наряду с первыми впечатлениями детства в ней до конца дней моих сохранятся каждая минута, каждый час, проведенные нами на плато, и ничто другое не вытеснит этих воспоминаний. Придет время, и я опишу ту чудесную лунную ночь на центральном озере, когда индейцы выловили сетью чуть не перевернувшего наш челн молодого ихтиозавра * — существо, похожее не то на тюленя, не то на рыбу с тремя глазами, причем третий глаз сидел у него на темени, а другие два были защищены костяными пластинками. В ту же ночь зеленая водяная змея стрелой метнулась к нам из тростниковых зарослей, оплела своими кольцами рулевого в лодке Челленджера и скрылась с ним под водой *.

Существо, похожее не то на тюленя, не то на рыбу с тремя глазами

Я не забуду рассказать и о том диковинном белом существе — мы и по сей день не знаем, что это было: пресмыкающееся или зверь,— которое обитало в гнилом болоте восточнее центрального озера и по ночам сновало среди кустов, излучая слабый фосфорический блеск. Индейцы так боялись его, что даже близко не подходили к тому болоту, а мы дважды были там, видели этого зверя издали, но не могли пробраться к нему через топи. Скажу только, что величиной он больше коровы и распространяет вокруг неприятный мускусный запах.

В моих будущих записях вы встретите также упоминание о гигантской быстроногой птице, от которой Челленджеру пришлось удирать однажды под защиту скал. Она много выше страуса и безобразная, как череп, голова сидит у нее на длинной голой шее. Когда Челленджер карабкался вверх по камням, она одним ударом своего свирепого изогнутого клюва, словно долотом, сорвала ему каблук. Но на этот раз современное оружие не посрамило себя: огромный фороракос * двенадцати футов ростом (ликующий профессор, не успев отдышаться как следует, уже сообщил нам его название) повалился на землю, сраженный пулей лорда Джона, и судорожно забил ногами, взметая тучу перьев и не сводя с нас сверкающих ярост-

ным огнем желтых глаз. Как бы мне хотелось дожить до того дня, когда эта свирепая приплюснутая голова найдет свое место среди других трофеев, украшающих кабинет в Олбени!

Под конец надо будет обязательно упомянуть и о токсодоне * — исполинской морской свинке ростом в десять футов с выступающими вперед острыми зубами, которую мы подстрелили как-то на рассвете у водопоя.

Со временем я расскажу обо всем этом более подробно и наряду с нашими приключениями любовно опишу чудесные летние вечера, когда мы, четверо друзей, лежали где-нибудь на лесной опушке среди неведомых нам ярких цветов и, глядя вверх сквозь отягченные сочными плодами ветки деревьев, дивились причудливым птицам, пролетавшим в высокой синеве неба, потом переводили взгляд в густую траву и наблюдали за странными существами, которые выползали из своих норок поглазеть на нас; опишу долгие лунные ночи, когда мы выплывали в челнах на середину озера и с невольным страхом смотрели на его сверкающую гладь: вот какое-то фантастическое чудовище взметнулось над водой, пустив по ней широкие круги... вот темная глубина озарилась зеленоватым светом, отмечающим путь нового, неведомого нам существа... Я запомню эти картины во всех подробностях, и когда-нибудь моя память и мое перо отдадут им должное.

Но вы, наверно, спросите, как мы могли заниматься такими наблюдениями, когда нам следовало и день и ночь искать способа вернуться в цивилизованный мир. Отвечу вам, что мы все ломали над этим голову, но тщетно. Выяснилось только одно: на помощь индейцев рассчитывать не приходится. Они были нашими друзьями и относились к нам чуть ли не с рабской преданностью, но как только мы заикались о помощи, о том, чтобы перетащить к обрыву какую-нибудь длинную доску или сплести канат из кожаных ремней и лиан, нас сразу же осаживали мягким, но решительным отказом. Индейцы улыбались, подмигивали нам, качали головой, и дальше этого дело не шло. Старый вождь и тот не сдавался, и лишь его сын Маретас грустно поглядывал на белых людей и знаками выражал им свое искреннее сочувствие.

После битвы с обезьянами индейцы смотрели на нас, как на сверхчеловеков, несущих залог победы в своих таинственных, изрыгающих смерть трубках, и думали, что

пока мы с ними, счастье им не изменит. Нам предлагали обзавестись краснокожими женами и собственными пещерами, лишь бы мы согласились забыть свой народ и навсегда остались на плато. Пока все обходилось тихо и мирно, но мы знали, что наши планы следует хранить в тайне, так как, познав о них, индейцы могли задержать нас у себя силой.

Несмотря на возможность встречи с динозаврами (впрочем, опасность эта была не столь уж велика, ибо, как уже говорилось выше, они охотятся главным образом по ночам), за последние три недели я дважды ходил в наш старый лагерь проведать Самбо, который попрежнему оставался на своем посту у подножия горного кряжа. Мои глаза жадно скользили по необъятной равнине в надежде, что оттуда к нам придет долгожданная помощь. Но поросшие кактусами просторы были безлюдны, и ничто не нарушало их однообразия до еще видной отсюда стены бамбуковых зарослей.

— Они скоро придут, мистер Мелоун. Подождите еще неделю. Индейцы придут с канатами и снимут вас оттуда! — Так подбадривал меня наш чудесный Самбо.

Во второй раз я заночевал в старом лагере, а утром на обратном пути меня ждал сюрприз. Я возвращался хорошо знакомой дорогой и был уже недалеко от болота птеродактилей, когда впереди из-за кустов вдруг появился какой-то странный предмет. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это человек, который шел, надев на себя нечто вроде футляра или камышовой клетки, защищавшей его со всех сторон. Каково же было мое изумление, когда я узнал в этом человеке лорда Джона Рокстона! Увидев меня, он вылез из этого нелепого сооружения и засмеялся, но вид у него был несколько смущенный.

— Это вы, юноша? — сказал лорд Джон.— Вот уж не ожидал такой встречи!

— Что вы здесь делаете? — спросил я.

— Навещал своих друзей, птеродактилей,— спокойно ответил он.

— Это еще зачем?

— Любопытные зверушки! Только ужасно негостеприимные. Да вы сами знаете, как они встречают непрошенных посетителей. Вот я и соорудил такую корзиночку, чтобы защитить себя от их любезностей.

— Да что вам понадобилось на этом болоте?

Лорд Джон испытующе посмотрел на меня, и я понял, что его одолевают какие-то сомнения.

— По-вашему, любознательность свойственна только людям, имеющим звание профессора? — сказал он, наконец.— Я изучаю этих милашек, вот и все. Хватит с вас такого объяснения?

— Простите,— сказал я.

Но добродушие не изменило лорду Джону и на этот раз, и он рассмеялся:

— Не обижайтесь, юноша. Я хочу раздобыть для Челленджера маленького цыпленочка. Вот это моя главная задача. Нет, спасибо, ваша помощь мне не нужна. Я в этой клетке никого не боюсь, а вы беззащитны. Ну, всего хорошего, ждите меня к вечеру.

Он напялил на себя свою нелепую корзинку, повернулся и зашагал к лесу.

Если уж поведение лорда Джона было несколько странно в эти дни, то что же сказать о Челленджере? Следует отметить, что наш профессор обладал какой-то притягательной силой для индианок, и поэтому ему приходилось всегда носить при себе большую пальмовую ветку, которой он отгонял своих поклонниц, словно мух, когда они уж слишком одолевали его своим вниманием. Представьте же себе, какое это было зрелище! Пожалуй, самое комическое из всех, какие мне довелось видеть в Стране Мепл-Уайта. Выбрасывая носки в стороны, Челленджер шествует с символом власти в руке, а за ним, словно за чернобородым опереточным султаном, тянется свита индейских девушек в одеяниях из тонкого растительного волокна.

Что касается Саммерли, то он был всецело поглощен изучением мира насекомых и пернатых Страны Мепл-Уайта и проводил все свое время за препарированием добытых экземпляров (если не считать тех часов, которые уходили у него на перебранку с Челленджером, якобы не желавшим выручить нас из трудного положения).

Челленджер повадился исчезать каждое утро и возвращался только среди дня с таким торжественным видом, словно на его плечах лежало тягчайшее бремя ответственности за какое-то чрезвычайно серьезное дело.

В один прекрасный день, не расставаясь с пальмовой веткой, он повел нас за собой и открыл нам свои тайные планы.

Мы вышли на небольшую полянку посреди пальмовой рощи и увидели один из тех грязевых гейзеров, о которых я уже говорил. Кругом было разбросано множество ремней, нарезанных из шкур игуанодонов; тут же лежал большой кусок перепончатой пленки — впоследствии выяснилось, что это не что иное, как выскобленный и высушенный желудок рыбоящера *. В этой прошитой по краям пленке было оставлено маленькое отверстие для нескольких отрезков бамбука; противоположные концы их соединялись с глиняными воронками, в которых собирался газ, выделявшийся пузырьками в горячих струях гейзера. Вскоре опавшая пленка стала медленно вздуваться и проявлять столь явное намерение устремиться ввысь, что Челленджеру пришлось привязать опоясывающие ее ремни к деревьям. Через полчаса она превратилась в настоящий воздушный шар, и, судя по тому, как этот шар натягивал ремни и рвался вверх, подъемная сила его была велика. Челленджер молча смотрел на творение своего гения и самодовольно поглаживал бороду — ни дать ни взять счастливый отец, любующийся своим первенцем.

Затянувшееся молчание прервал Саммерли.

— Неужели вы собираетесь предложить нам подняться на этой штуке? — ледяным тоном спросил он.

— Пока что я собираюсь продемонстрировать перед вами ее мощность, дорогой Саммерли, чтобы у вас не было никаких сомнений на этот счет.

— Тогда советую вам немедленно выбросить из головы этот вздор,— решительно заявил Саммерли.— Вы никакими силами не заставите меня согласиться на такое безумие. Лорд Джон, надеюсь, вы не станете поддерживать эту авантюру?

— Остроумная штука! — сказал наш предводитель.— Любопытно бы посмотреть ее в действии.

— Сейчас посмотрите,— сказал Челленджер.— Последние дни я напрягал все силы своего ума, чтобы разрешить задачу, как нам выбраться отсюда. Мы уже убедились, что спуск по отвесным скалам невозможен, а туннеля больше не существует. Перебросить мост на утес нам, безусловно, не удастся. Но что же тогда делать? Я как-то говорил нашему юному другу, что эти гейзеры выделяют водород в свободном состоянии. Отсюда логически вытекала мысль о воздушном шаре. Сознаюсь, что меня несколько смущал вопрос, где достать для него оболочку,

но когда мне попались на глаза колоссальные внутренности здешних пресмыкающихся, я уже ни в чем больше не сомневался. И вот результаты моих трудов.

Он заложил одну руку за борт своей рваной куртки, а другую горделиво протянул вперед.

Тем временем шар окончательно округлился, и ремни уже еле сдерживали его.

— Бред! Чистейший бред! — фыркнул Саммерли.

Но лорд Джон был в восторге от этой идеи Челленджера.

— Ну и голова у нашего старикана! — шепнул он мне. Потом сказал громко: — А как насчет корзины?

— Теперь буду думать и о корзине. У меня уже есть кое-какие соображения по этому поводу. А пока я покажу вам, что мой аппарат способен поднять каждого из нас.

— Вы хотите сказать — всех вместе?

— Нет, мы будем спускаться по очереди. Приспособление для подъема сделать нетрудно. Если мой аппарат выдержит тяжесть одного человека и осторожно опустит его на землю, значит все в порядке. Сейчас мы его испробуем.

Он притащил обломок базальта довольно солидных размеров и обвязал его веревкой — той самой, с помощью которой мы взбирались на пирамидальный утес. Она была футов в сто длиной и хоть нетолстая, но очень крепкая. Потом нам было продемонстрировано нечто вроде кожаного ошейника с длинными стропами. Челленджер водрузил этот ошейник на воздушный шар, собрал в пучок свисающие вниз стропы, так чтобы тяжесть груза распределялась равномерно по всей поверхности, привязал к ним обломок базальта, а конец веревки намотал себе на руку.

— Сейчас я покажу вам грузоподъемность моего аппарата,— объявил он, заранее предвкушая свое торжество, и с этими словами перерезал туго натянутые ремни.

Никогда еще наша экспедиция не была так близка к гибели, причем в полном своем составе. Наполненная газом оболочка стремительно рванулась вверх, увлекая за собой Челленджера. Я едва успел обхватить его за талию и тоже взмыл в воздух. Лорд Джон словно клещами вцепился мне в ноги и полетел следом за нами. На секунду глазам моим предстало странное зрелище: четверо отважных путешественников, подобно гирлянде сосисок, повисли над страной, тайны которой они тщились разгадать.

Четверо отважных путешественников, подобно гирлянде сосисок, повисли над страной, тайны которой они тщились разгадать

Но, к счастью, прочность веревки имела какой-то предел, чего, повидимому, нельзя было сказать о подъемной силе этого дьявольского аппарата. Раздался треск, и наша четверка камнем рухнула на землю. Путаясь в оборвавшейся веревке, мы с трудом поднялись на ноги и увидели, как обломок базальта стремительно уходил ввысь, еле заметной точкой чернея в яркоголубом небе.

— Блестяще! — воскликнул неунывающий Челленджер, потирая ушибленную руку.— Опыт удался как нельзя лучше. Я сам не рассчитывал на такой успех. Обещаю вам, джентльмены, что новый шар будет готов через неделю и мы совершенно спокойно проделаем на нем первый этап нашего обратного путешествия на родину.

До сих пор записи в моем дневнике велись от события к событию, а теперь, когда нам ничто не угрожает, когда все наши невзгоды миновали, как сон, я заканчиваю свое повествование в том самом лагере у подножия красных скал, где Самбо так ждал нас.

Спуск вниз прошел без всяких осложнений, но кто мог предполагать, что все это получится именно так? Через полтора-два месяца мы будем в Лондоне, и, может быть, мое письмо ненамного опередит меня. Всеми своими чувствами и помыслами мы уже дома, в родном городе, где осталось столько дорогого, любимого для каждого из нас.

Перелом в нашей судьбе наступил в тот день, когда Челленджер проделал свой рискованный эксперимент с самодельным воздушным шаром. Я уже говорил, что единственным человеком, который сочувствовал нашим попыткам выбраться с плато, был спасенный нами юноша, сын старого вождя. Мы поняли по его весьма выразительной жестикуляции, что он не хочет задерживать нас против воли в чужой нам стране.

В тот вечер, уже затемно, Маретас незаметно прокрался в лагерь, протянул мне небольшой свиток древесной коры (он почему-то всегда предпочитал иметь дело со мной, может быть потому, что я был примерно одного с ним возраста), потом величественно повел рукой, показывая на пещеры, торжественно приложил палец к губам в знак молчания и так же незаметно ушел к своим.

Я сел поближе к костру, и мы внимательно рассмотрели врученный мне свиток. На внутренней белой стороне

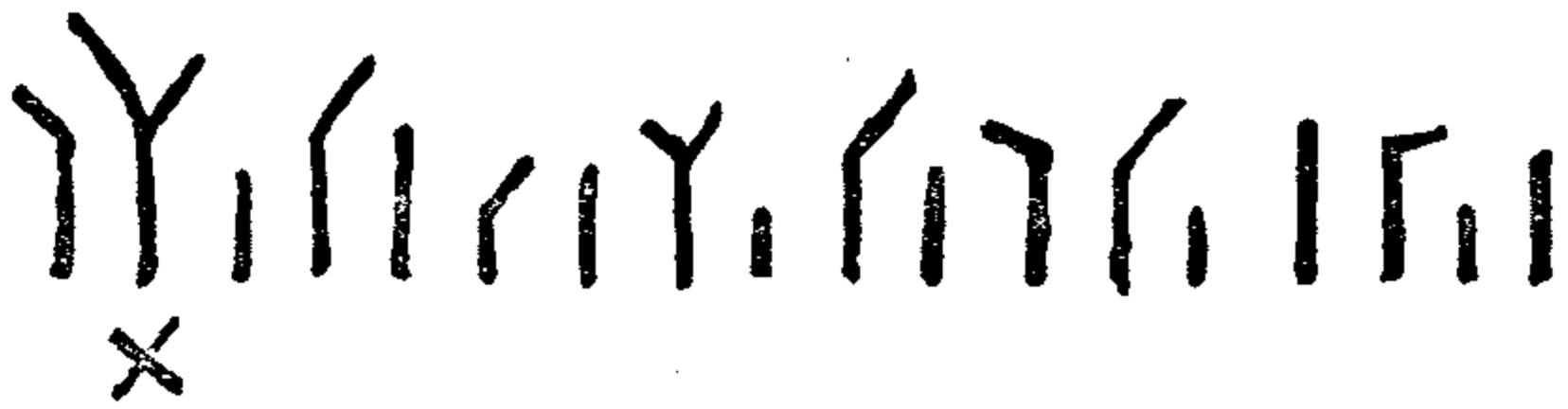
этого квадратного куска древесной коры размером фут на фут были нарисованы углем палочки, напоминавшие примитивную нотную запись.

— Вы обратили внимание, какой у него был многозначительный вид? — спросил я товарищей.— Это что-то очень важное для нас.

— А может быть, дикарь решил разыграть с нами милую шуточку? — сказал Саммерли.— С таких элементарных развлечений, вероятно, начинается развитие человека.

— Это какой-то шифр,— сказал Челленджер.

— Или ребус,—подхватил лорд Джон, заглядывая мне через плечо, и вдруг вырвал кусок коры у меня из рук.— Честное слово, я, кажется, разгадал его! Юноша прав.

Это план пещер

Смотрите. Сколько здесь этих палочек? Восемнадцать. А сколько пещер по ту сторону склона? Тоже восемнадцать.

— И в самом деле! Ведь он на них и показывал! — сказал я.

— Значит, правильно. Это план пещер. Смотрите, всего восемнадцать палочек — есть короткие, есть длинные, а некоторые раздваиваются. Под одной крестик. Зачем? Вероятно, затем, чтобы выделить одну пещеру, которая глубже остальных.

— Сквозную! — крикнул я.

— Наш юный друг, повидимому, прав,— поддержал меня Челленджер.— В противном случае, зачем этому индейцу понадобилось бы отмечать ее крестиком? Ведь у него есть все основания относиться к нам благожелательно. Но если пещера действительно сквозная и выходит с той стороны на таком же уровне, то до земли там не больше ста футов.

— Тридцать метров — сущие пустяки! — проворчал Саммерли.

— Но ведь наша веревка длиннее! — воскликнул я.— Мы спустимся без всякого труда.

— А про индейцев вы забыли? — не сдавался Саммерли.

— Эти пещеры нежилые,— сказал я.— Они служат складами и амбарами. Давайте поднимемся туда сейчас же и произведем разведку.

На плато растет крепкое смолистое дерево — вид араукарии *, по словам нашего ботаника,— ветки которого идут у индейцев на факелы. Мы взяли каждый по охапке таких веток и поднялись по замшелым ступенькам в пещеру, отмеченную на плане крестиком. Как я и предполагал, она оказалась необитаемой, если не считать множества огромных летучих мышей, которые с громким хлопаньем крыльев все время кружили у нас над головой. Не желая привлекать внимание индейцев, мы долго брели в темноте, нащупывая какие-то повороты, углы, и только отойдя довольно далеко от входа, зажгли факелы. Нашим взорам открылся сухой, усыпанный белым гравием тунель со сводчатым потолком и гладкими серыми стенами, покрытыми изображениями животных. Мы быстро устремились вперед и вдруг все разочарованно вскрикнули: перед нами встала сплошная каменная стена — ни щели, ни трещинки, мышонок, и тот не проберется. Выхода здесь не было.

Мы с тоской смотрели на неожиданное препятствие, преградившее нам путь. Эта стена ничем не отличалась от боковых стен туннеля, следовательно обвала здесь не было, как в том уже знакомом нам подземном ходе. Это был самый настоящий тупик и ничего больше.

— Не огорчайтесь, друзья,— сказал неунывающий Челленджер.— Ведь я обещал вам сделать второй воздушный шар.

Саммерли застонал.

— Может быть, мы ошиблись пещерой? — сказал я.

— Бросьте, юноша! — Лорд Джон провел пальцем по плану.— Семнадцатая пещера справа, она же вторая слева. Нет, ошибки быть не могло.

Я взглянул на крестик и вдруг вскрикнул, сам не свой от радости.

— Знаю! Знаю! Идите за мной, скорее! — И, подняв факел над головой, бросился назад.— Вот здесь.— Я показал на обгорелые спички, валявшиеся на песке,— вот здесь мы зажгли факелы.

— Совершенно верно.

— Но ведь на рисунке ясно показано, что пещера разветвляется! Значит, мы просто-напросто прозевали в темноте это место. Будем держаться правой стороны, и я уверен, что мы найдем его.

Как я говорил, так и вышло. Ярдов через тридцать в стене зачернело большое отверстие. Мы свернули в него и очутились в гораздо более широком туннеле. Нетерпение гнало нас вперед. Сотня ярдов, другая, третья... и вдруг впереди забрезжил красноватый свет. Что бы это могло быть? Ровное, немигающее пламя загораживало нам путь. Мы ускорили шаги. Жара от этого огня не чувствовалось. Все было тихо, ни шороха, ни звука... А между тем огненная завеса не исчезала, и ее сияние серебром заливало туннель, превращая белый песок в блистающие алмазы. Мы подошли еще ближе, и край завесы четко закруглился у нас на глазах.

— Это луна, клянусь вам! — крикнул лорд Джон.— Мы свободны, друзья! Свободны!

И действительно, в пролом, выходивший на ту сторону горного кряжа, светила полная луна. Пролом оказался небольшой, величиной с окно, но нам и этого было достаточно. Выглянув из него, мы увидели, что спуск будет не особенно трудный и что до земли недалеко. Разглядеть этот лаз при обходе плато нам, конечно, никогда бы не удалось. Кому бы пришло в голову искать место для подъема именно здесь, среди низко нависших скал? Мы убедились, что отсюда можно будет спуститься по веревке, и, счастливые, вернулись в лагерь готовиться к завтрашнему вечеру.

Действовать надо было тайно и без всякого промедления, так как индейцы могли задержать нас даже в последнюю минуту. Мы решили бросить все свое снаряжение, кроме оружия и патронов. Правда, у Челленджера было несколько громоздких вещей, которые он хотел во что бы то ни стало взять с собой, и одна из них доставила нам особенно много хлопот. Но об этом я пока что не могу распространяться.

День тянулся бесконечно долго, но вот, наконец, стемнело. У нас все было готово. Соблюдая всяческую осторожность, мы втащили свои пожитки вверх по ступенькам, остановились у входа в пещеру и бросили последний взгляд на эту загадочную, окутанную для нас романтической дымкой страну, которую, боюсь, скоро наводнят охот-

ники и всяческие исследователи, страну, где мы много дерзали, где нам много пришлось перенести и многому научиться,— нашу страну, как мы всегда будем любовно называть ее.

Слева от нас соседние пещеры бросали в темноту веселые красноватые отблески костров. Снизу доносились голоса, смех и пение индейцев. Вдали стеной вставала лесная чаща, а между ней и скалистой грядой искрилось большое озеро — обитель диковинных чудовищ. Вот в темноте прозвенел пронзительный зов какого-то зверя. Это был голос Страны Мепл-Уайта, славшей нам свое последнее «прости». Мы повернулись и вошли в пещеру, через которую пролегал наш путь домой.

Через два часа мы сами и все наши пожитки были уже у подножия горного кряжа. Спуск прошел благополучно, если не считать возни с вещами Челленджера. Оставив всю поклажу на месте, мы отправились налегке к стоянке Самбо. Каково же было наше изумление, когда при свете раннего утра перед нами открылась равнина, на которой пылал не один костер, а по меньшей мере десять! Спасательная партия все-таки пришла. Она состояла из двадцати индейцев с Амазонки, доставивших сюда шесты, канаты и все, что требовалось для переброски моста через пропасть. Уж теперь-то у нас не будет никаких затруднений с доставкой багажа к берегам Амазонки, куда мы двинемся завтра утром!

На этом, благодарный судьбе, я заканчиваю свой рассказ. Глаза наши не переставали дивиться чудесам, души очистились, закаленные тяжелыми испытаниями. Все мы, каждый на свой лад, стали лучше, серьезнее.

Возможно, что в Паре нам придется задержаться, так как надо обзавестись всем необходимым для дальнейшего путешествия. В таком случае это письмо опередит меня на один трансатлантический рейс. Если же мы сразу отправимся в путь, то оно будет в Лондоне одновременно с нами. Так или иначе, дорогой мой мистер Мак-Ардл, я надеюсь скоро пожать вашу руку.

Глава XVI

«НА УЛИЦУ! НА УЛИЦУ!»

Я считаю своим долгом выразить глубокую признательность всем нашим друзьям с Амазонки, которые так радушно нас приняли и проявили к нам столько внимания. Особую благодарность заслуживают сеньор Пеналоса и другие должностные лица бразильского правительства, чья помощь обеспечила нам возвращение домой, а также сеньор Перейра из города Пары, предусмотрительно заготовивший для нас все необходимое по части туалета, так что теперь нам не стыдно будет появиться в цивилизованном мире.

К сожалению, мы плохо отплатили нашим благодетелям за их гостеприимство. Но что же делать! Пользуюсь случаем заверить тех, кто вздумает отправиться по нашим следам в Страну Мепл-Уайта, что это будет только потеря времени и денег. В своих рассказах мы изменили все названия, и как бы вы ни изучали отчеты экспедиции, все равно вам не удастся даже близко подойти к тем местам.

Мы думали, что повышенный интерес к нам в Южной Америке носит чисто местный характер, но кто мог предположить, какую сенсацию произведут в Европе первые неясные слухи о наших приключениях! Оказывается, нами интересовался не только ученый мир, но и широкая публика, хотя мы узнали об этом сравнительно поздно.

Когда «Иберния» была уже в пятидесяти милях от Саутгемптона, беспроволочный телеграф начал передавать депешу за депешей от разных газет и агентств, которые предлагали нам колоссальные гонорары хотя бы за самое краткое сообщение о результатах экспедиции. Однако долг

обязывал нас прежде всего отчитаться перед Зоологическим институтом, поручившим нам произвести расследование, и, посовещавшись между собой, мы отказались давать какие-либо сведения в печать. Саутгемптон кишел репортерами, но они ничего не добились от нас, и поэтому легко себе представить, с каким интересом публика ждала заседания, назначенного на вечер 7 ноября.

Зал Зоологического института — тот самый, где создали комиссию расследования,— был признан недостаточно вместительным, и заседание пришлось перенести в Куинз-Холл на Риджент-стрит. Теперь уже никто не сомневается, что если б даже устроители сняли Альберт-Холл, то он тоже не вместил бы всех желающих.

Знаменательное заседание было назначено на второй вечер после нашего приезда в Лондон. Предполагалось, что первый день уйдет у нас на личные дела. О своих я пока умалчиваю. Пройдет время, и, может быть, мне будет легче думать и даже говорить обо всем этом. В начале своего повествования я раскрыл читателю, какие силы побудили меня к действию. Теперь, пожалуй, следует показать, чем все это кончилось. Но ведь наступит же время, когда я скажу себе, что жалеть не о чем. Некая сила толкнула меня на этот путь, и ей я обязан тем, что узнал цену настоящим приключениям.

А теперь перейду к последнему событию, завершившему нашу эпопею. Когда я ломал себе голову, как бы получше описать его, взгляд мой упал на номер «Дейли-газетт» от 8 ноября, в котором был помещен подробнейший отчет о заседании в Зоологическом институте, написанный моим другом и коллегой — Макдона. Приведу его здесь полностью, начиная с заголовков,— ведь все равно лучше ничего не придумаешь. Конечно, наша «Дейли», гордая тем, что в экспедиции принимал участие ее собственный корреспондент, уделила особенно много места событиям в Зоологическом институте, но другие крупные газеты тоже не оставили их без внимания.

Итак, предоставляю слово моему другу Макдона:

«Новый мир

Многолюдное собрание в Куинз-Холле

Бурные сцены в зале

Необычайное происшествие

Что это было?

Ночная демонстрация на Риджент-стрит

(От нашего специального корреспондента)

Долгожданное заседание Зоологического института, на котором был заслушан отчет комиссии, посланной год назад в Южную Америку проверить сведения, сообщенные профессором Челленджером, о наличии форм доисторической жизни на этом материке, состоялось вчера в Куинз-Холле, и мы смело можем сказать, что этот день войдет в историю науки, ибо события его носили столь необычайный и сенсационный характер, что вряд ли они когда-либо изгладятся из памяти присутствующих. (О, мой собрат по перу Макдона! Какая чудовищно длинная вступительная фраза!)

Официально пригласительные билеты распространялись только среди членов института и близких к ним лиц, но, как известно, последнее понятие весьма растяжимо, и поэтому большой зал Куинз-Холла был набит битком задолго до начала заседания, назначенного на восемь часов. Однако широкая публика, без всяких на то оснований считающая себя обиженной, штурмом взяла двери зала после продолжительной схватки с полицией, во время которой пострадало несколько человек, в том числе инспектор Скобл, получивший перелом ноги. Включая сих бунтовщиков, заполнивших не только все проходы, но и места, отведенные для представителей печати, прибытия путешественников ожидало, по приблизительному подсчету, не менее пяти тысяч человек. Когда они, наконец, появились, их провели на эстраду, где к тому времени собрались крупнейшие ученые не только Англии, но и Франции и Германии. Швеция также была представлена в лице знаменитого зоолога, профессора Упсальского университета господина Сергиуса. Появление четырех героев дня было встречено овацией: весь зал поднялся как один человек и приветствовал их криками и аплодисментами. Впрочем, внимательный наблюдатель мог уловить некую диссонирующую нотку в этой буре восторга и сделать отсюда вывод, что собрание будет протекать не совсем мирно. Но того, что произошло в действительности, никто из присутствующих предугадать не мог.

Описывать здесь внешность наших четырех путешественников нет никакой нужды, поскольку их фотографии

помещены во всех газетах. Тяжелые испытания, которые, как говорят, им пришлось перенести, мало отразились на них, хотя они покидали наши берега совсем не такими загорелыми. Борода профессора Челленджера стала, пожалуй, еще пышнее, черты лица профессора Саммерли немного суше, лорд Джон Рокстон чуть похудел, но, в общем, состояние их здоровья не оставляет желать ничего лучшего. Что же касается представителя нашей газеты, известного спортсмена и игрока в регби международного класса Э. Д. Мелуона, то он в полной форме, и его честная, но не блещущая красотой физиономия так и сияет добродушной улыбкой. (Ладно, Мак, только попадись мне!)

Когда тишина была восстановлена и все расселись по местам, председательствующий, герцог Дархемский, обратился к собранию с речью. Герцог сразу же заявил, что поскольку аудитории предстоит встреча с самими путешественниками, он не намерен задерживать ее внимание и предвосхищать доклад профессора Саммерли, председателя комиссии расследования, труды которой, судя по имеющимся сведениям, увенчались блестящим успехом. *(Аплодисменты.)* Повидимому, век романтики не миновал, и пылкая фантазия поэта все еще может опираться на твердую основу науки. В заключение остается лишь выразить свою радость — и в этом его, несомненно, поддержат все присутствующие,— что джентльмены вернулись здравы и невредимы из своего трудного и опасного путешествия, ибо с гибелью этой экспедиции наука понесла бы почти невознаградимую потерю. *(Шумные аплодисменты, к которым присоединяется и профессор Челленджер.)*

Появление на кафедре профессора Саммерли снова вызвало бурю восторга, и речь его то и дело прерывалась рукоплесканиями. Мы не будем приводить ее дословно, так как подробный отчет о работах экспедиции, принадлежащий перу нашего корреспондента, будет выпущен «Дейли-газетт» специальной брошюрой. Поэтому ограничимся лишь кратким изложением доклада профессора Саммерли.

Напомнив собранию, каким образом возникла мысль о посылке экспедиции, оратор воздал должное профессору Челленджеру и принес ему свои извинения за прошлое недоверие к его словам, теперь полностью подтвержденным, после чего набросал в общих чертах маршрут путеше-

ствия, тщательно избегая каких-либо указаний, которые могли бы послужить справкой о географическом положении этого необычайного плато. Затем профессор Саммерли описал в немногих словах переход от берегов Амазонки к горному кряжу и буквально потряс слушателей рассказом о многократных попытках экспедиции подняться на плато, обошедшихся им в конце концов ценой жизни двух преданных проводников-метисов. (Этим неожиданным толкованием событий мы были обязаны Саммерли, который хотел избежать некоторых щекотливых вопросов.)

Поднявшись со своими слушателями на вершину горного кряжа и заставив их почувствовать, что значил для четырех путешественников обвал моста — единственной их связи с внешним миром, профессор приступил к описанию ужасов и прелестей этой необычайной страны. О своих приключениях он говорил мало, но старался всячески подчеркнуть, какой богатейший вклад в науку сделала экспедиция, ведя наблюдения над представителями животного и растительного царства плато. Мир насекомых там особенно богат жесткокрылыми и чешуйчатокрылыми, и в течение нескольких недель экспедиции удалось определить сорок шесть видов первого семейства и девяносто четыре — второго. Но, как и следовало ожидать, публика интересовалась главным образом крупными животными, в особенности теми, которые считаются давно вымершими. Профессор дал длинный перечень таких доисторических чудовищ, уверив своих слушателей, что этот список может быть значительно пополнен после тщательного изучения плато. Ему и его спутникам удалось видеть собственными глазами, правда большей частью издали, по крайней мере с десяток животных, до сих пор неизвестных науке. Со временем они, безусловно, будут должным образом изучены и классифицированы. В виде примера профессор привел темнопурпурную змею длиной в пятьдесят один фут *; некое белое существо, по всей вероятности млекопитающее, которое излучает в темноте фосфорический свет, и огромную черную бабочку; укусы этой бабочки, по словам индейцев, ядовиты.

Помимо совершенно новых видов живых существ, плато изобилует известными науке доисторическими животными, из которых некоторые следует отнести к раннему юрскому периоду. Тут был назван исполинский стегозавр,

попавшийся однажды мистеру Мелоуну у водопоя на озере. Такой же точно зверь был зарисован в альбоме американского художника, проникшего в этот неведомый мир еще до экспедиции. Профессор Саммерли описал также игуанодона и птеродактиля — первых двух чудовищ, встретившихся им на плато, и привел слушателей в содрогание, рассказав о самых страшных хищниках, населявших этот мир,— о динозаврах, которые не раз преследовали то одного, то другого члена экспедиции. Далее профессор подробно говорил об огромной свирепой птице фороракосе и об исполинских лосях, все еще встречающихся и на плоскогорьях нашей страны.

Но восторг аудитории достиг высшего предела, когда профессор поведал ей тайны центрального озера. Слушая спокойную речь этого трезвого ученого, хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не сон, что ты наяву слышишь о трехглазых рыбообразных ящерах и гигантских водяных змеях, обитающих в этих загадочных глубинах.

Далее он перешел к описанию туземцев и племени человекоподобных обезьян, которые, повидимому, представляют собой результат эволюции яванского питекантропа, а следовательно, более чем какой другой вид животного мира, приближаются к гипотетическому существу, известному под названием «недостающее звено между обезьяной и человеком».

Наконец, профессор развеселил аудиторию, описав остроумный, но чрезвычайно опасный воздухоплавательный аппарат — изобретение профессора Челленджера, и в заключение своего необычайно интересного доклада рассказал, каким образом экспедиции удалось вернуться в цивилизованный мир.

Предполагалось, что на этом заседание и закончится и что предложенная профессором Сергиусом резолюция с выражением благодарности членам комиссии расследования будет должным образом проголосована и принята. Однако все обошлось не так гладко, как ожидали. С самого начала заседания враждебно настроенная часть публики то и дело напоминала о себе, а как только профессор Саммерли кончил доклад, доктор Джеймс Иллингворт из Эдинбурга поднялся с места и обратился к председателю с вопросом: не следует ли до голосования резолюции обсудить поправку к ней?

Председатель. Да, сэр, если таковая имеется.

Доктор Иллингворт. Да, ваша светлость, у меня есть поправка.

Председатель. В таком случае, огласите ее.

Профессор Саммерли *(вскакивая с места)*. Ваша светлость, разрешите довести до всеобщего сведения, что этот человек — мой личный враг еще с тех пор, как мы с ним вели полемику на страницах журнала «Научное обозрение».

Председатель. Вопросы личного порядка нас не касаются. Продолжайте, доктор Иллингворт.

Друзья наших путешественников подняли такой шум, что доктора Иллингворта временами почти не было слышно. Кое-кто даже пытался стащить его с кафедры. Но, обладая недюжинной силой и мощным голосом, доктор Иллингворт преодолел все препятствия и довел свою речь до конца. С той минуты, как он поднялся с места, всем стало ясно, что у него много сторонников в зале, правда составляющих меньшинство аудитории. Значительная же часть публики была настроена выжидательно и пока что сохраняла нейтралитет.

Для начала профессор Иллингворт заверил профессора Челленджера и профессора Саммерли в своем глубочайшем уважении к их научной деятельности, но далее с прискорбием отметил, что его поправку к резолюции почему-то объясняют какими-то личными мотивами, тогда как на самом деле им руководит исключительно стремление к истине. В сущности он занимает сейчас ту же позицию, какую занимал на прошлом заседании профессор Саммерли. Профессор Челленджер выдвинул тогда ряд тезисов, которые были взяты под сомнение его коллегой. Теперь этот самый коллега выступает с точно такими же утверждениями и рассчитывает, что их никто не будет оспаривать. Логично ли это? *(Крики*: «Да!», «Нет!» *В ложе, отведенной представителям печати, слышно, как профессор Челленджер просит у председателя разрешения выставить доктора Иллингворта за дверь.)* Год назад один человек утверждал весьма странные вещи. Теперь то же самое, и, пожалуй, в еще большей степени, делают четыре человека. Но разве это может служить решающим фактором там, где речь идет чуть ли не о перевороте в науке?

У всех на памяти случай, когда путешественники возвращались из далеких, никому неведомых краев и распро-

страняли всякие небылицы, которым слишком охотно верили. Неужели Лондонский зоологический институт хочет оказаться в положении легковера? Члены комиссии расследования — весьма достойные люди, этого никто не станет отрицать. Но человеческая натура чрезвычайно сложна. Желание выдвинуться может совратить с пути истинного любого профессора. Все мы, словно бабочки, летим на огонек славы. Охотники за крупной дичью непрочь погрешить против истины, лишь бы уязвить своих соперников, а журналисты так падки на всяческие сенсации, что сплошь и рядом призывают на помощь фактам свое богатое воображение. У каждого из членов комиссии могли оказаться свои мотивы, руководствуясь которыми они раздули результаты экспедиции. («Позор! Стыдитесь!») Он никого не желает оскорблять («Однако оскорбляет!» *Шум в зале.*) ...но доказательства, представленные в подтверждение всех этих чудес, носят чрезвычайно легковесный характер. К чему они сводятся? К нескольким фотографическим снимкам. Но в наше время искусство фальсификации достигло такого высокого уровня, что на одни фотографии полагаться нельзя. Чем же еще стараются нас убедить? Рассказом о поспешном бегстве и о спуске по канату, что якобы помешало членам экспедиции захватить с собой более крупные образцы фауны этой чудесной страны? Остроумно, но не очень убедительно. Было сказано, что у лорда Джона Рокстона имеется череп фороракоса. Но где он? Любопытно было бы взглянуть на него.

Лорд Джон Рокстон. Этот человек, кажется, обвиняет меня во лжи? *(Шум в зале.)*

Председатель. Тише! Тише! Доктор Иллингворт, будьте добры сформулировать свою поправку.

Доктор Иллингворт. Я подчиняюсь, хотя мне хотелось бы сказать еще кое-что. Итак, мое предложение сводится к следующему: поблагодарить профессора Самерли за его интересный доклад, но сообщенные им факты считать недоказанными и поручить проверку их другой комиссии, более заслуживающей нашего доверия.

Трудно описать, какое смятение вызвала в зале эта поправка. Большинство присутствующих, возмущенных таким поклепом на наших путешественников, требовали: «Долой поправку!», «Не голосуйте ее!», «Вон его отсюда!» В то же время недовольные поддерживали доктора Иллингворта и оглушительно кричали: «Это нечестно!»,

«Председатель! Призовите к порядку!» На задних скамьях, где сидели студенты-медики, началась потасовка, были пущены в ход кулаки. Всеобщую свалку предотвратило только присутствие дам среди публики. И вдруг крики смолкли, в зале наступила полная тишина. На эстраде стоял профессор Челленджер. Внешность и манеры этого человека производят настолько внушительное впечатление, что стоило только ему поднять руку, как все уселись по местам и приготовились слушать его.

— Многие из присутствующих, вероятно, помнят,— начал профессор Челленджер,— что подобные непристойные сцены разыгрались и на первом нашем заседании. В тот раз главным моим обидчиком был профессор Саммерли, и хотя теперь он исправился и покаялся в грехах, все же этот инцидент не может быть предан забвению. Сегодня мне пришлось услышать еще более оскорбительные выпады со стороны лица, только что покинувшего эстраду. Я с величайшим трудом заставляю себя снизойти до интеллектуального уровня данного лица, но это нужно сделать, дабы устранить сомнения, которые, может быть, еще сохранились у некоторых из здесь присутствующих. *(Смех, шум, крики из задних рядов.)*

Профессор Саммерли выступал здесь как глава комиссии расследования, но вряд ли нужно напоминать вам, что подлинным вдохновителем всего дела являюсь я и что наша поездка увенчалась успехом главным образом благодаря мне. Я довел этих троих джентльменов до нужного места и, как вы уже слышали, убедил их в правильности моих утверждений. Мы не рассчитывали, что наши совместные выводы будут оспариваться с тем же невежеством и упорством. Но, наученный горьким опытом, я вооружился на сей раз кое-какими доказательствами, которые смогут убедить всякого здравомыслящего человека. Профессор Саммерли уже говорил здесь, что наши фотокамеры побывали в лапах человекообезьян, разгромивших весь наш лагерь, и что большинство негативов погибло. *(Шум, смешки, с задних скамей кто-то кричит:* «Расскажите это вашей бабушке!») Кстати о человекообезьянах. Не могу не отметить, что звуки, которые доходят сейчас до моего слуха, весьма живо напоминают мне наши встречи с этими любопытными существами. *(Смех.)*

Несмотря на то что многие ценные негативы были уничтожены, все же некоторое количество фотографий у

нас осталось и по ним вполне можно судить об условиях жизни на плато. Есть ли у кого-нибудь из здесь присутствующих сомнения в их подлинности? *(Чей-то голос:* «Да!» *Общее волнение, заканчивающееся тем, что нескольких человек выводят из зала.)*

Негативы предложены вниманию экспертов. Какие же еще доказательства может представить комиссия? Ей пришлось бежать с плато, и поэтому она не могла обременять себя каким бы то ни было грузом, но профессору Сammерли удалось спасти свою коллекцию бабочек и жуков, а в ней имеется много новых разновидностей. Разве этого недостаточно? (*Несколько голосов:* «Нет! Нет!») Кто сказал «нет»?

Доктор Иллингворт *(поднимаясь с места).* Мы считаем, что коллекцию можно было собрать где угодно, а не обязательно на вашем доисторическом плато. *(Аплодисменты.)*

Профессор Челленджер. Без сомнения, сэр, слово такого крупного ученого, как вы, для нас закон. Однако оставим фотографии и энтомологическую коллекцию и перейдем к вопросам, которые никогда и никем не освещались. У нас, например, имеются совершенно точные сведения о птеродактилях. Образ жизни этих животных... (*Крики:* «Вздор!» *Шум в зале.*) Я говорю, образ жизни этих животных станет вам теперь совершенно ясен. В моем портфеле лежит рисунок, сделанный с натуры, на основании которого...

Доктор Иллингворт. Рисунки нас ни в чем не убедят!

Профессор Челленджер. Вы хотели бы видеть самую натуру?

Доктор Иллингворт. Несомненно!

Профессор Челленджер. И тогда вы поверите мне?

Доктор Иллингворт *(со смехом).* Тогда? Ну еще бы!

И тут мы подошли к самому волнующему и драматическому эпизоду вечера — эпизоду, эффект которого навсегда останется непревзойденным. Профессор Челленджер поднял руку, наш коллега мистер Э. Д. Мелоун тотчас же встал с места и направился вглубь эстрады. Минуту спустя он снова появился в сопровождении негра гигантского роста; они несли вдвоем большой квадратный ящик,

повидимому очень тяжелый. Ящик был поставлен у ног профессора. Публика замерла, с напряжением следя за происходящим. Профессор Челленджер снял выдвижную крышку с ящика, заглянул внутрь и, прищелкнув несколько раз пальцами, сказал умильным голосом (в журналистской ложе были прекрасно слышны его слова): «Ну, выходи, малыш, выходи!» Послышались какая-то возня, царапанье, и тут же вслед за этим невообразимо страшное, омерзительное существо вылезло из ящика и уселось на его краю. Даже неожиданное падение герцога Дархемского в оркестр не отвлекло внимания пораженной ужасом публики. Хищная голова этого чудовища с маленькими, пылающими, словно угли, глазами невольно заставила вспомнить страшных химер, которые могли зародиться только в воображении средневековых художников. Его полуоткрытый длинный клюв был усажен двумя рядами острых зубов. Вздернутые плечи прятались в складках какой-то грязносерой шали. Словом, это был тот самый дьявол, которым нас пугали в детстве.

Публика пришла в смятение — кто-то вскрикнул, в переднем ряду две дамы упали в обморок, ученые, восседавшие на эстраде, проявили явное стремление последовать за председателем в оркестр. Казалось, еще секунда, и общая паника охватит зал.

Профессор Челленджер поднял руку над головой, стараясь успокоить публику, но это движение испугало сидевшее рядом с ним чудовище. Оно расправило серую шаль, которая оказалась не чем иным, как парой перепончатых крыльев. Профессор ухватил его за ноги, но удержать не смог. Чудовище взвилось с ящика и медленно закружило по залу, с сухим шорохом взмахивая десятифутовыми крыльями и распространяя вокруг себя ужасающее зловоние. Вопли публики на галерее, досмерти перепуганной близостью этих горящих глаз и омерзительного клюва, привели его в полное смятение. Оно все быстрее и быстрее металось по залу, натыкаясь на стены и люстры, и, видимо, совсем обезумело от страха. «Окно! Ради всего святого, закройте окно!» кричал профессор, приплясывая от ужаса и ломая руки. Увы, он спохватился слишком поздно. Чудовище, бившееся о стены, словно огромная бабочка о колпак лампы, поравнялось с окном, протиснуло в него свое уродливое тело... и только мы его и видели. Профессор закрыл лицо руками и упал в кресло, а зал об-

легченно охнул как один человек, убедившись, что опасность миновала.

И тут... Но разве можно описать, что происходило в зале, когда восторг сторонников и смятение недавних противников Челленджера слились воедино и мощная волна ликования прокатилась от задних рядов к оркестру, захлестнула эстраду и подняла наших героев на своем гребне! (Молодец, Мак!) Если до сих пор аудитория была несправедлива к четырем отважным путешественникам, то теперь она постаралась искупить свою вину. Все вскочили с мест. Все двинулись к эстраде, крича, размахивая руками. Героев окружили плотным кольцом. «Качать их! Качать!» раздались сотни голосов. И вот четверо путешественников взлетели над толпой. Все их попытки высвободиться были тщетны! Почетное место оставалось за ними. Да они при всем желании не могли бы опуститься наземь, так как люди стояли на эстраде сплошной стеной.

«На улицу! На улицу!» кричали кругом.

Толпа пришла в движение, и людской поток медленно двинулся к двери, унося с собой четырех героев. На улице началось нечто совсем невообразимое. Там собралось не менее ста тысяч человек. Люди стояли плечом к плечу от Ленгем-отеля до Оксфордской площади. Как только яркий свет фонарей у подъезда озарил четырех героев, плывущих над головами толпы, воздух дрогнул от приветственных криков. «Процессией по Риджент-стрит!» дружно требовали все. Запрудив улицу, колонна двинулась вперед, по Риджент-стрит, на Пелл-Мелл, Сейнт-Джеймс-стрит и Пикадилли. Движение в центре Лондона приостановилось. Между демонстрантами, с одной стороны, полицией и шоферами — с другой, произошел ряд столкновений. Наконец, уже после полуночи толпа отпустила четырех путешественников, доставив их в Олбени, к дверям квартиры лорда Джона Рокстона, спела им на прощание «Наши славные ребята» и завершила программу гимном. Так закончился этот вечер — один из самых замечательных вечеров, которые знал Лондон за последние десятки лет».

Так писал мой друг Макдона, и, несмотря на цветистость его слога, ход событий изложен в этом отчете довольно точно. Что же касается самой большой сенсации, то она поразила своей неожиданностью только публику, но не нас, участников экспедиции. Читатель, разумеется, не забыл мою встречу с лордом Джоном Рокстоном, когда

Окно! Ради всего святого, закройте окно!

он, напялив на себя нечто вроде кринолина, отправился добывать «цыпленочка» для профессора Челленджера. Вспомните также намеки на те хлопоты, которые причинял нам багаж Челленджера при спуске с плато. Если бы я вздумал продолжить свой рассказ, то в нем было бы отведено немало места описанию возни с нашим не совсем аппетитным спутником, которого приходилось ублажать тухлой рыбой. Я умолчал о нем, ибо профессор Челленджер опасался, как бы слухи об этом неопровержимом аргументе не просочились в публику раньше той минуты, когда он воспользуется им, чтобы повергнуть в прах своих врагов.

Несколько слов о судьбе лондонского птеродактиля. Ничего определенного тут установить не удалось. Две перепуганные женщины утверждают, будто бы видели его на крыше Куинз-Холла, где он восседал несколько часов подряд, подобно какой-то чудовищной статуе. На следующий день в вечерних газетах появилась короткая заметка следующего содержания. Гвардеец Майлз, стоявший на часах у Молборо-Хауса, покинул свой пост и был за это предан военному суду. На суде Майлз показал, что во время ночного дежурства он случайно посмотрел вверх и увидел черта, заслонившего от него луну, после чего бросил винтовку и пустился наутек по Пелл-Меллу. Показания подсудимого не были приняты во внимание, а между тем они могут находиться в прямой связи с интересующим нас вопросом.

Добавлю еще одно свидетельство, почерпнутое мной из судового журнала парохода американо-голландской линии «Фрисланд». Там записано, что в девять часов утра следующего дня, когда Старт-Пойнт был в десяти милях, со штирборта, над судном, держа путь на юго-запад, со страшной быстротой пронеслось нечто среднее между крылатым козлом и огромной летучей мышью. Если инстинкт правильно указал дорогу нашему птеродактилю, то не может быть сомнений, что он встретил свой конец где-нибудь в пучинах Атлантического океана.

А моя Глэдис? Глэдис, чье имя было дано таинственному озеру, которое отныне будет называться Центральным, ибо теперь я уже не хочу даровать ей бессмертие. Не замечал ли я и раньше признаков черствости в натуре этой женщины? Не чувствовал ли, с гордостью повинуясь ее велению, что немногого стоит та любовь, которая шлет че-

ловека на верную смерть или заставляет его рисковать жизнью? Не боролся ли с вечно возвращавшейся ко мне мыслью, что в этой женщине прекрасен лишь облик, что душу ее омрачает тень себялюбия и непостоянства? Почему она так пленялась всем героическим? Не потому ли, что наличие благородного поступка могло отразиться и на ней без всяких усилий, без всяких жертв с ее стороны? Или все это пустые домыслы? Я был сам не свой все эти дни. Полученный удар отравил мою душу.

Но с тех пор прошла неделя, и за это время у нас был один очень важный разговор с лордом Джоном Рокстоном... Мне мало-помалу начинает казаться, что дела обстоят не так уж плохо.

Расскажу в нескольких словах, как все произошло. В Саутгемптоне на мое имя не было ни письма, ни телеграммы, и, встревоженный этим, я в десять часов вечера того же дня уже стоял у дверей маленькой виллы в Стритеме. Может быть, ее нет в живых? Давно ли мне грезились во сне раскрытые объятия, улыбающееся личико, горячие похвалы, без счета расточаемые герою, рисковавшему жизнью по прихоти своей возлюбленной! Действительность швырнула меня с заоблачных высот на землю. Но мне будет достаточно одного ее слова в объяснение, чтобы опять воспарить к облакам. И я опрометью бросился по садовой дорожке, постучал в дверь, услышал голос моей Глэдис, оттолкнул в сторону оторопевшую служанку и влетел в гостиную. Она сидела на диванчике между роялем и высокой стоячей лампой. Я в три шага перебежал комнату и схватил обе ее руки в свои.

— Глэдис! — крикнул я.— Глэдис!

Она удивленно посмотрела на меня. Со времени нашей последней встречи в ней произошла какая-то неуловимая перемена. Выражение глаз, холодный взгляд, твердо сжатые губы — все это показалось мне новым. Глэдис высвободила свои руки.

— Что это значит? — спросила она.

— Глэдис! — крикнул я.— Что с вами? Вы же моя Глэдис, моя любимая крошка, Глэдис Хангертон!

— Нет,— сказала она,— я Глэдис Потс. Разрешите представить вам моего мужа.

Какая нелепая штука жизнь! Я поймал себя на том, что машинально раскланиваюсь и пожимаю руку маленькому рыжеватому субъекту, удобно устроившемуся в глу-

боком кресле, которое некогда служило только мне. Мы кивали головой и с глупейшей улыбкой смотрели друг на друга.

— Папа разрешил нам пожить пока здесь. Наш дом еще не готов,— пояснила Глэдис.

— Вот как! — сказал я.

— Разве вы не получили моего письма в Паре?

— Нет, никакого письма я не получал.

— Какая жалость! Тогда вам все было бы ясно.

— Мне и так все ясно,— пробормотал я.

— Я рассказывала о вас Вильяму,— продолжала Глэдис.— У нас нет тайн друг от друга. Мне очень жаль, что так вышло, но ваше чувство было, вероятно, не очень глубоко, если вы могли бросить меня здесь одну и уехать куда-то на край света. Вы на меня не дуетесь?

— Нет, что вы, что вы... Так я, пожалуй, пойду.

— А не выпить ли нам чаю? — предложил рыжеватый субъект и потом добавил конфиденциальным тоном: — Вот так всегда бывает... А на что другое можно рассчитывать? Из двух соперников побеждает всегда один.

Он залился идиотским смехом, и я счел за благо уйти.

Дверь гостиной уже закрылась за мной, как вдруг меня словно что-то подтолкнуло, и, повинуясь этому порыву, я вернулся к своему счастливому сопернику, который тотчас же бросил тревожный взгляд на электрический звонок.

— Ответьте мне, пожалуйста, на один вопрос,— сказал я.

— Что же, если он в границах дозволенного...

— Как вы этого добились? Отыскали какой-нибудь клад? Открыли полюс? Были корсаром? Перелетели через Канал? Что вы сделали? Где она, романтика? Как вам это удалось?

Он уставился на меня во все глаза. Его глуповато-добродушная, ничтожная физиономия выражала полное недоумение.

— Не кажется ли вам, что все это носит чересчур личный характер? — проговорил он, наконец.

— Хорошо. Еще один вопрос, последний! — крикнул я.— Кто вы? Какая у вас профессия?

— Я работаю письмоводителем в нотариальной конторе Джонсона и Меривилля. Адрес: Ченсери-Лейн, дом сорок один.

— Всего хорошего! — крикнул я и, как подобает безутешному герою, исчез во мраке ночи, обуреваемый яростью, горем и... смехом.

Еще одна короткая сцена, и повествование мое будет закончено.

Вчера вечером мы все собрались у лорда Джона Рокстона и после ужина за сигарой долго вспоминали в дружеской беседе наши недавние приключения. Мне странно было видеть эти хорошо знакомые лица в такой непривычной обстановке. Вот сидит Челленджер — снисходительная улыбка попрежнему играет на его губах, веки все так же презрительно сощурены, борода топорщится, он выпячивает грудь, пыжится, поучая Саммерли. А тот попыхивает своей коротенькой трубочкой и трясет козлиной бородкой, яростно оспаривая каждое слово Челленджера. И, наконец, вот наш хозяин — худое лицо, холодный взгляд голубых, как лед, орлиных глаз, в глубине которых всегда тлеет веселый, лукавый огонек. Такими все трое долго сохранятся у меня в памяти.

После ужина мы перешли в святая святых лорда Джона — в его кабинет, залитый розовым сиянием и увешанный бесчисленными трофеями,— и наш дальнейший разговор происходил там. Хозяин достал из шкафчика старую коробку из-под сигар и поставил ее перед собой на стол.

— Пожалуй, мне давно следовало посвятить вас в это дело,— начал он,— но я хотел сначала выяснить все до конца. Стоит ли пробуждать надежды и потом убеждаться в их неосуществимости? Но сейчас перед нами факты. Вы, наверное, помните тот день, когда мы нашли логово птеродактилей в болоте? Так вот: я смотрел, смотрел на это болото и в конце концов призадумался. Я скажу вам, в чем дело, если вы сами ничего не заметили. Это была вулканическая воронка с синей глиной.

Оба профессора кивнули головой, подтверждая его слова.

— Такую же вулканическую воронку с синей глиной мне пришлось видеть только раз в жизни — на больших алмазных россыпях в Кимберли. Вы понимаете? Алмазы не выходили у меня из головы *. Я соорудил нечто вроде корзинки для защиты от этих зловонных гадов и, вооружившись лопаткой, недурно провел время в их логове. Вот что я извлек оттуда.

Он открыл сигарную коробку, перевернул ее кверху дном и высыпал на стол около тридцати или более неотшлифованных алмазов величиной от боба до каштана.

— Вы, пожалуй, скажете, что мне следовало сразу же поделиться с вами моим открытием. Не спорю. Но неопытный человек может здорово нарваться на этих камешках. Ведь их ценность зависит не столько от размера, сколько от консистенции и чистоты воды. Словом, я привез их сюда, в первый же день отправился к Спинку и попросил его отшлифовать и оценить мне один камень.

Лорд Джон вынул из кармана небольшую коробочку из-под пилюль и показал нам великолепно играющий бриллиант, равного которому по красоте я, пожалуй, никогда не видел.

— Вот результаты моих трудов,— сказал он.— Ювелир оценил эту кучку самое меньшее в двести тысяч фунтов. Разумеется, мы поделимся поровну. Ни на что другое я не соглашусь. Ну, Челленджер, что вы сделаете на свои пятьдесят тысяч?

— Если вы действительно настаиваете на своем великодушном решении,— сказал профессор,— то я потрачу все деньги на оборудование частного музея, о чем давно мечтаю.

— А вы, Саммерли?

— Я брошу преподавание и посвящу все свое время окончательной классификации моего собрания ископаемых мелового периода.

— А я,— сказал лорд Джон Рокстон,— истрачу всю свою долю на снаряжение экспедиции и погляжу еще разок на любезное нашему сердцу плато. Что же касается вас, юноша, то вам деньги тоже нужны — ведь вы женитесь?

— Да нет, пока не собираюсь,— отвечал я со скорбной улыбкой.— Пожалуй, если вы не возражаете, я присоединяюсь к вам.

Лорд Рокстон посмотрел на меня и молча протянул мне свою крепкую, загорелую руку.

О НАУЧНОЙ ОСНОВЕ РОМАНА «ЗАТЕРЯННЫЙ МИР»

Мир далекого прошлого, подчас совершенно необычный, всегда привлекал внимание не только ученых, но и каждого культурного и любознательного человека, интересующегося окружающей нас природой. Научно-фантастический роман А. Конан-Дойля (1859—1930) «Затерянный мир» не единственный на эту тему: задолго до него Жюлем Верном — одним из основоположников научно-фантастического жанра — было написано «Путешествие к центру Земли», а около 40 лет назад академиком В. А. Обручевым — «Плутония». Перед каждым из этих авторов стояла задача «найти» такое неизученное человеком место на Земле, где было бы правдоподобным сохранение давно исчезнувшего мира. Жюль Верн и Обручев создали свои романы, использовав старинные гипотезы о пустотелости Земли и о возможности населения подземных пустот другим животным и растительным миром. Конан-Дойль для построения сюжета выдумал изолированное плато в центре относительно слабо изученного материка Южной Америки. Конечно, мы знаем, что нигде на Земле животные и растительные формы не могут сохраняться неизменными в течение миллионов лет, так как все находится в непрерывном движении, развитии. Таким образом, сама предпосылка упомянутых романов — фантастическая. Но, как только мы минуем это фантастическое преддверие, мы попадаем уже в мир научных истин, мир, который мог бы наблюдать человек, появись он на Земле на 120 миллионов лет раньше.

* *
*

Наука, занимающаяся изучением ископаемых животных и растений,— палеонтология — шаг за шагом восстановила основные звенья развития жизни на Земле — от современности до ее возникновения. Палеонтология опровергла религиозное учение о неизмен-

ности животного и растительного мира на Земле, который был создан якобы всего несколько тысяч лет назад. Палеонтологические данные неопровержимо показали, что чем дальше мы будем спускаться вглубь веков, тем более необыкновенную жизнь мы встретим. Основные этапы жизни на Земле, весьма упрощенно сообщаемые в романе мистером Уолдроном, можно изобразить в виде следующей геохронологической таблицы:

Эры	Периоды	Длительн., в млн. лет	Основн. геол. события и облик земн. поверхности	Основн. этапы в развитии растит. и животн. мира
Кайнозойская	Четвертичный	1	Формирование современного рельефа. Оледенение	Формирование современной флоры и фауны. Появление человека
	Неоген	20	Альпийское горообразование	Появление человекообразных обезьян
	Палеоген	35	Разрушение мезозойских гор, развитие равнин	Быстрое развитие птиц и разнообразных групп млекопитающих; широкое распространение покрытосеменных растений
Мезозойская	Мел	60	Сокращение водных бассейнов. Тихоокеанское горообразование	Появление покрытосеменных растений. Постепенное вымирание мезозойских пресмыкающихся
	Юра	25	Развитие огромных заболоченных низменностей, внутриматериковых морей. Жаркий, влажный климат	Расцвет разнообразных групп пресмыкающихся. Появление птиц и млекопитающих. Широкое распространение голосеменных растений
	Триас	25	Разрушение герцинских гор, развитие равнинного рельефа	Появление основных групп мезозойских пресмыкающихся. Вымирание древних пресмыкающихся и стегоцефалов

Продолжение

Эры	Периоды	Длительн., в млн. лет	Основн. геол. события и облик земн. поверхности	Основн. этапы в развитии растит. и животн. мира
Палеозойская	Пермь	40	Сухой климат. Сокращение морей. Герцинское горообразование	Появление голосеменных растений. Расцвет древних групп пресмыкающихся
	Карбон (каменноугольный)	75	Развитие громадных заболоченных низменностей. Жаркий, влажный климат	Появление пресмыкающихся. Развитие пышной флоры: плаунов, хвощей и древовидных папоротников. Расцвет земноводных
	Девон	40	Резкое сокращение морей	Выход позвоночных из воды на сушу—появление земноводных (стегоцефалов). Широкое распространение наземных растений. Расцвет рыб
	Силур	85	Каледонское горообразование	Появление первых позвоночных: бесчелюстных, а затем рыб
	Кембрий	90	Широкое распространение морских бассейнов	Расцвет морской фауны беспозвоночных животных: губок, кораллов, червей, плеченогих, мшанок, трилобитов, моллюсков

Продолжение

Эры	Периоды	Длительн., в млн. лет	Основн. геол. события и облик земн. поверхности	Основн. этапы в развитии растит. и живот. мира
Протерозойская	—	1500		Появление первых животных (беспозвоночных): радиолярий, губок, моллюсков, плеченогих, гигантских ракоскорпионов
Архейская	—			Появление микроскопических растительных организмов — бактерий

Как мы видим, первые животные появились в так называемую протерозойскую эру, или эру «первичной жизни». Все протерозойские животные — беспозвоночные: это микроскопические радиолярии и другие одноклеточные организмы, а также губки, моллюски, плеченогие (напоминающие своим видом двустворок) и гигантские ракоскорпионы (до 2 метров и более). В следующую, палеозойскую эру (эру «древней жизни»), начавшуюся около полумиллиарда лет назад, растения и животные выходят из воды на сушу, появляются первые позвоночные животные — сначала так называемые *бесчелюстные* (рыбообразные существа, но без челюстей и парных плавников, с телом, заключенным в панцырь). От бесчелюстных произошли настоящие рыбы, а от последних в середине палеозойской эры земноводные — первые наземные позвоночные, представленные в то время группой стегоцефалов. Во второй половине палеозойской эры стегоцефалы дали новый класс позвоночных — пресмыкающихся, достигших особенно большого разнообразия и распространения в мезозойскую эру (эру «средней жизни»), начавшуюся около 150 миллионов лет назад. В середине этой эры от пресмыкающихся появились два высших класса позвоночных — птицы и млекопитающие, получившие наибольший расцвет в кайнозойскую эру (эру «новой жизни»), продолжающуюся и в настоящее время. В кайнозойскую эру происходило формирование современного животного и растительного мира.

* *
*

На самую идею о «затерянном мире» Конан-Дойля натолкнули, повидимому, материалы кругосветной океанографической экспедиции на военном паровом корвете «Челленджер», которая была снаряжена

английским правительством в 1872—1876 годах. Оттуда же романист позаимствовал и имя одного из своих героев. Эта экспедиция впервые составила карту глубин трех океанов, провела разнообразные исследования по физике и химии моря и открыла своеобразный мир глубоководных организмов. Научное значение экспедиции было огромно. Для обработки ее материалов был создан специальный институт в Эдинбурге «Challenger Office», опубликовавший капитальное издание в 50 томах с описанием путешествия, океанографическими, ботаническими и зоологическими исследованиями.

Конан-Дойль охарактеризовал животных в основном конца верхнеюрской — начала нижнемеловой эпохи по материалам Британского музея, обладающего богатыми палеонтологическими коллекциями. Не случайно, что и в романе Конан-Дойля, и в романах Жюля Верна и Обручева изображен мир позвоночных кайнозойской и особенно мезозойской эры, составляющей, пожалуй, наиболее важный и интересный этап в развитии жизни на Земле.

Мир пресмыкающихся мезозоя, богатый причудливыми до фантастичности формами, сам по себе уже представляет увлекательнейшую тему, пленяя наш ум. Пресмыкающиеся мезозоя — наиболее высокоорганизованные животные того времени — смогли освоить в качестве зон обитания не только сушу, но и воздух (летающие ящеры), и воды (в пресных водоемах — динозавры, в морских — ихтиозавры и плезиозавры). Любопытно, что среди пресмыкающихся мезозоя имеются биологические прообразы птиц и разнообразных млекопитающих, занявших место пресмыкающихся в кайнозойскую эру. Хотя птицы и млекопитающие появились в середине мезозоя, они вынуждены были «влачить жалкое существование», пока многочисленные и высокоорганизованные пресмыкающиеся не «сошли со сцены», вымерев в конце мезозоя.

Одной из интереснейших групп мезозойских позвоночных, несомненно, были *динозавры* — «необыкновенные, или ужасные ящеры», об истории которых хочется сказать несколько слов особо.

Сначала это были небольшие двуногие хищники, так же как и их предки — *текодонты,* являвшиеся одновременно родоначальной группой для крокодилов, летающих ящеров и птиц. Затем представители одной ветви динозавров — *зауроподы* — перешли на растительную пищу, а потом, повидимому вытесняемые своими хищными собратьями, переселились в воду, в которой проводили бо́льшую часть своей жизни. Постепенно эти формы вернулись к четвероногому хождению и в условиях водной среды довольно быстро достигли гигантских размеров. Такие представители, как *диплодок* (т. е. «двудум» — ироническое название, основанное на том, что крестцовый мозг у него был значительно больше головного), достигали до 30 мет-

ров длины. Они были самыми крупными наземными позвоночными, когда-либо существовавшими на нашей планете. По суше такое животное, весившее многие тонны, вряд ли могло бы легко передвигаться, в воде же оно чувствовало себя превосходно. Гигантский рост позволял ему заходить на значительную глубину (тем более что оно могло вставать на задние лапы), не боясь при этом ни прибойной волны, ни водных хищников.

Хищные динозавры — в прошлом родственники зауропод — сохранили двуногое передвижение и развивались в сторону усиления орудий нападения — зубов и когтей. Величина зубов наиболее поздних хищных динозавров достигала 20 сантиметров. Это неизбежно вызывало увеличение и всего черепа, а следовательно, и тела животного. У крупных форм череп достигает 2 метров длины, а высота тела 9—10 метров. Передние конечности при наличии мощных зубов и страшных когтей задних лап утратили свое значение в качестве важных органов нападения и очень сильно укоротились в размерах, заметно облегчив тем самым переднюю часть туловища с массивным тяжелым черепом. Такие хищные динозавры, как верхнемеловой *тиранозавр* («ящер-тиран»), были страшнейшими наземными хищниками всех времен.

Другая ветвь динозавров объединяет три группы: так называемых *орнитопод (игуанодонты, утконосые динозавры), панцырных динозавров* и *рогатых динозавров.* Все эти ящеры были растительноядными. Орнитоподы, сохранившие, подобно хищным динозаврам, двуногое передвижение, вначале были жителями суши — игуанодонты, а затем часть из них, подобно зауроподам, перешла к обитанию в воде — утконосые динозавры. Последние достигали громадных размеров — 9—10 метров высоты. Их задние конечности, выдерживавшие громадный вес животного, были тяжелыми и массивными, напоминая ноги носорога или бегемота. Когти на пальцах превратились в широкие копыта, что было выгодным приспособлением при хождении по топкому грунту. На передних конечностях (вдвое меньших, чем задние) были натянуты плавательные перепонки. Мощным органом движения в воде был хвост, достигавший у основания 2 метров высоты. Челюсти оканчивались подобием утиного клюва, которым ящер щипал траву или процеживал болотную воду с попадавшей в нее пищей, как это делают утки.

Не менее интересны рогатые и панцырные динозавры, «рискнувшие» остаться жить на суше рядом со своими грозными сородичами — хищными динозаврами. Такая совместная жизнь привела к развитию у панцырных и рогатых динозавров мощных оборонительных средств. У панцырных динозавров тело было защищено прочным панцырем, образовавшимся, подобно черепашьему, из слияния кост-

ных щитков. Некоторые из этих динозавров имели на панцыре еще дополнительные шипы, а на хвосте острые шипы-колючки до полуметра длиной. Не менее надежно были защищены и рогатые динозавры, имевшие на черепе один или три рога гигантских размеров до $1^1/_2$ метров длины. Шея рогатых динозавров была прикрыта сверху громадным костным воротником, развившимся за счет разрастания височно-теменных костей. И панцырные, и рогатые динозавры перешли к четвероногому хождению: это уменьшало поверхность тела, подверженную нападению, так как при таком положении уязвимой для хищных динозавров (которые могли нападать только сверху) оставалась лишь спина.

Каковы же были причины вымирания динозавров? В романе (стр. 160) устами Челленджера и Саммерли высказывается мысль, что динозавры вымерли из-за слабого развития мозга, не позволявшего им должным образом приспособляться к окружающим условиям. Эта теория имела место в ранней палеонтологии (а некоторыми палеонтологами поддерживается и до сих пор), но она совершенно неверна.

Развитие мозга связано с общим функциональным усложнением всего организма и тем самым всегда является лишь отражением высоты организации животного, но ни в коем случае не может служить причиной его благоденствия или вымирания. Если допустить мысль, что животные со слабым развитием мозга обречены на вымирание, тогда неизбежно заключение, что все живое на Земле, кроме человека, должно вымереть. Но это совсем не так: существуют животные со слабо развитым мозгом, а большинство беспозвоночных — совсем без настоящего головного мозга.

Общей причиной вымирания животных и растений является изменение окружающей среды, к которой они хорошо приспособлены. Изменение окружающей среды неизбежно вызывает и изменение в строении животных. Если оно идет с той же скоростью, с какой происходит изменение окружающей среды, то животные сохраняются, превращаясь, однако, в новые виды; если же скорость изменения животных отстает от скорости изменения окружающей среды, то данные группы животных вымирают. Это одно из основных положений эволюции животного мира, блестяще доказанное Дарвином и его последователями.

Что касается динозавров, то о их вымирании можно сказать следующее. В мезозойскую эру — эру процветания пресмыкающихся вообще и динозавров в частности — материки, как говорят, имели «низкое стояние» после длительного разрушения горных цепей, воздвигнутых во второй половине палеозоя. Низкий равнинный рельеф способствовал развитию большого количества огромных за-

топляемых низин, а вокруг них пышной растительности. Отсутствие высокогорных материков способствовало уравновешиванию климата, который в мезозое был жарким и влажным; тропики тогда были значительно дальше раздвинуты от экватора на север и юг, нежели теперь. Совершенно очевидно, что пресмыкающиеся — животные с непостоянной температурой тела — находились в благоприятных условиях для своего развития. Обилие животной и растительной кормовой базы давало возможность для процветания разнообразных форм и их широкого распространения. Так как в первой половине мезозоя пресмыкающиеся среди животных были самыми высокоорганизованными формами, то, естественно, они и получили наибольшее развитие.

В конце мезозоя произошли большие изменения в облике материков: началось мощное горообразование, особенно сильно захватившее центральные широты — места наибольшего распространения пресмыкающихся. Горообразование повлекло за собой значительное осушение материков и тем самым лишило многие группы пресмыкающихся, приспособленных к жизни в водной среде (морские пресмыкающиеся, различные группы динозавров), их естественных зон обитания. Изменение климата в сторону его континентальности, безусловно, должно было неблагоприятно отразиться на животных, приспособленных к жизни в тропиках. Все это привело к тому, что в конце мезозоя вымерло большинство пресмыкающихся, в том числе и динозавры.

Часто задают вопрос, почему вымирание динозавров произошло именно в конце мезозоя? Дело в том, что конец мезозоя, т. е. граница его с кайнозоем (следующей эрой), именно там и проводится, где исчезают многочисленные группы мезозойских пресмыкающихся.

Следует отметить, что в романе А. Конан-Дойля и описание динозавров, и весь остальной естественноисторический материал отличаются в целом достаточно высокой научной достоверностью. Это придает особую ценность произведению, в художественной форме знакомящему читателя с одной из увлекательных областей наших знаний о природе. Необходимо добавить также, что превосходные рисунки художника А. М. Орлова выполнены не только с большим вкусом, но и совершенно грамотно, с точки зрения палеонтологии, чем выгодно отличают настоящее русское издание от более ранних.

ПРИМЕЧАНИЯ[1]

К стр. 8. *Бертон, Ричард* (1821—1890) — английский путешественник, совершивший ряд экспедиций в Аравию, Африку и Южную Америку и описавший их в своих книгах. Ему принадлежит открытие озера Танганьика в Африке.

Стенли, Генри, настоящее имя — Джон Роуленде (1841—1904) — известный американский путешественник, отыскавший пропавшую без вести экспедицию Д. Ливингстона — выдающегося английского исследователя Африки. Стенли установил, что озеро Танганьика не принадлежит к системе Нила, открыл исток реки Конго. Некоторые его книги переведены на русский язык: «Как я нашел Ливингстона», «В дебрях Африки» и др.

К стр. 9. *Клайв, Роберт* (1725—1774) — один из английских колонизаторов в Индии в период завоевания ее Англией. Был генерал-губернатором Бенгалии (1765—1767). Начал свою деятельность писцом Ост-Индской компании.

К стр. 13. *Антропология* (от греч. «антропос» — человек, и «логос» — слово, наука) — наука о физической природе и происхождении человека.

Палеонтология (от греч. «палайос» — древний, «онтос» — существо и «логос» — слово, наука) — наука об ископаемых организмах — животных и растениях.

Теория Вейсмана, Августа (1834—1914) — немецкого биолога, получившая название вейсманизма, или неодарвинизма, представляет собой идеалистическую доктрину, искажающую эволюционную теорию великого английского биолога Чарлза Дарвина (1809—1882). Основой вейсманизма служит учение о якобы вечной и неизменной так называемой зародышевой плазме, находящейся в половых клетках. Согласно этой теории передача наследственных признаков обязана особым носителям наследственности, заключенным в зародышевой плазме. Эти носители наследственности существуют, по Вейсману, вечно, передаваясь от поколения

---

[1] Слова, к которым относятся помещенные ниже примечания, отмечены в тексте книги звездочкой.

к поколению и не изменяясь под воздействием внешней среды. Вейсман считал зародышевую плазму бессмертной и отрицал передачу по наследству признаков, приобретенных под воздействием внешней среды в процессе развития организма, отрицая тем самым основы учения Дарвина. История животного и растительного мира, а также широкая практика выведения человеком новых пород животных и растений наглядно опровергают ложную концепцию вейсманизма.

К стр. 23. *Телегония* — одна из ложных теорий в учении о наследственности; согласно телегонии дети могут быть сходны с отцами более раннего приплода.

Партеногенетическое яйцо от слова *партеногенез* (греч. «партенос» — девственница и «генезис» — рождение), т. е. размножение, при котором женские половые клетки развиваются без оплодотворения. Такая форма размножения довольно широко распространена у растений и животных (главным образом у насекомых, например у пчел). Партеногенез может быть достигнут и искусственным путем — посредством различных физико-химических воздействий на яйцеклетку.

К стр. 32. *Брахицефал* (от греч. «брахис» — короткий и «кефале» — голова) — короткоголовый, в противоположность долихоцефалу — длинноголовому. Большинство буржуазных антропологов рассматривает форму головы как один из наиболее устойчивых признаков рас, связывая это даже с определенным уровнем умственного развития. В Европе, например, были выделены три короткоголовые расы: восточная, динарская и альпийская (кельтская). Исследования советских ученых показали, что форма головы человека не имеет ничего общего с его умственным развитием или расовой принадлежностью.

Кельты — группа племен, обитавших уже во втором тысячелетии до нашей эры в Западной Европе — к северу и западу от Альп и расселившихся впоследствии на территории современной Франции, Бельгии, Британских островов и Северной Испании.

Уоллес, Альфред (1823—1913) — знаменитый английский натуралист, независимо от Дарвина пришедший к теории происхождения видов животных и растений путем естественного отбора. Классическими являются исследования Уоллеса и в области зоогеографии, изложенные в его капитальном труде «Географическое распространение животных и изменения земной поверхности, на которые оно указывает».

Бейтс, Генри (1825—1892) — английский натуралист и путешественник, принимал совместно с А. Уоллесом участие в путешествии в Бразилию, где за 11 лет собрал громадную коллекцию насекомых, содержавшую несколько тысяч новых видов.

К стр. 33. *Альбиносы* — люди, животные и растения с признаками альбинизма (от лат. слова «альбус» — белый), т. е. отсутствия нормальной для данного организма окраски. У животных и человека альбинизм обычно выражается в отсутствии окраски волосяного покрова или кожи, а также радужной оболочки глаз.

К стр. 34. *Ламантин* — млекопитающее из отряда сирен. Внешне напоминает ластоногих, но не родственно им, а является далеким потомком копытных, приспособившихся к жизни в воде. Ламан-

тины обитают у морских берегов и в реках Бразилии, а также у западного побережья Африки.

Агути — довольно крупные грызуны, населяющие тропические леса Центральной и Южной Америки. Цвет — от золотистого до почти черного. Говоря о сходстве со свиньей, автор допустил ошибку: агути похож на морскую свинку — грызуна, обитающего в Южной Америке.

Базальт — бедная кремнекислотой горная порода, обычно черного, реже красного цвета. На поверхность Земли попадает в результате вулканических извержений, образуя местами покровы огромной площади и значительной мощности.

К стр. 38. *Ланкестер Рей* (1847—1929) — крупный английский биолог. В течение ряда лет был директором естественноисторического отдела Британского музея. Известен также и как талантливый популяризатор, в том числе в области палеонтологии.

Динозавры (от греч. «динос» — удивительный, необычный, страшный и «заурос» — ящер, ящерица) — группа вымерших пресмыкающихся, достигавших большого разнообразия и широкого распространения на всех материках в мезозойскую эру. Наиболее крупные местонахождения скелетов динозавров известны в юрских и меловых отложениях США, Восточной Африки и Монголии. Более подробно о динозаврах рассказано в послесловии.

Стегозавры — крупные, до 6 метров длиной, четвероногие динозавры, питавшиеся растительностью (в романе размеры стегозавров несколько преувеличены). Они обитали на территории Восточной Африки, Северной Америки и Англии 100—120 миллионов лет назад — в конце юрского и начале следующего за ним мелового периода мезозойской эры. Тело стегозавров сверху было покрыто двумя рядами громадных шипов — пластин (отсюда и название животных: «стего» — покрываю, «заурос» — ящер, «покрытые ящеры»). Эти костные выросты служили защитой при нападении гигантских хищных динозавров. На конце хвоста стегозавров также имелись большие острые шипы. Задние конечности их были в полтора раза длиннее передних; при надобности стегозавры, вероятно, могли вставать и даже передвигаться на задних ногах. Стегозавры имели небольшую голову, однако сравнение с птичьей головой, сделанное Мелоуном (стр. 35), неудачно.

Южный Кенсингтон — район Лондона, где находится естественноисторический отдел Британского музея.

К стр. 42. *Крылатые,* или *летающие, ящеры* — мезозойские пресмыкающиеся, приспособившиеся к жизни в воздухе. Они имели крылья в виде кожных перепонок, которые были натянуты между боками тела и наружными пальцами передних конечностей. Летающие ящеры — жители юрского и мелового периодов. Они произошли от общих с динозаврами предков — так называемых текодонтов — сравнительно небольших двуногих хищных пресмыкающихся, живших в триасовый период — первый период мезозойской эры.

Птеродактили (от греч.— «птерон» — крыло и «дактилус» — палец) — группа *летающих ящеров,* отличавшаяся коротким хвостом и слабым озублением или полным отсутствием зубов.

Диморфодон — один из наиболее древних представителей летающих ящеров, живший в нижнеюрскую эпоху и не имевший еще настоящего птицеподобного облика. Диморфодон достигал метра длины. Его череп не имел формы клюва, шея была очень короткой, хвост, наоборот, очень длинным, а крылья еще сравнительно слабо развитыми. В романе, судя по описанию, речь идет о гигантском представителе птеродактилей — *птеранодоне*, жившем в конце мелового периода. Размах его крыльев достигал 8 метров. Голова имела своеобразное строение: впереди громадный беззубый клюв (почему Мелоун и принял его по неопытности за пеликана), а сзади такой же величины костный гребень. Наделение птеранодона зубастым клювом — ошибка автора, соединившего мелких зубастых птеродактилей с гигантским беззубым птеранодоном в одном образе. Птеранодоны обитали в береговой зоне морей; питались рыбой, выхватывая ее на лету из воды. Остатки птеранодонов найдены в верхнемеловых отложениях Северной Америки и Европы.

К стр. 43. Автор довольно туманно объясняет происхождение базальтового плато путем вулканического поднятия. Правильнее было бы истолковать его как *горст* — участок земной коры, приподнятый над остальной поверхностью в результате тектонических процессов, связанных с горообразовательными движениями.

К стр. 51. Утверждение, что кенгуру является прямым предком всех млекопитающих, неверно, даже если допустить, что автор имел в виду вообще сумчатых, к которым относится кенгуру. Сумчатые появились в конце мезозойской эры и развивались параллельно с плацентарными, к которым относится подавляющее большинство современных млекопитающих. Предками сумчатых и плацентарных были, повидимому, так называемые *пантотерии* — мелкие примитивные млекопитающие юрского периода, происшедшие от группы зверообразных пресмыкающихся в первой половине мезозойской эры.

К стр. 52. *Вельдские отложения,* составляющие самую нижнюю часть отложений мелового периода, развиты в Южной Англии и вдоль северного побережья Центральной Европы. Эти отложения богаты остатками различных динозавров.

Золенгофен — месторождение сланцев юрского возраста, находится в Германии. Оно заключает многочисленные остатки различных пресмыкающихся: *ихтиозавров, плезиозавров, крокодилов,* а также *летающих ящеров.* Но особую знаменитость это место приобрело после находки *археоптерикса* — предка птиц, занимающего по своему строению промежуточное положение между пресмыкающимися и птицами. Археоптерикс был примитивной птицей, имевшей уже настоящее оперение, но вместе с тем сохранившей признаки своих предков — пресмыкающихся: зубастый клюв, длинный хвост из 20 позвонков и свободные пальцы с когтями над крыльями.

К стр. 60. *Фрагонар Жан Онорэ* (1732—1806) — знаменитый французский живописец-гравер.

Жирарде — семья швейцарских художников конца XVIII — начала XIX века, живших и работавших во Франции. В романе, повидимому, идет речь о *Поле Жирарде* (1821—1893).

Тернер, Джозеф Вильям (1775—1851) — выдающийся английский живописец-пейзажист.

К стр. 62. *Уганда* — государство в экваториальной Восточной Африке, находящееся под протекторатом Англии.

К стр. 64. *Пара (ныне Белем)* — город и порт в Северной Бразилии.

Гордон, Адам (1833—1870) — поэт, популярный в Англии; большую часть жизни провел в Австралии.

К стр. 69. *Манаос, или Манаус,*— город и порт на реке Амазонке, в 1690 километрах от ее устья.

К стр. 87. *Гаучосы,* или *гаучо,*— этническая группа, возникшая от смешения испанцев с индейцами Аргентины. В настоящее время почти растворилась среди аргентинского населения. Во времена путешествия Дарвина (1831—1836) гаучосы отличались большой воинственностью, хотя по характеру своему, как свидетельствует Дарвин, представляли народ вежливый, гостеприимный и услужливый.

К стр. 98. *Маниок,* или *маниот,*— растение из семейства молочайных; распространено в тропической части Южной Америки, но не в диком, а в культивированном виде. Вареные клубневидные корни этого растения употребляются в пищу.

К стр. 120. Клещ рода *Ixodes,* относится к семейству так называемых пастбищных клещей, особенно многочисленных в тропиках и являющихся переносчиками различных заболеваний человека и животных. В романе Ixodes Maloni назван в честь Мелоуна.

К стр. 126. *Игуанодоны* (от исп. «игуана» — ящерица, и греч. «одоус, одон» — зуб, т, е. ящеры с зубами игуаны)— громадные растительноядные динозавры до 5—6 метров высотой, передвигавшиеся, подобно кенгуру, на задних ногах (только не прыжками). В ископаемом состоянии игуанодоны известны из нижнемеловых отложений Англии (вельдские отложения), особенно же большое их скопление — около 30 скелетов — было открыто в прошлом столетии в Бельгии. В их описании в романе имеется ряд неточностей и ошибок. Размеры и сила этих ящеров явно преувеличены, когда говорится, что детеныши были размером со слона или что игуанодоны передними лапами ломали большие деревья (стр. 124—125).

Несколько дальше (стр. 127) автор противоречит себе, заявляя, что игуанодоны были совершенно безобидными увальнями и не могли бы причинить путешественникам особого вреда. Безусловно, массивные, тяжелые животные, весившие тонны, легко могли бы просто растоптать человека.

Гастингс — город-графство на юго-востоке Англии, на берегу Ла-Манша. В этом районе имеются выходы нижнемеловых песчаников со следами и остатками динозавров.

К стр. 138. Плотоядные, или, точнее, *хищные, динозавры* — подотряд динозавров. Среди хищных динозавров были сравнительно небольшие птицеподобные *целурозавры* и гигантские массивные *карнозавры* — самые крупные наземные хищники, когда-либо жившие на Земле (до 10 м высотой). Все хищные динозавры передвигались на двух задних ногах, очень похожих на лапы крупных бегающих птиц; мощный хвост служил дополнительной опорой; передние конечности, особенно у карнозавров, были ко-

роткие, голова же непропорционально велика, а зубы имели вид настоящих кинжалов.

К стр. 139. *Тигр с саблевидными клыками,* или *махайрод* (саблезуб),— громадная кошка середины кайнозойской эры. Отличалась двумя сильно развитыми клыками на верхней челюсти, позволявшими умерщвлять крупных животных.

Аллозавр — хищный динозавр, достигавший около 10 метров длины. Жил в верхнеюрскую эпоху. Его остатки найдены в Северной Америке и Африке. Сравнение с саблезубом неудачно, так как зубы у хищных динозавров все более или менее одинакового размера, и это служит лишним подтверждением того, что вряд ли они нападали на очень крупных животных. В истории жизни на Земле известны предшественники (не предки!) саблезубов среди пресмыкающихся — это *иностранцевии,* крупные (до 3 метров длиной) хищники конца палеозойской эры, имевшие два громадных (до 20 см) клыка на верхней челюсти, вероятно позволявшие им убивать самых крупных животных того времени.

Мегалозавр — хищный динозавр, близкий к аллозавру. Известен из верхнеюрских отложений Англии.

К стр. 140. Месторождения асфальта обычно связаны с месторождениями нефти. Неясно, почему автор связывает асфальт с вулканическим происхождением плато.

К стр. 141. *Муравьеды* — семейство млекопитающих из отряда неполнозубых. Распространены в Центральной и Южной Америке. Гигантские муравьеды, ведущие наземный образ жизни, имеют хвост с длинными волосами, между которыми расположены роговые чешуйки.

К стр. 147. *Телепатия* — передача мыслей на расстояние без непосредственного воздействия на данное лицо; не имеет под собой научной основы.

К стр. 155. Не совсем ясно, кого подразумевает автор, описывая существо с длинной гибкой шеей, как у лебедя, и неуклюжим туловищем. Такую шею и туловище могли иметь *плезиозавры* — хищные морские пресмыкающиеся, и громадные четвероногие растительноядные динозавры — *зауроподы.*

Армадиллы, или *броненосцы,*— млекопитающие из отряда неполнозубых. Туловище их покрыто панцырем из окостеневших кожных щитов. Распространены в Южной и Центральной Америке. Ископаемые представители достигали гигантских размеров — почти 3 м длины.

Троглодиты — древнегреческое название пещерных жителей.

К стр. 158. Описание хищного динозавра неверно. Он не передвигался прыжками, а бегал, подобно крупным бегающим птицам. Никто из хищных динозавров не имел плоской жабьей морды, наоборот — голова была у всех довольно высокая и сжатая с боков. Вряд ли хищные динозавры могли издавать свирепый рев, так как у пресмыкающихся недостаточно развит голосовой аппарат. Обоняние также слабо развито у пресмыкающихся. У хищных динозавров одним из наиболее хорошо развитых органов чувств было зрение.

К стр. 171. *Дриопитек* («древесная обезьяна») — крупная ископаемая человекообразная обезьяна, населявшая в середине кайнозойской эры тропические леса Западной Европы, Египта и Индии. Считается предком современных человекообразных обезьян и человека.

Питекантроп (от греч. «питекус» — обезьяна и «антропос» — человек) — древнейший ископаемый человек, живший около миллиона лет назад, в начале четвертичного периода кайнозойской эры. Остатки его были найдены на острове Ява. По своему строению питекантроп занимает промежуточное положение между обезьяной и человеком, подтверждая тем самым их родство.

К стр. 191. *Плезиозавры* были крупнейшими морскими хищниками мезозоя, достигавшими 12—15 метров длины. Скелеты этих пресмыкающихся довольно часто находят в отложениях юрского периода в Германии, а у нас — в Заволжье. Плезиозавры обитали в прибрежных водах, питаясь рыбой и крупными головоногими моллюсками — аммонитами и белемнитами. Туловище плезиозавров было довольно коротким и плоским, конечности превратились в ласты. Одни из плезиозавров отличались громадным черепом и короткой шеей, другие, наоборот, имели сравнительно небольшую голову и длинную шею, состоявшую у таких представителей, как *эласмозавр*, более чем из 70 позвонков. Такое животное напоминало «змею, продетую в туловище черепахи».

К стр. 197. *Динозавры* и *игуанодоны* — неправильный перечень, поскольку игуанодоны тоже являются динозаврами.

К стр. 200. Сравнение хищных динозавров с жабами совершенно неправильно (см. примечание к стр. 158).

Указание на отсутствие головного мозга у хищных динозавров неверно — можно говорить о его более слабом развитии по сравнению с крестцовым мозгом.

Строфант — ядовитое растение, распространенное в Африке и Южной Азии. Используется в медицине в качестве средства, регулирующего и возбуждающего сердечную деятельность. Из семян и корней строфанта туземцы добывали яд для стрел.

К стр. 201. *Ихтиозавры* («рыбоящеры») — хищные морские пресмыкающиеся мезозойской эры, имевшие в связи с водным образом жизни рыбообразный облик. Ихтиозавры достигали 10—12 метров длины и были подобны акулам не только по форме, но и по образу жизни. Конечности ихтиозавров превратились в ласты, на спине и хвосте развились кожные плавники. В отличие от своих современников плезиозавров ихтиозавры были жителями открытого моря. Указание на наличие трех глаз у ихтиозавров имеет основание — на теменных костях имеется углубление, в котором помещался «теменной глаз», или пинеальный орган. Назначение этого органа в качестве дополнительного глаза могло быть только у самых древних позвоночных. У наземных позвоночных (амфибий и рептилий) он приобрел функцию органа терморегуляции. Какую функцию выполнял этот орган у ихтиозавров,— неясно.

Зеленая водяная змея — непонятно, какое пресмыкающееся имеет в виду автор. Среди нижнемеловых позвоночных, которые составляют основное ядро фауны в романе, неизвестны подобные

формы. Скорее всего это плод фантазии автора, так же как и животное величиной более коровы, излучавшее слабый фосфорический свет и издававшее мускусный запах.

Фороракос, или *фороракус,*— гигантская бегающая птица, жившая в начале кайнозойской эры — около 40 миллионов лет назад. В романе ее размеры (12 футов) преувеличены: на самом деле она достигала высоты 1,5—2 метров. По образу жизни фороракос был хищником, питавшимся, вероятно, мелкими млекопитающими, а также пресмыкающимися. Остатки этой ископаемой птицы найдены в Южной Америке.

К стр. 202. *Токсодон* — крупное тяжеловесное млекопитающее из группы копытных, населявшее Южную Америку в конце третичного и начале четвертичного периодов кайнозойской эры. Внешне токсодон должен был напоминать исполинскую морскую свинку, не имея с ней, однако, никакого родства.

К стр. 205. Желудок рыбоящера (ихтиозавра) не мог иметь размеры, необходимые воздушному шару такой подъемной силы.

К стр. 210. *Араукария* — хвойное дерево, распространенное в Южной Америке и в Австралии.

К стр. 217. *Темнопурпурная змея,* длиной в 51 фут, является, повидимому, фантазией автора.

К стр. 229. Синяя или голубоватая глина, вернее глиноподобная порода, о которой здесь идет речь, представляет собой подвергшуюся химическому выветриванию вулканическую алмазоносную породу кимберлит (название по городу Кимберли в Южной Африке). Вот почему синяя глина в вулканическом кратере в Стране Мепл-Уайта привлекла такое внимание лорда Рокстона.

ОГЛАВЛЕНИЕ

		Стр.
Глава	I. «Человек — сам творец своей славы»	5
Глава	II. «Попытайте счастья у профессора Челленджера»	11
Глава	III. «Это совершенно невозможный человек»	19
Глава	IV. «Это величайшее в мире открытие!»	28
Глава	V. «Это еще не факт!»	46
Глава	VI. «Меня называли бичом божиим»	60
Глава	VII. «Завтра мы уходим в Неведомое»	71
Глава	VIII. На подступах к новому миру	82
Глава	IX. «Кто мог предугадать это?»	96
Глава	X. «Вот они, чудеса!»	119
Глава	XI. Я становлюсь героем дня	134
Глава	XII. «Как страшно было в лесу»	150
Глава	XIII. «Этого зрелища мне никогда не забыть»	165
Глава	XIV. «Это была настоящая победа»	181
Глава	XV. «Глаза наши не переставали дивиться»	196
Глава	XVI. «На улицу! На улицу!»	213
О научной основе романа «Затерянный мир»		231
Примечания		239

Артур Конан-Дойль

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

Редактор *Я. А. Марголин*
Переплет и титул художника *Б. В. Шварца*
Рисунки художника *А. М. Орлова*
Художественный редактор *В. Г. Петухов*
Технический редактор *С. М. Кошелева*
Корректор *Г. А. Невелева*

Т-00044. Сдано в производство 23/XI 1955 г. Подписано в печать 30/I 1956 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Физических листов 7,75. Печатных листов 12,7. Издательских листов 12,72. Тираж 75 000 экз. Заказ № 1104. Цена 3 р. 85 к.

Географгиз, Москва В-71, Б. Калужская, 15

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности.
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова.
Москва Ж-54, Валовая, 28.

3 р. 85 к.

ГЕОГРАФГИЗ